

Боб Каррен Оборотни: люди-волки

Сканирование: sunnydale; распознавание, вычитка: J_Blood <http://oldmaglib.com>
«Боб Каррен «Оборотни: люди-волки»»: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-40145-1

Аннотация

Одни смертельно их боятся, другие не верят в их существование... На протяжении веков их проклинали, ужасались, преследовали, но они появлялись вновь и вновь — во всех странах, во все эпохи!

Ликантропия — превращение людей в волков — в Средние века будоражила всю Европу. Люди-волки, или вервульфы... Это правда или вымысел? Если вымысел, то почему в него верят все народы мира? Если правда, то как это происходит?

Современный исследователь Боб Каррен ставит все точки над i в рассмотрении этого загадочного и жуткого явления.

Боб Каррен «Оборотни: люди-волки»

Введение Прогулка по темной стороне

...Где-то среди теней, что обитают в потаенных глубинах человеческого сознания, крадучись блуждает беспощадный зверь. Это существо, невероятно древнее и первобытное, — реликт изначальной истории рода человеческого, осколок его исходной животной сути. И пусть прошедшие эпохи покрыли человека тонкой корочкой культуры и цивилизованности — зверь по-прежнему выжидает своего часа внутри каждого из нас, готовый в любой момент, как только сложатся благоприятные условия, выскочить наружу,

чтобы сеять повсюду хаос и смерть...

По крайней мере, такова теория, которую порой используют для объяснения абсурдного или неоправданно жестокого поведения человеческих существ, — теория, рассматривающая такое поведение одновременно с позиций психологии и мира сверхъестественных явлений. Она также является основой для множества фильмов, будь то психологические триллеры или обычные фильмы о монстрах, которые на протяжении многих лет одновременно ужасают и возбуждают нас. Не потому ли, что мы инстинктивно распознаем в герое подобного фильма то существо, что таится где-то под поверхностным слоем нашей цивилизованности?

В западной культуре, наверное, не найдется лучшего выражения идеи о древнем чудище, скрывающемся в глубине человеческой психики, чем понятие оборотня-вервольфа. В кино и книгах эта концепция часто воплощается в образе цивилизованного человека, который превращается в рыщущего волка или волкоподобное существо — например, под пагубным влиянием лунного света. Действительно, это представление так глубоко укоренилось в нашей культуре, что приставка *were* - (*вер* -) как таковая подразумевает человеческое существо, способное превращаться в беспощадного зверя, чинящего зло ближним своим, — такое, как, например, *were-leopard* (леопард-оборотень), *were-bear* (медведь-оборотень) или *were-wolf* (волк-оборотень). Но откуда пришло к нам это представление — да и само слово — и как сумели они столь прочно утвердиться в нашем сознании? Ответы на эти вопросы могут оказаться сложнее, чем мы в состоянии себе представить.

Приставка *were* -, *wher* - или *wehr* - (*вер*-), несомненно, происходит из языков саксов, германцев или викингов (она образована, возможно, от древнескандинавского слова *vargr* — «*варгр*», обозначающего изгоя или дикаря, или германского *wagr*, хотя это только предположение). Она, как принято считать, обозначает понятие *человек*, хотя ее точная интерпретация может не иметь ничего общего с людьми, превращающимися в животных или даже приобретающими характерные черты последних. В ранних сводах скандинавских законов, например, существовало понятие о *вергельде* — форме компенсации, выплачиваемой семье несправедливо убитого или его общине. Такое убийство могло быть совершено в битве или по неосторожности — а иногда и как преднамеренное, и в законе была разработана четкая система, благодаря которой семья или община убитого могли получить возмещение ущерба. Понятие вергельд означало «цена мужа» или «цена человека», и этот обычай почитался священным в старинных законодательствах целого ряда северных государств. «Плата за голову» выплачивалась, по некоторым данным, только знатым семействам, члены которых были убиты в локальных конфликтах (закон применялся лишь к тем, кто достиг определенного социального статуса).

Вплоть до XI века не наблюдается никакой связи между этой приставкой (*вер* -) и словом *wolf* или *wulf* (волк), которое появляется затем в Англии в качестве имени собственного. Считается, что оно стало составной частью имени Вульфстан (что ориентировочно переводится как «*волчий камень*») — имени, которое присваивалось нескольким видным английским церковникам XI столетия с целью обозначить их сан или положение. В очень приблизительной трактовке это имя могло означать «настоящий человек» и предполагало величие и непреклонность его носителя в те времена, когда большая часть территории Англии и множество ее храмов подвергались нападениям викингов. Самым знаменитым носителем этого имени-титула был Вульфстан II (умер в мае 1023 г.), епископ Лондонский и Вустерский и архиепископ Йоркский. Он известен как один из преемников Вульфстана I (умер 26 декабря 956 г.) и также может быть каким-то образом связан со святым Вульфстаном (1008–1087 гг.), еще одним епископом Вустерским и христианским святым. На самом деле его могли звать вовсе не Вульфстаном: он мог принять это имя в знак почтения к своему предшественнику. Когда в 996 г. Вульфстан II был рукоположен в епископы Лондона, он также принял персональный титул *Lupus* (*волк* или *лес*, лат.) и начал именовать себя «епископом Волком». Позже он стал подписывать свою

корреспонденцию титулом «*Lupus Episcopus*» (епископ Волк), чем заслужил прозвище «епископ Вервольф». Нет никаких сомнений в том, что епископ Вульфстан был влиятельным и отважным деятелем церкви — он просто обязан был быть таковым. То были беспокойные времена для Англии и английской церкви — эпоха постоянных вторжений викингов и утверждения их могучих королевств, особенно на севере страны.

В 1002 г. Вульфстан занял епископский престол Вустера и одновременно стал архиепископом Йоркским, сделавшись лордом-архиепископом (первым из церковников, избранным сразу на два этих и поста). Йорк во времена викингов был спорной территорией, поскольку Вульфстан I помог свирепому скандинавскому ярлу Оркнея, Эрику Кровавому Топору, завладеть королевством Нортумбрия и сам утвердился в скандинавском королевстве Йорвик, в которое входил Йорк (и которое дало городу его имя). Избрание Вульфстана II влиятельным князем церкви утвердило ее духовную власть над этой беспокойной территорией, и его правление способствовало утверждению там христианства. Он, несомненно, сыграл большую роль в реструктуризации раннеанглийской церкви, проведя реформу, известную под именем бенедиктинской, которая началась в Европе во времена империи Каролингов.

Целью этой реформы было утверждение монашеских стандартов благочестия среди местных священнослужителей и предотвращение распущенности в их среде. Находясь на своем высоком посту, Вульфстан получил возможность способствовать этим нововведениям. Он требовал церковной реформы в серии крайне резких по стилю наставлений, направлявшихся во все храмы его обширной епархии. Одно из них (написанное около 997 г., когда он был епископом Лондонским) озаглавлено *Sermo Lupi ad Anglos* (Проповедь Волка англичанам), в нем автор сетует на нравственную распущенность в стране в целом. Этот текст считается его самым известным — и самым язвительным — наставлением. Вульфстан был настолько заметной политической и административной фигурой, что официально участвовал в подготовке законов (как светских, так и духовных) при дворе двух английских королей — Этельреда II (Этельред Нерешительный, годы правления 978—1013 и 1014—1016) и правителя-викинга Канута Великого (1016—1035 гг.). Вряд ли есть какие-то сомнения в том, что Вульфстан был одним из самых могущественных законодателей Англии и вполне заслужил титул «архиепископ Вервольф», свидетельствовавший о его влиятельности. Но для появления этого прозвища могла быть и другая причина.

Вульфстан был широко известен в Англии своими наставлениями, большинство которых представляли собой не более чем яростные и язвительные нападки на законы, установленные его предшественниками, а также на распространенный в то время образ жизни церковников, который, по мнению Вульфстана, не отвечал принципам истинного благочестия. В эпоху, когда граница между священным и светским часто оказывалась размыта (его предшественник Вульфстан I пытался действовать одновременно как духовный и светский правитель Нортумбрии), а безнравственность среди духовенства — широко распространена, такой ожесточенный критицизм считался необходимым для продвижения реформы, и неистовый Вульфстан казался самым подходящим для этой цели человеком. Многие из его посланий написаны в крайне гневном тоне; серия наставлений, созданных в конце X века, известна как сборник «Черные дни». (Так же как и многие его современники-клирики, Вульфстан полагал, что мир окончит дни свои в пламени и моровом поветрии в 1000 г. и Господь поразит грешников и утвердит свое святое царство до конца времен.) Наряду с праведным неистовством Вульфстана то, что он именовал себя «епископом Волком», создавало в сознании людей образ волка, яростно нападающего на чернь, и прибавляло силы его обвинениям. В данном случае термин «вервольф» (человек-волк) подходил ему как нельзя лучше.

Но термины «*вер*» или даже «*вульф*» (которые сам Вульфстан мог принять как титул) употреблялись не только по отношению к могущественным отцам церкви. Среди некоторых первобытных народов было распространено верование, что прибавление названия волка или пса к имени человека делает его отважным и сильным — так же как означает величие и безжалостность. Великие вожди и воины часто были не прочь присовокупить такое дополнение к собственному имени. Так, ирландцы употребляли префикс *ку-* (означавший гончего пса), ставя его перед именами своих вождей и героев. Мы находим в ирландских легендах героя Ку-хулина («гончего пса Ольстера») и короля Ку-роя (или Ку-ри — «короля-пса»). Сходным образом скандинавы и саксы применяли префикс либо суффикс *вульф*, обозначая силу и свирепость — например, в имени Эдвульф. Поэтому имя Вульфстан вполне могло быть не данным при рождении, а присвоенным, как уже упоминалось ранее. Значит, концепция «человека-волка» могла поначалу быть связана отнюдь не с оборотнем-перевертышем или невольной жертвой, подпавшей под власть демонического духа; она обозначала сильного вождя или могучего воина. Термин *вар* или *вагр* также встраивался в

имена собственные и мог сам стать именем — например, английской фамилией Вэр или Уэр. Такое имя тоже определяло своего носителя как воина и обязывало относиться к нему с уважением.

Хотя слово «вервольф» использовалось архиепископом Вульфстаном для описания себя как личности и утверждения своей власти и влияния (он не выдумал его сам, оно могло употребляться и прежде), следующее документально подтвержденное свидетельство его применения, также в контексте церкви, несколько смещает его смысловой акцент. Оно встречается в «Истории и топографии Уэльса», написанной около 1182 г. Геральдом Камбийским (Геральдом, или Гиральдом, Уэльским), почтенным монахом, который был исповедником принца Джона (Иоанна), одного из сыновей английского короля Генриха II. В одной из глав Геральд повествует о валлийском короле Веретикусе, который был превращен в волка ирландским святым Патриком. По одной древней легенде, Веретикус возглавил набег валлийцев на Ирландию и занял небольшую часть страны, а святой Патрик пришел, чтобы изгнать его оттуда. Веретикус славился исключительной варварской жестокостью, поэтому Патрик превратил его в то животное, которое он более всего напоминал, — то есть в волка. Эта легенда одно время была популярна и в Ирландии, и в Уэльсе, где Геральд ее и записал. До некоторой степени в ней отражены королевский статус и жестокость Веретикуса, но эта легенда — доверчиво воспринятая и изложенная Геральдом как исторический факт — также демонстрирует власть церкви в эпоху, когда она пыталась поставить себя выше светской власти. Заложённая в ней мораль сводится к тому, что король должен был подчиниться власти святого, несмотря на то что сохранил свои свирепость и силу.

Святой Патрик не был единственным кельтским святым, способным произвести такую трансформацию: святой Наталис сумел за один древний грех превратить в волков целый клан. Существовали и другие, чьи деяния описаны в христианских легендах Ирландии, Шотландии и Уэльса. Представление о вервольфе — человеке, превращающемся в зверя, — которое, как нам предстоит убедиться, составляло самый верхний пласт человеческого подсознания, начало обретать свою особую форму в общественном сознании. Так и были заложены основы наших современных представлений об этом существе. Но подобное существо появлялось далеко не только в церковном контексте — светское общество также внесло свою лепту.

В своем тексте *Otia Imperialia* («Императорские досуги»), написанном около 1212 г., средневековый хронист Гервасий из Тилбери (1150–1218 гг.) упоминает о человеке, который превращал свой облик в волчий, подолгу катаясь обнаженным по песку. Он также делает интересное предположение о том, что такие превращения могут быть связаны с полной луной, хотя это представление и необычно для Средневековья — оно появилось не так давно, в более современных книгах и фильмах. Клирик по имени Гервасий также был вхож и в светские круги (он был адвокатом, специалистом по церковному праву) и частенько появлялся при императорском дворе. Его покровителем был император Священной Римской империи Отон IV, для которого, собственно, были написаны и которому посвящены «Императорские досуги». Последний факт дает ключ к впечатляющему представительству Гервасия при императорском дворе. Этот текст принадлежит к литературному жанру, известному как *speculum*,¹ получившему свое название от магического зеркала, или *спекулума*, которым, как считали тогда, обладали и волшебники, и святые. Такое зеркало показывало им, что происходит в любом месте земли, обеспечивая их энциклопедическим по широте сводом знаний о тех вещах, к которым оно обращалось. Книга Гервасия была задумана как полное собрание информации о чудесах света, и относиться к изложенным в ней сведениям следовало как к истинным фактам. Таким образом, учитывая несомненную ученость Гервасия и его положение среди современников, идея о превращении человека в

¹ В русской литературной традиции этот жанр известен под названием «зерцало» — произведение нравоучительного и образовательного характера, например, «Великое зерцало», «Юности честное зерцало».

волка была легко воспринята как императором, так и его подданными.

Другие придворные тоже принялись писать о людях, превращающихся в диких зверей, в прозе и стихах. Их произведения имели широкое хождение не только при императорском дворе, но и при дворах правителей Англии и Франции. А от придворных и церковников это представление начало мало-помалу просачиваться в среду простолудинов.

Идея о человеке, перекидывающемся в дикую тварь и обратно, постепенно завладевала умами людей. Ей предстояло просуществовать столетия, достигнув пика популярности (как нам предстоит увидеть позже) во Франции, между XVI и XVII веками. И, разумеется, образ жуткого зверя — жестокого древнего врага — продолжал и продолжает преследовать человеческую душу и по сей день, рыская прямо под тонкой прослойкой того, что нам угодно называть цивилизованным обществом.

Но каковы же истинные истоки этого верования и почему оно наполняет нас таким ужасом? Идея оборотня-вервольфа представляет собой поверхностный слой некоторых наиболее глубинных человеческих страхов и представлений. Здесь и оторванность от естественной среды обитания, и страх перед дикой природой, и ужас перед каннибализмом, и врожденное подспудное осознание жестокости и зверства, которые часто скрыты под внешним лоском человеческой «цивилизованности». Вой волка, наводящий на мысли об одиночестве и уязвимости человека, символизирует этот комплекс глубоких чувств наиболее выразительным способом. Поэтому страх перед тем, что мы сами способны стать таким существом — и можем в один прекрасный день в него превратиться, — является, возможно, самым древним и худшим из наших ночных кошмаров. Давайте пройдем по его зловещим тропам и посмотрим, не удастся ли нам выманить из логова того, кто стал прототипом легенд об оборотнях-вервольфах. Вперед, на охоту за волком!

Глава 1

Тень волка

Заговори о волке — и увидишь его клыки.
Старинная ирландская пословица

Волк — это, наверное, самый старый враг рода человеческого: наша вражда восходит к доисторическим временам. Именно с волком наши далекие предшественники состязались в охоте и вступали в смертельные схватки в девственных лесах первобытного мира. И, вполне возможно, волк одерживал верх над праотцами людей, ибо он быстр, силен и хитер. Он умел преследовать и загонять дичь искуснее, чем наши тяжелые на подъем и неповоротливые предки, да и свою территорию защищал лучше, чем древние люди. У него четыре лапы, что придает ему дополнительную скорость, гладкое гибкое тело, отлично приспособленное к погоне, и острые хищные зубы, которые могут вспороть добыче брюхо в считанные мгновения. Он был вселяющей страх, совершенной машиной для охоты и убийства, далеко превосходящей все, на что были способны наши предки. Неудивительно, что древние люди и ненавидели его, и боялись. И все же в этом животном было нечто достойное восхищения, ибо те самые качества, которые вселяли в род человеческий ужас, одновременно его и привлекали. Люди завидовали его силе и свирепости, его пластичности и быстроте, его неутомимости и охотничьему мастерству. Во многих отношениях волк был не просто врагом — а врагом, которому хотелось подражать. В мире, где различия между людьми и животными были весьма туманны, такие отличительные свойства просто необходимы для выживания, и наши предки страстно желали стать такими же удачливыми охотниками, как волки.

Естественным результатом этого желания стало то, что характерные черты человека и зверя стали сливаться и смешиваться в человеческом сознании. Возможно, если бы человек сумел полностью симитировать волка, он бы каким-то образом воспринял по крайней мере некоторые умения и превосходные охотничьи навыки этого животного. Но как добиться

приобретения таких навыков? Эту задачу отчасти могли разрешить сверхъестественные средства. Используя силы иного мира, в котором, по представлениям древних, правила анималистические сущности — духи животных, люди могли присвоить волчью физическую мощь, хитрость, быстроту и агрессивность, которых, по их мнению, им так не хватало. Волк, разумеется, входил в пантеон животных, с которыми древним людям приходилось делить этот мир, которых они также почитали, считая их качества достойными приобретения. Но волк в этом пантеоне был одной из наиболее значительных фигур. Это, разумеется, подчеркивало его статус как непревзойденного охотника.

В те далекие времена охота, должно быть, являлась крайне рискованным и сложным делом, важнейшим элементом для выживания человеческой общины. В эпоху, предшествующую развитию земледелия, нехватка пойманной и убитой охотниками добычи означала голод, а в худшем случае — и гибель племени. Для постоянно растущих общин древних людей это был вопрос жизни и смерти в самом прямом смысле слова. Особенно насущным он становился во время долгих суровых зим, когда дичь попадалась редко, а стаи волков оказывались гораздо лучше приспособленными к ним, чем жалкие кучки людей, жавшихся поближе к кострам, спасаясь от холода. В такие периоды характерные для дикого зверя качества проявлялись в полную силу, и люди отчаянно желали больше походить на волков. Возможно, думали они, если как следует притвориться волком, то можно приобрести или скопировать некоторые из его свойств, необходимых для выживания в трудное время. Возможно, если завернуться в волчьи шкуры и перенять волчьи повадки, то природные духи примут их за настоящих волков и вознаградят нужными умениями и силой. Но чтобы «вселить» такую психическую составляющую в охотников, сверхъестественный посредник в лице шамана должен был вступить в контакт с подходящими духами. И для этого он вполне мог принять облик животного.

Чародей

Наиболее раннее свидетельство того, как мог выглядеть такой шаман, пришло к нам из Франции. Речь идет о знаменитом изображении, известном как «Чародей из Ле-Труа-Фрер», — замечательном рисунке эпохи палеолита на одной из стен пещерной системы, уходящей глубоко под склоны Пиренеев в районе деревушки Монтескье-Авант. Так называемый «Чародей» (фигура, как принято считать, олицетворяющая древнего шамана) представляет собой странное создание: гибрид, в котором сочетаются элементы человека и животного. На рисунке он изображендвигающимся вбок и вверх в позе, похожей на танцевальную. Он стоит на двух вполне человеческих ногах, но при этом наклонился вперед, словно готовясь упасть на четвереньки, как животное, и опереться на передние руки-лапы, похожие на медвежьи. Широкие рога украшают лоб над бородатым антропоморфным лицом, с которого глядят неподвижным взглядом умные глаза, напоминающие совиные. Но в нижней задней части тела ясно различим пышный волчий хвост, откинутый назад и обнажающий фаллос, похожий на львиный.

До пещеры, на стене которой начертан рисунок, можно добраться только ползком, почти по-пластунски, через соединительный туннель длиной 30 или 40 ярдов. Историки культуры (например, Джозеф Кемпбелл) предполагали, что такой затрудненный и неудобный путь к этому месту служил для создания вокруг него мистической и таинственной атмосферы. «Чародей» — фигура действительно необычная и загадочная, и несложно представить себе эту первобытную фреску в роли святой святых древнего палеолитического культа. Рисунок датирован примерно XIII тысячелетием до н. э., что привело культурологов-антропологов, таких как Маргарет Мюррей, к выводу (хотя, возможно, и ошибочному) о том, что он является изображением «одного из первых земных божеств». Другой археолог и антрополог, француз Анри Брей (1877–1961 гг.), который, кстати, первым обнаружил и зарисовал эту наскальную роспись, не соглашался с таким мнением и считал рисунок изображением шамана в образе «териантропа» (идеализированная

фигура, сочетающая как животные, так и человеческие характеристики). Позднейшие теоретики считают, что оба мнения неверны, и полагают, что рисунок изображает шамана мадленской культуры, которая существовала в конце последнего великого ледникового периода в Европе, около 10 000 лет до н. э. (точнее, 15 000 — 8 000 гг. до н. э.). Однако существуют и предположения, что эта фигура связана с некой разновидностью охотничьего ритуала, в ходе которого люди принимали характерные черты облика будущей добычи. Связь между человеческим и животным мирами в таком ритуале совершенно очевидна.

Хотя на стене пещеры нет никаких надписей о самом «Чародее» и воплощаемом им охотничьим обычае (до изобретения письменности было еще далеко), похоже, что его фигура в значительной степени создана по образу и подобию волчьей.

Волки, должно быть, сильно воздействовали на воображение первобытных людей — ибо, несмотря на непримиримую вражду, те и другие имели некоторые общие характерные черты. Так же, как и древние люди, волки были животными общественными. Они охотились стаями, повиновались строгим законам лидерства и заботились о молодняке. Те же характеристики свойственны и человеку, поэтому неудивительно, что эта общность явилась первопричиной связи между людьми и волками на уровне восприятия. Представление о такой связи сформировало основу для некоторых древнейших легенд. Существовало, в частности, поверье, что волки могут вырастить покинутых человеческих детей как своих собственных (тема, к которой нам в этой книге еще предстоит вернуться).

Ромул и Рем

В соответствии с античной традицией, например, считается, что Ромул и Рем (771–717 и 771–753 гг. до н. э. соответственно), основатели «вечного города» Рима, были вскормлены и выращены проявившей доброту волчицей. Близнецы, по легенде — сыновья бога войны Марса, были во младенчестве брошены матерью Реей Сильвией, жрицей-весталкой,² в районе Альба-Лонга (предположительно в районе холмов Альбан) на территории античного Лация. Им предстояло утонуть в трясине — но их нашла вышедшая на поиски пищи волчица, отнесшаяся к малышам с почти человеческим сочувствием. В соответствии с некоторыми из вариантов этой легенды, волчица была воплощением волчьей богини Луперки, что предположительно свидетельствует о наличии у древних латинов высокоразвитой системы почитания волков.³ Но, кем бы она ни была, волчица заботилась о младенцах, выкармливая их своим молоком, пока детей со временем не нашел пастух Фаустил, который вырастил их, как собственных сыновей.

² Весталки, жрицы богини Весты, все время служения (30 лет) должны были сохранять целомудренный образ жизни, его нарушение строго каралось — закапыванием живьем в землю на Злодейском поле (*Campus Sceleratus*), а соблазнителя засекали до смерти.

³ Существовал также римский бог Луперк, или Луперций, бывший одной из ипостасей Фавна. Луперк был покровителем стад — и защитником их от волков. Праздник его — луперкалии — отмечался в День св. Валентина.

Позже близнецам предстояло выяснить свое истинное происхождение и быть призванными на царство народом Лация, основать Рим и править им после смерти их дяди и прежнего царя Амулия. Впоследствии Ромул убил Рема (по некоторым версиям, в приступе по-волчьи неистового бешенства он ударил брата по голове лопатой), чтобы стать первым правителем Рима. Запечатленная в этом поверье идея союза между человеком и животным — волчица кормила человеческих детей, как если бы они были ее собственными щенками, — один из первых примеров сопоставления в легенде человека и волка.

Гильгамеш

Хотя легенда о Ромуле и Реме появилась в глубокой древности, это явно не самый древний из известных мифов, связывающих людей и волков. Возможно, древнейший из них восходит ко II тысячелетию до н. э. и повествует о настоящем превращении в зверя. Прославленный эпос «Гильгамеш» — один из старейших известных нам литературных текстов. Он был написан для древних правителей Урука (позднее — Месопотамии), впоследствии переведен на аккадский язык. Он повествует о деяниях Гильгамеша, правителя-бога, сына Лугальбанды, пятого царя Первой династии, предположительно правившего около 2600 года до н. э. Этот эпос представляет собой собрание древних изустных сказаний, изложенных в определенном порядке, для услаждения и развлечения царского двора — а также для обеспечения дополнительного почета и славы прежним царям. Гильгамеш, согласно легендам, был возлюбленным богини Иштар, которая предлагала ему

свою любовь. Герой, однако, отверг ее — из-за ее отношения к прежним возлюбленным. Ранее один молодой пастух также влюбился в богиню и приносил ей множество даров в святилище на склоне горы. Поначалу тщеславная Иштар поощряла его, но, будучи существом капризным, скоро устала от его обожания и обратила его в волка. После этого он был в ключья разорван собственными сторожевыми псами. Эта древняя легенда, возможно, легла в основу позднейшего греческого мифа об охотнике Актеоне — самом знаменитом во всех греческих городах-полисах, — который осмелился исподтишка подглядывать за богиней Артемидой, когда она купалась в лесном озере. Обнаружив наглеца, богиня разгневалась и обратила злополучного Актеона в оленя; так же как и пастух из Урука, он был растерзан собственными гончими.

НИКЕРОТ

Хотя упомянутый фрагмент эпоса о Гильгамеше часто цитируют как наиболее древний письменный источник, повествующий об оборотнях-вервольфах, некоторые ученые не считают его настоящей легендой об оборотне, аргументируя это тем, что в нем нет описания непосредственного момента трансформации. Вместо этого они указывают на фрагмент «Сатирикона», творения римского автора Петрония (27–66 гг. н. э.), писателя-сатирика и придворного императора Нерона. Это произведение было создано около 61 г. н. э., но не публиковалось до 1664 г., а ходило лишь в списках. «Сатирикон» описывает приключения двух друзей-гомосексуалистов Энколпия и Гитона — но также содержит историю Никерота,⁴ солдата, который однажды вместе со своим знакомым шел в другой город. По дороге они остановились у заброшенного кладбища, чтобы облегчиться. К ужасу солдата, его спутник со зловещим смехом описал собственной мочой круг вокруг себя, сбросил одежду (которая затем обратилась в камень), превратился в волка и помчался прочь — бесчинствовать в соседнем селении. Там он был ранен в шею копьем, брошенным одним из местных жителей, и был принужден спасаться бегством. Никерота лечили от его ранения в доме неподалеку. В этой истории скрыто несколько подтекстов: например, мочиться на территории кладбища считалось оскорблением, нанесенным мертвым, и неминуемо влекло за собой сверхъестественные последствия. А идея спутника, способного превратиться в рыскающего волка, указывает на то, что древние представления об этом животном успешно дожили до античных времен.

Ликейские легенды

Действительно, на протяжении всего периода Античности волка неизменно изображали существом, вызывающим ужас и восхищение. В античной Греции, например, на вершине горы Ликей, в укромном уголке Аркадии на полуострове Пелопоннес, проводился некий таинственный ритуал. Упоминание об этом месте и совершавшихся там тайных обрядах дошло до нас благодаря греческому автору Павсанию (лидийскому географу, который окончил свои дни в царстве Спарта где-то между 470 и 465 г. до н. э.). Во времена, когда он создавал свои труды, нижняя часть склонов этой горы была покрыта густыми лесами, дававшими приют хищным волкам, присутствие которых делало этот район чрезвычайно опасным местом. Однако верхняя часть горы была голой и каменистой, и среди больших валунов, как рассказывали, скрывалось необычное святилище, посвященное Зевсу Ликейскому, где исполнялись странные ритуалы. Имя горы ведет свое происхождение от древнегреческого мифа. По легенде, Ликаон был доисторическим правителем, царем Аркадии во времена, предшествовавшие Всемирному потопу. В попытке добиться

⁴ У Петрония Никерот — это рассказчик истории, а не оборотень. Оборотнем как раз был солдат, оставшийся безымянным. Вероятно, здесь результат случайной ошибки.

благосклонности Зевса царь пригласил бога на пиршество, устроенное на вершине горы. На пиршественный стол было подано человеческое мясо — по некоторым версиям этой легенды, это была плоть его собственного сына Никтима или племянника Аркаса. Когда Зевс понял, что вкусил человеческой плоти, он разгневался и в приступе ярости превратил Ликаона в волка. В этом обличье Ликаону предстояло провести девять лет, после чего он должен был снова превратиться в человека — с тем условием, что за все это время он не отведал человеческой плоти. Вкусив же ее, он остался бы волком навеки. Ритуал, упоминаемый Павсанием, вероятно, включал почитание Зевса в образе волка. Это привело некоторых исследователей к предположению о том, что частью ритуала были также человеческие жертвоприношения и каннибализм.

Однако Вальтер Бёркерт, специалист по истории культуры и религии Греции, основывая свою теорию на трудах Плиния, предполагает, что этот ритуал мог быть формой так называемого «переходного обряда», практиковавшегося юношами в некоторых аркадских общинах и родах. Плиний пишет, что из членов рода выбирали юношу и отводили его в отдаленную местность, где он снимал одежду, вешал ее на ветви дуба, переплывал озеро и уходил в леса, чтобы прожить там, как дикий волк, девять лет, после чего возвращался, одевался и возобновлял жизнь в человеческом обществе, уже в качестве взрослого мужчины. В течение этих девяти лет он не должен был пробовать человеческой плоти, иначе он становился лесной тварью и терял человеческий облик. Упоминание о переплывании озера — показательный момент, поскольку оно олицетворяет, по мнению антропологов-культурологов, разрыв с миром людей. Возможно, частью таких ритуалов были и человеческие жертвоприношения, но истинная природа их остается неясной. Павсаний же, хотя и не сомневается в их существовании, крайне скептически отзываясь о возможности превращения человека в волка.

ДАМАРХ

Павсаний упоминает и другую похожую историю (в истинности которой также сомневается), повествующую о кулачном бойце из Аркадии Дамархе, который стал победителем Олимпийских игр около 400 г. до н. э. Он принял участие в соревнованиях после того, как был превращен в волка на девять лет, а затем пережил обратное превращение. Однако многие другие греческие авторы вовсе не так скептически, как Павсаний: Аркадия, в конце концов, была географически труднодоступным и потому таинственным районом, обычно ассоциировавшимся в те времена со сверхъестественными силами и колдовством. Сила и умения Дамарха, бесспорно, считались результатом его «волчьих связей».

Почитание богов

Но не одни лишь кулачные бойцы были воинственными «волками» древнего античного мира. Плиний также свидетельствует, что у подножия горы Соракты в Этрурии (Италия), примерно в 26 милях от Рима, раз в год проводилась необычная церемония в честь богини Феронии. Она, вероятно, была богиней плодородия, священной покровительницей растений и некоторых видов животных—хотя, каких именно, не указано. Ее праздник был известен под названием *Hirpi Sorani*, или праздника Соранских волков, и привлекал огромные толпы народа не только из близлежащих деревень, но и из самого Рима. Во время церемонии некоторые люди, известные под названием «волчьих колдунов» или «волчьих воинов», одержимые духами волков, ходили босыми ступнями по пылающим углям, не получая при этом никаких видимых повреждений. Эти люди считались неодолимыми бойцами и, оставаясь под властью вселившихся в них волчьих духов, совершали подвиги, требовавшие огромной силы и отваги, на посвященном этому событию празднестве. В результате таких деяний они освобождались государственной властью от любых общественных работ и

обязанностей и высоко почитались местным населением.

Между античными авторами велись жаркие споры о том, Феронии ли вообще был посвящен этот праздник. Плиний и Virgilий утверждали, что он составлял часть более древнего культа, гораздо старше самой богини, посвященного богу упомянутой горы, которого звали Соранус. Позднее его отождествили с богом Аполлоном, хотя существует предположение, что в своей изначальной ипостаси Соранус мог представлять верующим в обличье волка. Другой римский автор, последователь Ливия и Virgilия, Силий Италик (25 или 26 — 117 гг. н. э.) упоминает о людях, проходивших сквозь пламя после принесения человеческой жертвы, неся в руках ее внутренности, — акт, который даровал им «божественное прикосновение» и статус «колдунов». Однако относится ли это описание к празднику Феронии у горы Соракты — неясно.

Неури

Некоторые писатели древности навешивали ярлык «оборотничества» на целые народы без разбору. Почтенный историк Геродот (484–425 гг. до н. э.), например, утверждал в своей «Истории», что некоторые члены племени неури, жившего на границе Скифии (современная Украина), раз в году «перекидывались» в волков, а все племя, по меньшей мере, состояло из антропофагов (в изначальном смысле слова — людоедов). Хотя некоторые неури действительно могли быть каннибалами, все же нет веских оснований полагать, что они принимали обличье волков или что волк у них почитался каким-то особенным животным. Эта легенда, скорее всего, — не более чем результат ксенофобии соседствовавших с неури народов, хотя в ней могло присутствовать и зерно истины — в том, что касается каннибализма.

Анубис

Греки и римляне были, разумеется, не единственными древними народами, которые почитали богов, ассоциировавшихся с собаками или волками. Египтяне также чтили божеств, щеголявших человеческими телами и головами диких волкоподобных существ. Самый известный из них, разумеется, Анубис, древнеегипетский правитель царства мертвых, а позднее — бог, который надзирал за бальзамированием и мумификацией. Это божество было гибридной сущностью с головой пустынного шакала и телом человеческого существа, иногда изображалось с потемневшей и гниющей плотью. Существуют, однако, изображения Анубиса в полностью зверином облике — в виде огромного черного пса.

Кульτ Анубиса процветал в Египте во времена, которые археологи называют эпохой Древнего царства (III тысячелетие до н. э.), но происхождение его может быть гораздо более древним. Позднее в мифологии на посту верховного бога его сменил Осирис, бог, сумевший воскреснуть и победивший смерть. В эпоху Древнего царства Анубис был одним из восьми богов (составлявших священный Огдоад), правивших землями по берегам Нила. Пожалуй, самое известное его изображение было найдено в прославленной египетской «Книге мертвых», где он изображен взвешивающим сердца умерших на весах Истины, чтобы определить, достойны ли они загробной жизни. Нет никаких сомнений в том, что в своем качестве хранителя врат между двумя мирами Анубис был для древних египтян крайне важным богом. Собачья голова и связь с миром мертвых, возможно, являются результатом отождествления его с шакалом — падальщиком, который селился на кладбищах и ассоциировался с разрыванием могил и пожиранием мертвых тел.

ВЕПВАВЕТ

Как было отмечено ранее, Анубис, несмотря на свою несомненную древность, мог быть позднейшим воплощением еще более древнего божества. Первый претендент на роль его предшественника — Вепвавет, божество города Асьют (Сиут) в Верхнем Египте, позже, в греко-романский период, переименованного в Ликополь (город волков). Так же как и Анубис (с которым его часто отождествляют), Вепвавет иногда изображается в виде человека с головой волка или шакала, но чаще — в образе волка (отсюда и греческое название города). Он считался Открывателем Пути — крайне суровым божеством, которое сопровождало души умерших через Дуат (в египетской религии — область, напоминающая раннехристианские представления о чистилище). Возможно, Вепвавет был олицетворением одного из фараонов Древнего царства (а может быть, и нескольких), которые не прочь были приписать себе некоторые качества волка. По этой причине Вепвавет часто рассматривается как «защитник царской власти» и разновидность бога войны. Текст наскальной надписи на Синае говорит о том, что Вепвавет «открыл путь» царю Сехемкету (фараон Третьей династии) к «великой победе» над его врагами. Это позволяет предположить, что упомянутый фараон был неистов в битве (подобен волку). На изображениях этого божества мы видим его в египетской воинской одежде, с луком или булавой в руке; и то и другое — свидетельство его свирепости. В некоторых случаях Вепвавет изображен несущим булаву царя Нармера, египетского фараона, правившего в XXXI веке до н. э., в знак его великой древности (и, соответственно, древности волчьего культа в Древнем Египте). Позже, когда Вепвавет ассимилировался в традиционный египетский пантеон, его стали изображать как сына Анубиса (возможно, из-за их внешнего сходства), хотя в некоторых легендах он назван сыном бога-змея Сета.

Фенрир

Почитание волчьих богов, конечно, не ограничивается территорией античного мира или Древнего Египта. В холодных северных землях Скандинавии, где волки «правили бал», они — что неудивительно — проложили себе путь в мифологию и отличались, в качестве богов, невероятной свирепостью и дурным нравом. Самый знаменитый из нордических божеств-волков — Фенрир, также называемый Фенрисом (в некоторых версиях мифов он описывается как волк-демон — что отличает его от истинных богов Асгарда), старший сын скандинавского бога Локи (бога злого озорства и пороков) и великанши Ангрбоды (чье имя означает «вестница скорби»). Он был чудовищем в обличье гигантского волка, которое, как боги узнали из пророчества, однажды станет причиной Рагнарека, конца света. Будучи щенком, Фенрир не представлял угрозы — но щенок вырос и превратился в монстра. Боги решили, что его следует заковать в цепи, но к тому времени волк сделался настолько силен, что рвал любую надетую на него цепь. Было похоже, что конец света не за горами, и требовались какие-то срочные решительные меры. Боги велели гномам изобрести нечто, способное удержать Фенрира, и те изготовили в своих подземных кузницах материал, названный Глейпниром. Пути из него были необыкновенно мягкими — и, тем не менее, их нельзя было разорвать. Они были созданы из целого набора необычных веществ — женской бороды, корней гор, кошачьей походки, дыхания рыб, медвежьих сухожилий и птичьей слюны. С помощью этих пут боги надеялись связать Фенрира так, чтобы он не мог сбежать. Фенрир был очень осторожен, и хотя боги пригласили его на грандиозное пиршество, он отказался надеть на себя оковы — пусть даже из такой непрочной на вид субстанции. После долгих пререканий Фенрир все же согласился — при условии, что один из богов (или одна из богинь) вложит руку в его пасть. Большинство богов наотрез отказались это сделать, но бог Тюр, или Тиу (в честь которого получил свое английское название вторник — Tuesday), согласился. Фенрира связали с помощью Глейпнира, и хотя он отчаянно боролся, освободиться не смог. В гневе и разочаровании он откусил Тиу руку, но это ему не помогло. Боги приковали его к скале в подземном мире, где-то под рекой Гьёль, всунув ему между

челюстей меч, чтобы он не мог больше никого искушать. Там он и ждет Рагнарека, конца этого мира.

По мере того как проходят эпохи, Глейпнир слабеет, и когда наступит Рагнарек, Фенрир освободится и вновь нападет на богов, убьет Одина и станет причиной конца света, как и было предсказано. После этого он сам будет убит одним из сыновей Одина — Видаром, вторым по мощи среди богов, но недостаточно быстро, чтобы обратить процесс вспять. В представлении викингов Фенрир представлял два самых мощных (и взаимосвязанных) элемента, характеризующих реальность древней Скандинавии: силу и ужас разрушения.

Хотя Фенрир фигурирует в традиционной скандинавской мифологии, его образ, возможно, является только поверхностным отражением местных волчьих культов, существовавших на всей территории скандинавского мира. Стаи волков бродили по лесам Норвегии, Дании и многих других стран, а духи волков почитались во множестве селений и общин этих земель. Они были не только агрессивными существами, но также и покровителями и защитниками. На самом деле в разгар зимы они иногда вознаграждали тех, кто преданно поклонялся им в течение всего года, становясь почти что прототипами нашего сегодняшнего Санта-Клауса! Будучи символом власти и силы, волк так же стал символом защиты и удачи для общины.

Верования американских индейцев

Идея волка как духа-покровителя, или тотема, не является исключительной собственностью скандинавской культуры; впоследствии ее обнаружили и в культурах таких цивилизаций, как американские индейцы. Некоторые племена коренных жителей Америки приняли волка в качестве своего тотема и продолжают считать его таковым и по сей день. Отношение индейцев к волку — несколько иное, чем в Западной Европе. Они видели в этом животном собрата-охотника, уважали его и восхищались им. Они завидовали его хитрости, свирепости, беспредельной энергии и скорости — могло ли племя пожелать себе лучшего покровителя? В целом ряде индейских легенд волк появляется как защитник племени, в особенности его наиболее слабых и незащищенных членов. В фольклоре шошонов, например, волк всегда является покровителем женщин и маленьких детей. В одной старой сказке рассказывается о шошонской деревне, на которую напали враги. Часть детей — в основном девочки — и их матерей бежали в окружающий деревню лес. Враги, которые поставили себе целью истребить всю общину, преследовали их по пятам. Пытаясь спрятаться в подлеске, беглецы наткнулись на стаю волков — и, вместо того чтобы напасть на них, животные окружили их защитным кругом и отпугнули врагов своими острыми клыками. Позднее оставшиеся в живых сумели возвратиться и отстроить свою деревню заново — благодаря волкам. Разумеется, волк стал тотемом этой деревни.

На холодном Севере, где животные водятся в изобилии, волк также стал тотемом, в особенности для племени тлингитов, добытчиков пушнины с Северной Аляски. Прекрасно вырезанный, свирепый на вид деревянный волк украшает могилу тлингитского вождя на острове Врангеля на Аляске, вероятно отпугивая осквернителей и грабителей. Различные изображения волков-духов также имеются на многих индейских тотемных шестах, которые по-прежнему можно увидеть в ряде городов и деревень Аляски и Канады.

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

Индейская традиция рассматривала волка как чрезвычайно мудрого зверя, особенно в вопросах, касающихся мира сверхъестественного. На самом деле, помимо своей роли защитника общины, это животное выступало еще и в качестве советника для отдельных ее членов — особенно для молодых людей во время «переходного ритуала», такого, например, как превращение мальчика в мужчину. В ритуальном сне волк действовал как своего рода

«духовный проводник», ведущий молодых людей трудной дорогой взросления (например, к тому, чтобы стать настоящим охотником), давая им по пути ценные советы и мудрые наставления. Местные шаманы, присутствуя в качестве руководителей подобных церемоний, часто одеваются в невыделанные волчьи шкуры и носят на голове маски из волчьих голов, символизирующие их связь с божеством. В подобных случаях они также стараются подражать повадкам волков, пытаясь привлечь внимание духов, чтобы попросить у них совета. В результате шаманы в ходе ритуала едва ли не полностью обретают волчье обличье, воплощая местные представления о людях-волках. Когда шаман вступает в контакт с духом волка, он сам становится волком — в трансцендентном смысле. Он превращается в животное, щелкающее зубами, рычащее и царапающееся, чтобы обрести способность руководить своими питомцами из общины. Он как бы на самом деле обретает сущность волка, насколько мы в состоянии ее понять. И, скорее всего, волчьи жрецы в других культурах вполне могли пользоваться теми же атрибутами, закладывая в общественном сознании фундамент для легенд об оборотнях-вервольфах — людях, превращающихся в зверей благодаря сверхъестественным силам. Этому образу предстояло оставить неизгладимый след в человеческой психике.

Христианство

Прошло не так много времени, прежде чем развивающаяся христианская церковь также усвоила и ввела образ волка в часть своих легенд. Некоторые святые изображались с волчьими головами или другими волчьими чертами, снабдив богатым материалом христианские притчи. Иногда святые превращались в собак и наоборот. Одна такая история повествует о раннехристианском французском святом Гинефорте. По легенде, святой был рожден борзым псом, любимцем богатого и знатного человека. У этого лорда был маленький сын, которого пес должен был защищать от всякого зла. Однажды, вернувшись с охоты, лорд увидел, что детская колыбелька и сам младенец покрыты кровью. Кровь оказалась и на морде верного, как прежде думал хозяин, пса.

По всей видимости, пес напал на младенца и убил его. В ярости и отчаянии лорд прикончил собаку. Только после этого он обнаружил, что младенец жив, а под колыбелью лежит огромный и смертельно ядовитый змей (который, как известно, в христианской мифологической традиции ассоциируется с самим Сатаной). Пес не трогал ребенка — напротив, он защищал колыбель и растерзал тварь, которая пыталась на него напасть. Лорд был вне себя от скорби и угрызений совести. Он похоронил пса на освященной земле, а вокруг посадил рощу деревьев, как полагалось по древнему кельтскому обычаю. Местные жители, прослышав о героическом поступке невинно убиенного пса, стали приходить, чтобы поклониться его могиле, и оставляли возле нее камни, из которых образовался священный холм. Постепенно слава Гинефорта росла и распространилась в другие области Франции. Известен церковный документ под названием *De Adoratione Guinefortis Canis* («О почитании пса Гинефорта»), эта история упомянута средневековым писателем Симоном из Бурбона (умер в 1262 г.). Вокруг могилы пса образовался и разросся культ, который мог поспорить с культом любого святого; Гинефорта называли святым покровителем маленьких детей. Раздавались даже голоса, требовавшие полной канонизации Гинефорта. Но тут церковь сказала свое веское слово. Церковным каноном запрещено присваивать статус святого какому бы то ни было животному — хотя, с другой стороны, животное вполне можно обвинить в ереси.

Тем не менее компромисс был достигнут. Имя Гинефорт было присвоено одному бургундскому святому, и церковь объявила, что на самом деле святой пес был превращен в человека. Бог, как было сказано, обладает силой одарить животное душой, если оно выкажет доброту и героизм, придав ему человеческое обличье. Но, предостерегала церковь, Господь может так же и превращать людей в животных, если поведение их будет греховным или похотливым. Таким образом, Гинефорт стал известен всей Франции как «собачий святой»,

блаженный, непосредственно произошедший от собаки. Противоположностью этому образу был, разумеется, оборотень-вервольф — человек, который превращался в собакоподобное существо.

Почти дословно повторяет историю о Гинефорте уэльская легенда, в которой святой Гелерт описан как некогда любимый гончий пес Ллевеллина Великого, правителя Гвиннеда. Он также был превращен в человека.

Отдаленно похожая история также иногда связывается с именем святого Роша из Монпелье, которому служил верный и благочестивый пес, укравший хлеб со стола своего хозяина, чтобы отнести его святому, когда тот лежал один в лесу, став жертвой морового поветрия. В некоторых версиях животное было вознаграждено за свой святой поступок дарованной ему душой и превращением в человека — так же, как и Гинефорт. Более в истории и легендах о подобных случаях не упоминается.

СВЯТОЙ ХРИСТОФОР

Но святой Гинефорт и святой Рош — не единственные святые, которые имели прочные связи с «собачьим миром». Самым знаменитым из них был св. Христофор, покровитель путешественников, на некоторых средневековых изображениях имеющий собачью голову. Имя Христофор, как принято считать, обозначает «несущий Христа», но это — греческая вариация имени, данного ему в крещении. На латыни исходное имя этого человека было Репребус — искаженное Репробус, обозначающее «злой». По древней легенде, Христофор был представителем народа псоглавцев,⁵ иногда называемых мармаритами (предположительно — жителями малоизвестной страны Мармарики где-то в Северной Африке). Известно также, что в годы юности Христофор был людоедом и говорил только на грубом гортанном наречии народа псоглавцев.

Услышав слова христианского пророка, который проповедовал на границах его страны, Христофор начал задумываться о своей жизни и деяниях. Когда он однажды сидел, погружившись в размышления, ему явился ангел и коснулся его губ, после чего Христофор смог говорить на всех языках, чтобы его мог понять любой житель мира. С тем Христофор покинул свою страну и отправился в Грецию, где начал проповедовать Священное Писание всем, кто желал слушать, — и стал видным миссионером, известным во многих странах. От этой его деятельности, по одной версии, и происходит истинное значение его имени: он принес слово Христово во множество языческих земель. Однако свою собачью голову он на плечах сохранил, и церковь по-прежнему относилась к нему крайне подозрительно.

История Христофора как собакоголового святого существовала в Средневековье довольно долго, особенно в Ирландии, где монахи кельтской церкви по-прежнему пользовались греческим шрифтом, а не латинским (источники, в которых содержалась история о Христофоре, в основном были написаны по-гречески). Они разослали списки этой легенды во множество монастырей острова. Знаменитая *Leabar Brac* (Пестрая книга), которая содержит ирландский календарь святых VIII столетия, недвусмысленно констатирует, что Христофор происходил из народа псоглавцев, ел человеческую плоть, а когда еще не помышлял о Боге, мог говорить только на языке собакоголовых. Писатель Вальтер фон Шпейер (X век) также приводит две биографии этого святого (одну в прозе, а другую в стихах), в которых также есть ссылка на тот факт, что у Христофора была собачья голова и происходил он из такого же народа.

Эта история может вести свое происхождение со времени правления римского императора Диоклетиана (правил в 284–286 гг. единолично и в 286–305 гг. вместе с Максимом). В это время некий воин по имени Репробус («злой» или «негодяй») был пленен в битве и приведен в Рим в качестве раба. Говорили, что он был размерами крупнее любого

⁵ Также киноцефалы, кинокефалы, песьеголовые, собакоголовые и т. д.

другого обычного человека, гораздо мускулистее — и имел собачью голову. Он был уроженцем Мармарики, которая находилась то ли в Северной Африке, то ли где-то дальше к востоку, и похвалялся необыкновенной силой. Прототипом этой легенды мог быть некий берберский воин из Атласских гор, что на территории современного Марокко, который, хотя и обходился без собачьей головы, определенно обладал ростом выше среднего и был яростным бойцом. Черты внешности и характера этого человека и были впоследствии приданы святому.

Христофор, разумеется, всегда считался своего рода «проблемным» святым — святым с прочными языческими связями. В другой версии этой легенды он имеет полностью человеческую внешность, но является великаном — представителем древнего народа, когда-то населявшего Землю. Именно в этом варианте легенды (и в этом облике) он переносит на плечах Христа-ребенка через бурный поток.⁶ В отдельные периоды истории он и вовсе не считался святым — и в этом разделил участь других отцов церкви. Хотя имя его известно с раннего английского Средневековья, некоторые даже подвергали сомнению само его существование. Под конец его имя было попросту вычеркнуто из святцев: хотя в некоторых местах его по-прежнему почитают, официальным признанием Ватикана он не пользуется.

СОБАКОГОЛОВЫЕ СВЯТЫЕ

Хотя Христофор и наиболее известный из предположительно собакоголовых святых, вполне возможно, существовали и другие. В некоторых текстах есть ссылки и на других — например, на восточного святого Андрея Псоглавца⁷ (это имя — синоним собакоголового), чье изображение есть в пещерном храме Кокар Килисе, или «Ароматной церкви», находящейся в долине Гёреме в Каппадокии (в современной Турции). Ничего особенного об этом святом не известно, и вполне возможно, что этот персонаж происходит из раннехристианской легенды о св. Андрее и св. Варфоломее.⁸ В этой легенде двое святых странствовали среди парфян (могучий народ, живший на центральном плато современного Ирана). Они нашли их города «омерзительными», а жители, как оказалось, практиковали каннибализм. В легенде также сказано, что некоторые из высших чиновников их поселений щеголяли собачьими головами — хотя здесь это, возможно, просто общепринятый оскорбительный термин — и что Андрей особенно рьяно среди них проповедовал. Возможно, эту историю смешали с рассказами о турецком святом,⁹ придав ему собачью голову.

Народ псоглавцев

Наличие собакоголовых святых, разумеется, поднимает вопрос о якобы обитавшем где-то в мире народе псоглавцев. По мере того как исследователи путешествовали все дальше и дальше по средневековому миру, они привозили все больше историй о небывалых чудесах и странных народах, какие можно отыскать в чужих землях. Они рассказывали о людях, у которых в центре живота — огромный глаз, о народах с непомерно длинными ушами, о существах, прыгавших на одной-единственной ноге, — и каждая из таких историй

⁶ Отсюда вторая версия происхождения его имени.

⁷ Вероятно, автор, пользуясь сомнительной информацией, «скрестил» Андрея Первозванного и Христофора Псоглавца.

⁸ Это и есть апостол Андрей.

⁹ Это не турецкий святой: Кокар Килисе — христианская церковь!

представляла собой преувеличение, неправильную интерпретацию, полет фантазии или поэтическую гиперболу. Одним из таких старейших легендарных народов были псоглавцы, которые упоминаются в рассказах и баснях с древнейших времен. Вера в существование собакоголовой расы была невероятно распространена, особенно в Западной Европе, — в конце концов, как мы упоминали раньше, св. Христофор предположительно был ее представителем.

Однако открытым остается вопрос о том, где действительно обитала эта раса. В средневековой Европе полагали, что их страна находится где-то на востоке, хотя точное ее местоположение трудно определить. В свою очередь, когда наладились связи с некоторыми восточными царствами, обнаружилось, что у них есть свои истории о собакоголовых — только в них говорилось, что обитают псоглавцы где-то на западе. К примеру, Северная Африка, населенная маврами, считалась местом экзотическим и варварским — и вполне подходящим для людоедской собакоголовой расы, как и некоторые отдаленные территории Греции и Турции. Немногие посещали эти районы, и миф о живущих там псоглавцах

поддерживался удаленностью и труднодоступностью этих мест. Плиний, например, цитируя один греческий источник, утверждает, что народ этот обитает в горах Индии; похоже, такой вывод был сделан из удивительных историй, родившихся в тех местах и касающихся военных походов Александра Великого.¹⁰ Упоминались, правда, и другие районы — такие, как Месопотамия, Иудея, отдаленные местности Египта, Крит и Аравия. Казалось, псоглавцы населяли любую территорию, которая была достаточно удалена от изученного мира и казалась пугающей или опасной для путешественника.

Некоторые из этих собакоголовых племен, как утверждали отдельные источники, жили на отдаленных островах. В «Путешествии сэра Джона де Мондевиля», написанном в 1355 г. и бывшем, возможно, истинным отчетом о путешествиях исследователя XIV века,¹¹ есть упоминание о народе, известном под названием карнофалов, живущих на острове Некумера где-то в Западном океане. У представителей этого народа были собачьи головы, они были гораздо более рослыми, чем любой человек, — и стояли на гораздо более низкой ступени развития. Точное местоположение острова так и не было установлено, но само их существование принималось как не подлежащий оспариванию факт.¹² Названные в тексте карнофалами, они имеют гораздо более распространенное название киноцефалов (термин, которым описывали также св. Христофора), которое обычно относили к собакоголовому народу, жившему на одном из самых отдаленных островов Эгейского моря. Греки считали псоглавцев примитивными чудовищами, а говорили они на языке, напоминавшем лай. Кстати, на самом деле универсальное слово «варвары» — звукоподражание, с помощью которого греки выражали насмешку над любым иноземным наречием: *вар-вар* (что схоже с детским звукоподражанием собачьему лаю — *гав-гав*).

Если псоглавцы действительно существовали, то возникает вопрос: что представляли собой такие создания, будь они людьми или животными? Обладали ли они душой? Могли ли они обрести спасение через Христа, как другие люди? Величайшие мыслители и клирики того времени с жаром обсуждали этот вопрос. Некоторые ученые умы утверждали, что если собакоголовые существуют, то они — просто другая ветвь человеческого рода. Другие, однако, настаивали, что они — всего лишь рышущие в поисках добычи звери, и указывали на их предполагаемый каннибализм и неистовый нрав. Первой в осуждении псоглавцев выступила церковь, объявившая их не более чем «грубыми животными». Они не могут обрести спасение через Христа, утверждали прелаты, ибо они не настоящие люди, не имеют души и полностью поглощены животными вожделениями. Некоторые теологи, однако, не соглашались, цитируя Евангелие от Иоанна (10:16), которое утверждало, что в мире существуют другие нехристианские народы, которые обретут благодать через слово Христово. Они заявляли, что долг христиан — нести свет Писания псоглавцам, где бы они ни находились.

Одним из таких мыслителей был франкский монах IX века Ратрамн (умер около 868 г.), живший в монастыре Корби (неподалеку от Амьена) в Пикардии. Видные ученые того времени считали Ратрамна неортодоксальным мыслителем и равным коллегой (а также интеллектуальным оппонентом): Радберт Пасхасий, размышляя о религиозном статусе псоглавцев, спрашивал его мнения. Ответ был дан в форме письма. *Epistula de Cynocephali* (Послание о собакоголовых) — весьма любопытный документ. В нем Ратрамн излагает свое

¹⁰ Александр Македонский.

¹¹ На самом деле данная книга — не более чем талантливая компиляция из самых разнообразных средневековых источников, сделанная бельгийским врачом Жеаном де ла Барбом, или Жаном де Бургонем. С 1327 г. он долго жил в Египте, а затем с 1343 г. поселился в Льеже, где и умер 17 ноября 1372 г. Описанных путешествий не совершал.

¹² Равно как и большая часть фантастических рассказов Мондевиля.

убеждение в том, что собакоголовые — «испорченная» ветвь рода Адамова (то есть иная форма людей) и как таковые они могут причаститься вечного спасения на том же основании, что и все остальные. Его взгляды, разумеется, не нашли понимания ни в церкви, ни среди интеллектуалов того времени, и письмо его позже было объявлено ересью — Святейшим Синодом в Верчелли в 1050 г. Он также подвергал сомнению догмат пресуществления Святых Даров, заявляя, что происходит оно чисто символически.

Нимало не смущаясь такими высказываниями и писаниями, западная церковь продолжала клеймить псоглавцев как язычников и безбожников. При этом приводилась цитата из христианской легенды об отце св. Меркурия, которого разорвали на части два киноцефала — и набросились бы и на самого святого, если бы он не воззвал к архангелу Михаилу. (Некоторые собакоголовые были позднее обращены в христианство благодаря проповедям св. Меркурия и изображались как существа благородные, но церковь возражала, что это вовсе не отменяет их изначальной звериной натуры.) Такие чудовищные повадки и внешность, говорили отцы церкви, являются внешними признаками ереси, свойственной подобным народам.

Восточная (православная) церковь, однако, занимала в этом вопросе менее определенную позицию. Опираясь на библейскую легенду о сошествии Святого Духа к апостолам на Троицу и их «лингвистическое обращение» (когда они проповедовали, каждый человек слышал их речи на собственном языке), она заключала, что всякий народ, живущий на поверхности земли, должен получить Святое Писание на своем собственном языке с помощью Параклита¹³ — Святого Духа. В число таких народов могли входить и псоглавцы, живущие в отдаленных землях. Так, Псалтырь Теодора XI века (одна из наиболее ценных иллюстрированных рукописей Византийской империи, ныне хранящаяся в Британской библиотеке) описывает Христа проповедующим собакоголовым людям, которые внимательно его слушают. Армянское Евангелие, датированное примерно 1262 г., также содержит подобную сцену: Христос несет слово Божье народу псоглавцев. Их описывают как помесь «мидян, парфян и эламитов», без колебаний относя эти народы к киноцефалам. Другие византийские легенды упоминают миссионеров, отправлявшихся в земли, где жили псоглавцы, с целью обратить их, но нет никаких указаний на то, что такие попытки обращения (исключая св. Христофора) заканчивались успешно.

Таким образом, средневековые взгляды на собакоголовых людей были неоднозначны. С одной стороны, они считались грубыми животными, воплощающими силы языческой тьмы, и — предположительно — исчадиями дьявола; с другой — вполне могли быть боковой ветвью рода человеческого, нуждающейся в спасении, которое предлагали Евангелия. Идея о том, что псоглавцы были непримиримыми врагами христианства, пользовалась большим доверием во времена крестовых походов и войн против мусульман в Святой земле. Многие исламские правители в этот период были приравнены к собакоголовым и силам тьмы, ищущим ниспровержения и гибели христианского учения. Описания арабских или ближневосточных правителей обычно изображают их в роскошных одеждах, но с собачьими головами. Например, карта мира 1430 г., которая описывает народ, известный как Бени Келиб, содержит такие слова: «Эбиникебель есть сарацинский эфиопский царь, правит он своим собакоголовым народом». На самом деле наименование этого народа происходит от латинской транскрипции оригинальной арабской фразы («бени кялб»), означающей «сыны собаки». Этот правитель был эфиопом, а его подданные — магометанами, и постепенно наименование «собакоголовые» или «собачий народ», ставшее термином оскорбительным и презрительным, стало ассоциироваться с названием «сарацины» во всем средневековом христианском мире. Этот термин подчеркивает «язычество» таких народов и их оторванность от истинной (христианской) теологии и образа жизни. Такое презрительное отношение ширилось, включив в свою сферу и евреев, которые иногда изображались с

¹³ Параклит, или Параклет (*греч.*), — «утешитель», одно из имен Святого Духа.

головами собак или лисиц, олицетворявшими хитрость и злобу, вплоть до XVI века и даже далее. То, что Христа распяли именно евреи, только прибавляло к грехам дьяволопоклонства и зверства, которые приписывали им христиане, и таким образом закрепило за ними место в чудовищном царстве зла.

КТЕСИЙ

Но не только мусульманам и иудеям Среднего Востока средневековое мышление приписывало собачьи черты. Еще дальше на восток, в горах Индии, как полагали, также обитали огромные племена собакоголовых. Это поверье было основано на писаниях Ктесия Книдского, который жил в конце IV века до н. э. Он заявлял, что в далеких индийских горах живут до 120 000 собакоголовых. Ктесий был уроженцем острова Кос в Эгейском море и, по слухам, принадлежал к врачебной школе Асклепия. (Санаторий в Асклепионе — храме Аполлона — был одним из самых ранних медицинских учреждений в Древней Греции. В числе практиковавших там врачей был великий Гиппократ, ныне известный как «отец медицины».) Ктесий был назначен личным врачом персидского царя Артаксеркса II, и ему был открыт доступ в принадлежавшую монарху восхитительную библиотеку, полную малоизвестных книг и рукописей. Ему было позволено делать списки некоторых свитков, описывающих путешествия персов во многие страны и тамошние чудеса. Позднее он воспроизвел эти отчеты в собственных книгах.

В некоторых из них он упоминает народ, известный как кирокефалы (кинокефалы?), селившийся в отдаленных долинах среди гор Индии и весьма многочисленный. У них были собачьи головы, и когда они имели дело с другими народами, говорили только на грубом лающем наречии или объяснялись посредством знаков. Персы считали их необыкновенно свирепыми и воинственными, а также любителями полакомиться человеческой плотью. Эти создания были настоящими людоедами, а их культура была крайне неразвита: они одевались в шкуры животных и жили в примитивных жилищах и пещерах. По большей части они были земледельцами, выращивали злаки и возделывали землю в верховьях Инда, но, если страннику случалось забрести в их владения, могли проявлять крайнюю дикость и жестокость, нападая на него, подобно псам. Ктесий советовал всячески избегать их.

Многие писатели впоследствии подвергали сомнению правдивость Ктесия. Лукиан в своих рукописях особенно усердно высмеивает его, утверждая, что у Ктесия никогда не было доступа к подобному архиву (если таковой вообще существовал) и он попросту выдумал все эти подробности или основывал их на слухах и сплетнях. Похоже, есть определенные основания для таких утверждений, потому что, хотя Артаксеркс и обладал библиотекой, она и близко не могла быть такой обширной, как утверждал Ктесий. Однако истории о собакоголовых людях, живущих в индийских горах, существовали. Упоминания о них есть в отчетах о путешествиях Марко Поло, а также в некоторых рукописях, касающихся восточных походов Александра Великого. Псоглавцы действительно предстают в них как каннибалы и люди примитивной культуры. Однако такие отчеты избегают описывать их как по-настоящему «собакоголовых» — скорее как людей с острыми чертами лица и выдающимися вперед, «собачьими» зубами. Тем не менее труды Ктесия произвели глубокое впечатление на западную средневековую мысль, и то, что где-то на далеком востоке обитает народ псоглавцев, было принято как бесспорный факт.

ДРУГИЕ ДОКУМЕНТЫ

Это впечатление было усилено такими писателями, как Фома из Кантимпре (1201–1272 гг.), который написал работу, озаглавленную *Liber de Monstruosis Hominibus Orientis* (Книга о чудовищных людях Востока), снискавшую в XIII веке похвальные отзывы.

Примерно в то же время писал свои произведения и Джованни из Пьян дель Карпини¹⁴ (1180–1252 гг.), один из первых европейцев, который посетил дворы великих восточных ханов и оставил отчет о том, как войска хана Угэдэя (третьего сына Чингисхана, 1186–1241 гг.) столкнулись и воевали с народом собакоголовых людей неподалеку от озера Далай-Нур (Северного моря, ныне идентифицированного как озеро Байкал в Южной Сибири).¹⁵ Эти люди сражались исключительно отважно и считались канныбалами.

Создавая для своего покровителя, короля Франции Людовика IX, книгу *Speculum Naturalis*, почтенный энциклопедист Винсент из Бове (1190 — I 264 гг.) описывает некоего человека-волка с Востока. Он, по словам Винсента, был «животным с головой пса и всеми прочими членами человеческими. Хотя ведет он себя как человек... и когда в мирном настроении, то благодушен как человек. Но когда злится, становится свиреп и восстает против рода человеческого». Его образ воспроизводят некоторые средневековые писатели, включая таинственного Адама из Бремена, который родился около 1050 г. и чье образцовое описание человека-волка породило впоследствии множество подражаний, созданных придворными авторами.

Карты

Представление о собакоголовых людях, живущих где-то далеко за пределами сферы влияния христианского мира, пустило глубокие корни в средневековом мышлении. Действительно, на многих средневековых картах *terra incognita*, (неизведанная земля) украшалась изображениями подобных созданий. Они олицетворяли все то, что в таких далеких землях казалось чуждым и таинственным — а возможно, и опасным. Псоглавцы появляются на многих средневековых картах мира, на которых обозначены неисследованные районы земли. Они есть, например, на карте типа Т и О, на которой изображена плоская Земля и которая включает только известные обитаемые земли. Эта карта хранится в Херефордском кафедральном соборе, датируется примерно 1079 г. и указывает неисследованные земли, где, как считалось, обитали такие существа. Подобные карты основывались на древних греческих и римских образцах и иногда изображали территории, лежавшие за пределами греческого и римского знания и влияния. Их считали дикими местами, не затронутыми цивилизацией и населенными одними варварами, людоедами и чудовищами. Многие из этих изображений представляли попросту людей и существ, известных по классическим мифам и басням, которым придавались собачьи головы с целью продемонстрировать их свирепость и злобность.

Одним из таких мест была страна лестригонов со столицей Телепилосом. Эта страна описана в «Одиссее» Гомера как место, где царь Итаки высадился на берег и был пленен местными жителями. Это были людоеды-великаны, и Одиссею и его спутникам просто повезло, что они сумели вырваться из их хватки. Обиталище лестригонов, описываемое как «каменная крепость Ламоса», по предположениям, находилось на маленьком островке далеко за Сицилией, удаленном от центров цивилизации. Там вполне могли обитать примитивные злобные создания (доказательство такого их характера — то, что они швыряли в корабли Одиссея валунами, оторванными от горы.) Некоторые лестригоны на позднейших картах изображены с собачьими головами и, хотя никаких ссылок на этот факт у Гомера нет.

Значительное число таких легенд появилось, вероятно, благодаря отчетам путешественников, которые порой видели похожих существ в отдаленных землях — горилл, обезьян с заостренными мордами, бабуинов и мандрилов. Позже они превратились в их воображении в фантастические народы, возможно — свирепые и опасные. В Средние века

¹⁴ Более известен как Джованни Плано дель Карпини.

¹⁵ Далай-Нур — мелководное бессточное соленое озеро в Китае, на равнине восточной Гоби.

число писателей, упоминавших таких существ (или легенды о них), начало расти. Им приписывали еще большую свирепость, злобность и великие сверхъестественные способности. В этот период в воображении западного человека начал складываться образ дикого собакоголового хищника с человеческим телом.

Китайские легенды

В восточных странах, таких как Китай, представление о собакоголовом существе несколько отличалось от европейского и было связано с мифом о сотворении мира. По легенде, в далеком прошлом Земля была опустошена великим потопом, который уничтожил всякую жизнь. Уцелели лишь китайский бог-герой Фу Кси и его жена. Им удалось спастись от прибывающей воды, забравшись на гору Куньлунь в центральном Китае. Там, осознав, что остались единственными людьми, они вознесли молитву Небесному Императору, чтобы тот обеспечил их какой-никакой компанией. Небесный Император удовлетворил их просьбы, даровав Фу Кси силу сотворять людей из мягкой глины, осевшей после потопа. Фу Кси лепил фигурки и обжигал их на солнце, а затем они оживали, становясь его подданными. Некоторые из его первых созданий получались не очень хорошо, в особенности те, чьи лица по ошибке их создателя напоминали собачьи морды. Эти существа также ожили, но были изгнаны в «дальние горы» или «в далекую землю за море», где продолжали жить на должном удалении от настоящих человеческих существ, которых бог-герой (а позднее — правитель своего народа) создал «правильно». Что на самом деле случилось с ними — неизвестно.

Следующее упоминание о собакоголовых людях встречается в очень древней китайской рукописи, известной под названием *Лян Шу* (Книга династии Лян), авторство и время написания которой неизвестны.¹⁶ В ней упоминается народ киноцефалов, обитающих на острове к востоку от страны Фузань (или Фусан). По китайской легенде, Фузань рассматривался не столько как настоящая страна, но как мифическая земля, находящаяся далеко на западе. Некоторые ученые идентифицировали это легендарное место как Америку. Другие полагают, что могла иметься в виду Япония, хотя сами китайцы иногда называли эту страну просто Ву. Это была страна, впервые привлекавшая внимание китайцев благодаря рукописям буддистского миссионера XVII века Хань Шаня, который утверждал, что высаживался там, хотя его описания этой земли часто туманны. Где бы это место ни находилось, злобные и примитивные собакоголовые жили там в большом количестве, часто нападая на тех китайских исследователей и купцов, которые отваживались высаживаться на их берегах.

Как и на Западе, на Востоке представления о собакоголовых были несколько путанными. Некоторые склонялись к тому, чтобы рассматривать их как отпрысков человеческого рода и людей цивилизованных, созданных Фу Кси, другие же — как свирепых и воинственных существ, обычно нападавших на непрошенных гостей. Так же, как в Европе, различие между цивилизованным человеком и злобным зверем — основа нашего современного представления об оборотне — становилось на Востоке все более отчетливым.

Япония

Но не только далекие народы, имевшие внешнее сходство с животными, занимали восточные умы. Отдельные личности, жившие совсем рядом, тоже могли похвалиться близостью к собачьему роду — а точнее, к лисицам. Как в Китае, так и в Японии некоторые жители отдельных — чаще сельских — общин, по поверью, обладали лисьими чертами во внешности и в поведении. Это потому, что на самом-то деле они были лисами, которые

¹⁶ По некоторым данным, принадлежит перу Яо Сы Ляна (умер в 637 г.), который дополнил работу отца, Яо Ча.

благодаря неким сверхъестественным средствам приняли человеческий облик. Обычно на таких людей окружающие смотрели с сомнением. Во многих восточных культурах лисы не рассматривались как абсолютное зло, хотя порой и считались созданиями непростыми. Они, как принято полагать, обладают житейской мудростью, а в некоторых местах их даже почитают: во многих районах Японии специально для этой цели существуют посвященные лисам храмы. Японское название лисы — *кицунэ* — обычно было синонимом слова *йокай*, обозначающего шаловливого духа. Таким образом возникала еще более мистическая интерпретация — лисий дух. Так что те, кто отличались лисьими чертами — лисы-оборотни, — якобы обладали особыми силами или особой мудростью, но также могли быть крайне коварны, имели сношения с ненадежными духами, и с ними не стоило спорить. Они могли, по поверьям, возвращаться в исходную лисью форму в любой момент, но принять вновь человеческий облик стоило им определенных усилий, так что иногда превращения происходили нечаянно, стоило им на мгновение потерять контроль над собой. Если, например, они напивались допьяна, то могли полностью потерять человечье обличье и даже вернуться на некоторое время к дикой жизни. Также некоторые превращения в человека оставались незавершенными. В некоторых сказках лисы-оборотни обоего пола (хотя в большинстве легенд лиса предпочитает женский облик мужскому) стремятся спрятать лисий хвост под одеждой, чтобы избежать разоблачения со стороны соседей или друзей. Такие люди, по поверьям, обладали невероятными магическими способностями, и считалось, что многие местные ведуньи были замаскировавшимися лисами.

С целью лучшего понимания и объяснения этой концепции японцы иногда разделяли своих лисиц-оборотней на две категории: *зенко*, или хороших лисиц, и *яко*, буквально — «чужих лисиц», которые были духами проказливыми и могли нанести вред. Такой «практический метод» был несовершенен, но мог служить приблизительным руководством по двойственной натуре подобных созданий. *Зенко* полагалось почитать как лисьих духов, а *яко* следовало по возможности избегать. Таким образом, понятие о двойственности собакообразной формы — либо благодетельной (культурной), либо свирепой (варварской) — начало утверждаться в различных культурах, в том числе и на Дальнем Востоке.

* * *

Классическое представление об оборотне как цивилизованном человеке, который может быть превращен в дикое чудовище, постепенно возникло из этой базовой концепции. Другие элементы — каннибализм, почитание демонов и так далее — были добавлены позднее, но противопоставлению цивилизованности и дикости предстояло стать фундаментом для образа в целом. Были, правда, и другие элементы, проросшие из этой базовой концепции, — например, представление о перевертыше или о воине, который мог изменить обличье ради битвы, — и нам пришлось обратиться к этой системе верований. В ней волчий след особенно заметен.

Глава 2 От человека к зверю

*Когда ты, как волк,
Рыщешь в лесах,
Не зная ни счастья,
Ни радости жизни...*
Песнь Хельги, убийцы Хундинга,

Качествами, восхищавшими древних людей в диких животных, с которыми им приходилось сталкиваться в лесах и степях, были сила, свирепость и непревзойденная хитрость — не только на охоте, но и в борьбе с другими животными. Людям хотелось бы самим обладать такими свойствами — особенно перед лицом врага. И тем более, разумеется, на заре цивилизации, когда различие между человеком и зверем было весьма смутным — особенно в Западной Европе и в северных землях.

Начало превращений

Древние шаманы, как уже было сказано, верили, что, надевая шкуру животного — будь то волк или другой зверь — или усваивая его повадки, охотники и воины могут приобрести некоторые из их характерных черт. Такие шкуры потом должны были сверхъестественным образом превратиться во «вторую кожу», превращая их носителя в определенное животное.

По словам историка и фольклориста Сабины Баринг-Голд, в Норвегии и Исландии существовали группы мужчин, известных как *eigi einhamr* («эйги эйнхамр», что означает «не с одной кожей»). Было широко распространено поверье, что такие люди могут принимать любое обличье, какое захотят, звериное или человеческое, так же как и обрести самую суть конкретного человека или зверя. Приобретенная форма называлась *hamr*,¹⁷ хотя часто в результате путаницы так же называлась и исходная форма. Сам процесс трансформации назывался *skipta homum*¹⁸ или иногда *ap hamast*.¹⁹ Если такие люди принимали облик дикого зверя, их сила и хитрость возрастали; они также могли обрести и другие выдающиеся способности, связанные, например, со слухом или обонянием. Превращение происходило по собственному желанию личности и при помощи разнообразных сверхъестественных средств. Например, шкуру животного набрасывали на тело того, чья душа затем принимала форму этого животного, оставляя исходное человеческое тело безвольным и инертным, будто мертвым. Другие способы заключались в распевании особых заклинаний или нанесении мазей или бальзамов. В таком случае исходное тело совершающего превращение оставалось неизменным, зато восприятие его в глазах зрителя менялось, человек приобретал избранное им другое обличье, а также характеристики его прежнего носителя. Единственный способ узнать, не является ли животное *эйги эйнхамром*, заключался в том, чтобы посмотреть ему прямо в глаза, которые не могла изменить никакая магия. Общеизвестным считалось, что многие северные шаманы и черные маги принимали другие обличья — часто для разных зловредных целей.

Темные тайны

Практика надевания кож и шкур, как человеческих, так и звериных, была хорошо известна в северных культурах, хотя она неизменно ассоциировалась с самым темным чародейством. Знаменитые штаны *nabrock*, или «штаны мертвеца», часто были одним из основных элементов исландских сказок о ведьмах и волшебниках. Эти отвратительные «предметы одежды» состояли из кожи с ног и нижней части тела (в том числе гениталий), срезанной со свежезахороненного трупа и выделанной на манер пары брюк. Эти «штаны» надевали черные маги, предварительно произнеся определенные заклинания. Глубокой

¹⁷ По-древнеисландски — «шкура, сброшенная кожа».

¹⁸ По-древнеисландски — «менять форму».

¹⁹ По-древнеисландски — «1) принимать форму животного; 2) яриться, впадать в ярость (как берсерк)».

ночью в них полагалось вложить золотую монету (чаще всего — в кошелек, если освежаемое тело было мужским): это обеспечивало богатство, поскольку монета непрерывно «вытягивала» деньги у окружающих. Такие штаны также, по поверью, давали своему носителю сверхъестественные силы и были ходовым предметом торговли у многих исландских волшебников.

Говорили, что «самый скверный человек в Исландии», Готтскаульк Гримми Никулассон (Готтскаульк Жестокий, епископ Холара в 1496–1520 гг. — один из последних католических епископов в Исландии), автор прославленной *Raudskinna* («Гримуара из Красной Кожи»), оставил детальные инструкции о том, как изготовить «штаны мертвеца», а также плащи из шкур для превращения людей в подобие животных.

Подобные тайные знания преподавались также и знаменитых «черных школах» Исландии — школах черной магии, скрытых в потайных убежищах, разбросанных по всей стране. Из этих школ выходили самые злые маги в северных землях. Хотя обвинения в оборотничестве выдвигались и не во всех процессах о колдовстве, которые охватили Исландию между 1625-м и 1683 г. и в результате которых 21 человек был сожжен на костре, многие местные легенды описывали людей, могущих превращаться в свирепых животных и угрожать соседям.

ПЕРЕВЕРТЫШИ

В книге *Landnámabók* (манускрипт IX–X вв., известный как «Книга о заселении Исландии», описывающий в деталях едва ли не всех первопоселенцев Исландии, их генеалогию и владения) есть рассказ об одном человеке, увидевшем как-то во сне двух зверей, которые сражались из-за раздела земли. В них он узнал двух своих соседей, которые были, по слухам, эйги эйнхамр. Один из борющихся был финном (исландцы верили, что финны — народ великих волшебников и могут принимать облик животных в любой момент, как только пожелают).

Скандинавские боги и богини также часто принимали обличье животных, используя для этой цели специальную одежду. Фригг и Фрейя, например, использовали *valshamr*, или «соколиные плащи», — мантии, сделанные из перьев сокола, — чтобы летать по земле в облике птиц. Такую мантию использовал и Локи, бог злого озорства, чтобы ради собственного развлечения сыграть порой шутку с кем-нибудь из смертных. Но самой чудесной и самой желанной деталью такой одежды была *ulafhamr*, или «волчья сорочка», которая даровала своему носителю все качества этого достойного восхищения серого воина — храбрость, свирепость, силу и хитрость. Это были как раз те качества, которыми обладал волк — и которых жаждал род людской. Они также были присущи и медведю, в старину часто встречавшемуся в северных краях, и медвежья шкура стала заметным элементом фольклора — и столь же вожаемым объектом обладания, как и волчья. Считалось, что если воин носит шкуру медведя, он также обретет желаемые качества, приписываемые и волку: огромную силу, ярость и сноровку в бою.

Скандинавские легенды повествуют об отрядах воинов — почитателей бога Одина, входивших в войска некоторых королей викингов. Они были известны как «берсерки» (от датского *bar-sark*, что, возможно, означает «медвежья рубашка», — хотя вопрос об этимологии данного слова до сих пор с жаром оспаривается некоторыми учеными). Благодаря этим воителям термин *берсерк*, обозначающий безумного или неуправляемого человека, проник в английский и другие языки. То были «элитные войска», одевавшиеся либо в медвежьи, либо в волчьи шкуры, которые присоединялись к армиям скандинавских королей, но сражались во славу своего бога. Они славились своей свирепостью и кровожадностью в битве. Перед каждым боем берсерки доводили себя до состояния яростного бешенства или своего рода транса, причем разум, казалось, совершенно покидал их, и они становились практически неуправляемы, обретая свойства тех животных, чьи шкуры носили. Они сражались без доспехов и вообще без какой-либо защиты, и это привело

некоторых историков к предположению, что они вступали в бой обнаженными (на самом деле — просто не защищенными кольчугой). Однако в скандинавской литературе их часто называют *ульфхеднар* — «люди, одетые в волчьи шкуры», подчеркивая их связь с этим животным. Скандинавские правители их и уважали, и боялись, и жаждали замучить к себе в дружину из-за их свирепости.

БЕРСЕРКИ

Самое раннее упоминание о берсерках встречалось в скандинавском поэтическом произведении IX века, известном под названием *Haraldskaeoi*, — стихотворении, написанном скальдом Торбьерном Хорнклови и прославляющем победу норвежского короля Харальда Прекрасноволосого (годы правления 870–930). Скальды часто становились придворными поэтами скандинавских королей, они сочиняли длинные хвалебные песни о своих покровителях в размере *малахатт*.²⁰ Говорили, что берсерки составляли часть армии Харальда в ряде его военных кампаний и что их считали «наводящими страх бойцами». В саге они названы последователями скандинавского бога войны Тюра (хотя позднейшие записи говорят о них как о последователях Одина, верховного бога скандинавов) и сказано, что они сражались на стороне Харальда Прекрасноволосого против союзных войск данов и других народов в битве при Хаврсфьорде, где учинили великое побоище. Сказание об этой битве, сохранившееся стараниями скандинавского поэта Снорри Стурлусона (1179–1241 гг.), долго вызывало сомнения относительно своей фактической точности — как и той роли, которую сыграли в сражении берсерки. Некоторые считают его просто поэтическим преувеличением, созданным самим Снорри.

²⁰ Размер скальдической поэзии, в котором используется 5 или более ударных слогов; также называется «размером речей».

Берсерки также фигурируют в «Саге о Хрольфе Краки» (известном еще как Рольф Кренги). Краки был легендарным датским королем, который появляется в ряде англоскандинавских летописей и народных сказок Восточной Англии, где некоторое время существовали королевства данов. Здесь берсерки описаны просто как банда изгоев, одетых в волчьи и медвежьи шкуры, которые неистовствуют в соседних землях, грабя, сжигая селения и мародерствуя. В старинном исландском произведении XIII века «Сага о Ньяле» (также известном как «Сожжение Ньяля» — одном из старейших полностью сохранившихся исландских письменных документов) плененного берсерка используют, чтобы «испытать» два костра — один разожжен язычниками, а другой — христианами. Христианский костер полностью поглощает язычника-изгоя, таким образом доказывая силу и превосходство этой религии.²¹

²¹ В другой версии берсерк легко проходит через костер, разожженный язычниками, но не решается пройти через костер, освященный христианином, говоря, что «весь горит». После этого берсерка убивают.

Самым знаменитым берсерком был исландский фермер и воин Эгиль Скаллаgrimссон, который стал одним из величайших негодяев-антигероев исландской литературы. Его деяния описаны в «Саге об Эгиле», опять-таки переработанной и записанной поэтом Snorri Sturluson, который одно время считался классиком северной литературы. Эгиль происходил из длинной родовой линии сомнительных персонажей: его дед Ульв был также известен под именем Квельдульф, что означает «вечерний волк», и приобрел скандальную известность как маг и оборотень, принимавший по своему желанию облик волка. Отец Эгиля, Скаллаgrim Кведульфсон, также был наводящим ужас берсерком, и когда на него находили приступы неконтролируемой ярости, он, по слухам, убил множество людей. Будучи берсерком, Эгиль якобы обладал рядом сверхъестественных качеств, включая дар исцеления — он действительно произвел несколько чудес исцеления. Он также был великим поэтом скальдической школы, написавшим, по легенде, свое первое стихотворение еще в раннем детстве. Став воином, он сражался за Харальда Прекрасноволосого, норвежского короля, в составе его «ударной дружины», когда король объединял Норвегию под своей единоличной властью и изгонял датских поселенцев. Говорили, что Эгиль попеременно носил волчью и медвежью шкуры, а когда сражался, то зубами перегрызал противникам яремные вены. Неудивительно, что его так боялись!

Несмотря на то что Харальд Прекрасноволосый охотно включал берсерков в свои войска, пребывание их в составе норвежских дружин порой становилось проблемой — особенно когда дело касалось дисциплины. Несколько старинных ирландских документов — отчетов о битве при Клонтарфе, неподалеку от Дублина, в 1014 г. (конфликт, во время которого Ирландия викингов бросила вызов своей кельтской «сестре», которой правил король Бриан Бору) — повествуют о берсерках, бесконтрольно хозяйничающих и в ирландских, и в викингских поселениях, нанося огромный урон как чужим, так и своим. Да и дома, в Норвегии, хлопот ними было не меньше, поскольку дружины берсерков нападали на собственные деревни, возвращаясь домой с войны (видимо, по-прежнему одолеваемые «боевой яростью»). В 1015 г. один норвежский ярл (местный правитель) Хакенарсон запретил берсеркам жить на территории страны, приказав преследовать их и судить. К началу 1100-х гг. организованные банды берсерков, которые прежде были составной частью армий скандинавских королей, практически перестали существовать.

Природа зверя

Что же вызывало «ярость берсерка» — налитые кровью глаза и неуправляемую свирепость? Для большинства их современников ответ относился к области сверхъестественного: берсерки были просто «одержимы» духом тотемного животного. Такая одержимость была обычно добровольной, а нужного духа призывали специальными заклинаниями, приглашая вселиться в тело воина. Как только дух исполнял просьбу, поведение, а часто и физический облик человека внешне менялись. Глаза стекленели или наливались кровью, волосы вставали дыбом, как от электрического разряда, он мог даже увеличиться в размерах, а его сила и свирепость возрастали. Достигнуть состояния такой одержимости часто помогали ношение шкур — обычно волчьих или медвежьих — и подражание существенным признакам животного, чей дух следовало призвать. В последнее время, однако, некоторые ученые выдвигают предположения, что у превращений берсерков существовала и внешняя причина — из области химии. Они утверждают, что настой восковника болотного — растения, использовавшегося для приготовления ряда скандинавских алкогольных напитков, — мог быть использован для вызова состояния «ярости берсерка». Употребление такого настоя могло быть частью ритуала «вызова духов». Ученые также указывают, что некоторые виды грибов, растущих в тех местах и имеющих психотропные свойства, также могли оказывать подобное действие.

В 1784 г. работы шведского ботаника Самуэля Одмана привлекли внимание к пластинчатому грибу мухомору красному (*amanita muscaria*), который, хотя и ядовит, будучи употреблен в большом количестве, в малых дозах также обладает галлюциногенными свойствами. Этот гриб действительно употребляется в шаманских ритуалах в Восточной Сибири — и, вполне возможно, использовался также и в древнескандинавской религии, например, чтобы вводить воинов в состояние берсерка. Однако недавние (2004–2005 гг.) исследования показали, что употребление основанных на ядовитых грибах препаратов на самом деле замедляет реакции и способность владеть оружием того типа, которым пользовались древние викинги. Поэтому напрашивается вывод, что состояние берсерка достигалось какими-то психологическими возбуждающими техниками, хотя до сих пор не удалось выяснить их природу. Берсерки остаются загадкой, но не может быть сомнений в том, что они внесли свой вклад в фундамент современного представления об оборотнях-вервольфах.

Скандинавы не были единственными, кто мог демонстрировать «убийственную ярость», в которой животные повадки и поведение играли главную роль. В «Илиаде» есть упоминание и о греческих воинах, которые умели по собственной воле ввести себя в состояние «бешенства». Особенно обычным делом это считалось для спартанцев, и существует рассказ о некоем Аристодеме, который впал в убийственную ярость, сопровождавшуюся определенными физическими изменениями, во время битвы против персов, состоявшейся при Платеях в Боеции (к северу от Коринфского залива) в 479 г. до н. э.

ИРЛАНДСКИЕ ЗВЕРИ

Древние ирландские герои также способны были проявить повадки животных и принимали пугающее обличье с целью нагнать ужас на своих врагов. Самым знаменитым из них был Кухуллин (начальный слог *ку-* обозначал «гончая» или «пес»), который в пылу битвы становился «одержимым». Но и многие другие воины способны были прийти в состояние «боевой ярости» во время сражений между ирландскими королями. Такой эффект считался результатом того, что дух пса вселялся в человеческое тело. В большинстве случаев ярость можно было остудить, обдав человека холодной водой.

Также встречается в ирландской литературе и упоминание о группах «людей-волков» (сродни берсеркам). В одном очень древнем документе «*Койр Анманн*» (издан в XVI веке) говорится о группе воинов древней Ирландии, известной как *Лэгнех Фэлад*. Они сражались на стороне некоторых древних королей, прославленных своей свирепостью. *Лэгнех Фэлад* вполне могли быть берсерками, хотя «*Койр*» утверждает, что они умели по-настоящему менять свой облик и превращаться в злобных волков, когда хотели. Взамен своей доблести и умения в битве они не требовали платы — только человеческую плоть, которую пожирали с пугающим и отвратительным наслаждением, в особенности — маленьких детей.

Чуть позже выхода в свет этого древнего текста английский историк Уильям Кэмден с насмешкой писал о «людях-волках с Типперери», которые, должно быть, являются последними потомками этих древних воинов. Истории о них, с издевкой пишет Кэмден, скорее всего — не больше чем плод воображения чрезмерно легковых людей. Однако, несмотря на скептицизм Кэмдена, вера в существование древних *Лэгнех Фэлад* укоренилась в Ирландии, и образ их обрастал все более и более ужасными подробностями. Они якобы были последователями Кромм Круаха — «Кривого Кромма на курганах» — одного из старейших и самых кровожадных божеств Ирландии. Они практиковали человеческие жертвоприношения и могли по желанию принимать облик волков. Во время битвы они завывали как дикие звери, а в мирное время селились в местах, удаленных от человеческого жилья. Существовали на самом деле такие личности или нет, но идея о человеке-волке, якобы живущем в одиночестве в лесу и выражающем людоедские наклонности, начала обретать форму.

Хотя к XII веку многие объединения берсерков Северной и Западной Европы были более или менее рассеяны и практически прекратили свое существование, память о них сохранилась, и само слово стало символом дикости и неприемлемого поведения. По мере того как большинство общин склонялись к оседлости и начинали вести более упорядоченный образ жизни, образ «дикого человека», подверженного приступам неконтролируемой ярости, оттеснялся все дальше в область неприемлемого. С животным поведением больше не следовало мириться. Волк — или человек, одетый в шкуру волка, — становился социальным изгоем и объявлялся вне закона.

Изгои

Одними их первых, кто создал строгую и общепринятую систему законодательства в Англии, были викинги, которые с 800-х до середины 900-х годов оккупировали восточную часть страны — территория, ныне называемая *Дейнло* или *Данелаг*.²² Хотя формально единство этой системы распалось около 950 г., части *Дейнло* и ее монархи существовали вплоть до XI столетия. Понятие *Данелаг* также применяется к системе законов, созданных в период правления саксонского короля Альфреда (847–899 гг.) и викингского правителя Гутрума Старого (умер в 890 г.). Эта система была попыткой узаконить «народное право», существовавшее в некоторых частях Англии (как саксонской, так и викингской), и отдельные законы непосредственно касались лиц, находившихся на периферии общества. К тем, кто восставал против всеобщего мира, убивая, мародерствуя и грабя, следовало относиться как к диким зверям, преследовать их и уничтожать. А животным, с которым таких людей идентифицировали, был волк. Новые законы использовали старое латинское изречение, по-видимому существовавшее со времен Римской империи: *caput gerit lupinum* («голову носит волчью») — для обозначения преступников и нарушителей покоя. Возможно, именно память о берсерках навела викингских законодателей на мысль отождествить волка со всем, что враждебно человеку (хотя римляне тоже могли к нему относиться сходным образом), но факт остается фактом: призрак этого животного маячил в общественном воображении как воплощение свирепого негодяя и опустошителя. Термин «волчья голова» стал олицетворением беззакония и мародерства во всем раннеанглийском мире. Он получил реальное значение юридического термина в законах короля Канута (Кнута), который обобщил юридические опыты своих предшественников. По законам Кнута этих антисоциальных личностей следовало отыскивать, преследовать и убивать как волков, конфискуя всю их собственность. Им не полагалось никакой юридической защиты. Они были изгнаны «за пределы мира» и определялись как смертельные враги людей законопослушных — и истинным долгом любой общины было давить их, как червей: словом, они стали «волчьими головами».

Поведение таких личностей только способствовало восприятию их как животных. Живя на периферии организованного общества, такие люди существовали за счет охоты в диких лесах. По мере того как английское население становилось более организованным, а законы применялись более целенаправленно, такие территории все чаще попадали под власть и управление местной знати и монархов, а животные, обитавшие там, становились их собственностью. Дикарей, живших в лесах, оттесняли все дальше к границам обитаемых земель, и они сами становились почти животными.

Первый норманнский правитель Англии Вильгельм I (Вильгельм Завоеватель, 1066–1087 гг.) отобрал в свою пользу огромные пространства земли и превратил их в королевские парки, чтобы удовлетворять собственную страсть к охоте. Олени и другие животные, жившие в королевских парках, стали частной и неприкосновенной собственностью монарха, и «драконовские» законы стали применяться к тем, кто охотился и убивал их ради

²² Буквально — «область датского права».

собственной выгоды — в число этих последних, разумеется, входили и дикари-лесовики. Безымянный монах XI века записал содержание некоторых законов, которые были изданы против людей, селившихся в «зеленых лесах», — лесовиков, или «волчьих голов»:

Если убьет кто оленя или лань,
Должно было ослепить его.
Он запретил убийство оленей,
Даже убийство ланей,
Ибо любил оленей столь нежно,
Будто сам был их отцом.

Эти законы, конечно же, не прекратили и даже не ограничили охоту на лесную дичь — лишь окончательно заклеямили тех, кто охотился ради пропитания. Любой, кто убил животное в одном из королевских парков, считался теперь по закону грубым зверем и подлежал суровому наказанию, которое было бы более применимо к зверю. Постепенно общественное восприятие таких личностей начало меняться: если их уподобляли животным — значит, они и есть животные: они — «дикие волки» и не имеют отношения к человеческому обществу. Они избрали жизнь в чаще леса, вдали от цивилизованных людей, и поведение их часто походило на повадки зверей.

Зимой 1279 г. группа мужчин, которых считали изгоями и дикарями, вышла из леса и с ужасающей жестокостью напала на деревню Рокстон в Бедфордшире. Ворвавшись в деревню, они вломились в дом Ральфа Бауветона, снеся стены топорами, сея панику и разрушение и убивая всех, кто находился внутри. Затем они принялись за соседний дом, где убили еще нескольких человек, перед тем как ворваться в третий — дом Джона Кобблера и убить его самого и двух из его дочерей. Причина такого зверства неизвестна, но похоже, что двигал нападавшими голод и необходимость добыть пищу. Нападение произошло зимой, когда дичь попадалась редко, и дикарям приходилось сражаться за добычу с хищными животными.

Похожий инцидент имел место на хуторе Шиптон в Оксфордшире в 1284 г., когда банда голодающих лесовиков напала на мельницу и принялась набивать животы зерном, по ходу дела убив двух женщин и ребенка. Другие подобные случаи отмечены в Херефордшире, Линкольншире и Йоркшире — и обычно все они происходили в суровые зимние месяцы.

В некоторых частях Европы группы «романтиков с большой дороги» под началом местных вожakov жили в лесу, занимаясь грабежами, воровством, убийствами. Банды оказавшихся вне закона, такие как руководимая психопатом Бернаром Гарланом в XIV веке во Франции, постоянно досаждали деревням и уединенным замкам. А немецкие дикари, несколько напоминавшие берсерков из норвежской традиции, неистовствовали и занимались грабежами в Саксонии и Баварии до самого XV века. Большинство из них были отчаявшимися людьми, зачастую движимыми нищетой или голодом. Общее представление о Робин Гуде и его веселых разбойниках, ведущих цивилизованный, квази-идиллический образ жизни «в зеленых лесах», разумеется — не более чем романтическая фантазия. Для этих людей с окраин жизнь в лесах и горах была неизменно тяжелой и требующей немалых трудов, и такое существование, как правило, огрубляло тех, кто его вел, делая их не лучше животных, с которыми им приходилось делить свою жизнь. Они становились действительно похожи на волков, и термин «волчья голова» часто применялся к ним вполне заслуженно, поскольку они порой демонстрировали не лучшие манеры, чем хищники из рода собачьих. В некотором смысле они и были «исходным материалом» для оборотней-волков, а местные общины видели в них «волков-людей».

Идея об одичавших людях, живущих на самой грани человеческой цивилизации, не исчезла с концом периода Средневековья, но дожила до XIX века. Во время Гражданской войны в Америке (1861–1865 гг.), например, группы таких людей рыскали по отдаленным

территориям, ведя дикарский образ жизни и нападая на отдельные деревни. Эти люди не были настоящими солдатами (хотя многие выдавали себя за таковых — сторонников как юнионистов, так и конфедератов). Скорее они стояли вне закона и могли без предупреждения нагрянуть на стоящую особняком ферму или поселок, отбирая все, что под руку подворачивалось. Некоторые называли себя партизанами или повстанцами и зачастую присоединялись к разрозненным отрядам с независимым командованием, таким как «канзасские красноногие», *Баттермилк рейнджеры* из Миссури или подразделения под командованием Уильяма Кларка Квантрилла. Другие, однако, предпочитали скитаться в глуши — как группа под водительством Эли Вишера, которая терроризировала районы плато Камберленд в штате Теннесси в начале войны. По некоторым (сомнительной достоверности) сведениям, Вишер был убит, как бешеный волк, прославленным партизаном теннессиjsких конфедератов Чемпом Фергюсоном. Хотя подобные личности и могут быть описаны как «одичавшие», они всего лишь следовали в русле традиции, утвердившейся в давние времена.

ДИКАРИ

Другое название, которое иногда давали таким людям в Англии и иных частях Европы, — *woodwose* («дикари»). Происхождение термина неясно, ибо он мог относиться как к группе людей-изгоев, живших в лесу, так и к мифическому существу, обитавшему в лесах с древнейших времен. Это существо описывалось как гуманоидное, огромное, волосатое создание, внешность которого мы можем представить в виде гималайского *йети* или американского *сасквоча* : нечто среднее между человеком и животным. Есть множество свидетельств того, что образ человекозверя имеет долгий «послужной список», тянущийся назад сквозь историю Европы до античных времен.

Ученые полагают, что идея человека-животного берет начало в образе Энкиду, полужверя-получеловека, одного из героев шумерского эпоса о Гильгамеше. Энкиду поступает и ведет себя как зверь (он даже покрыт косматой шерстью), потому что был воспитан животными, и только благодаря контакту с цивилизацией он перестает быть «дикарем» и становится воином Гильгамеша. Позже в иудейской традиции понятие «дикаря» связывается с образом вавилонского царя Навуходоносора II, который временно впал в безумие и прожил в лесах семь лет, питаясь травой, ветками и сырым мясом и нападая на всякого, кто к нему приближался, — действительно, типичный дикарь! Некоторые историки медицины полагают, что монарх страдал некоей формой клинической боантропии — болезни психики, при которой больной верит, что является представителем крупного рогатого скота. Однако иудеи считали, что Бог наказал Навуходоносора за высокомерие и тщеславие и сделал его таким, «как скот в поле». Напротив, в Англии похожий образ ассоциировался с волшебником Мерлином, который, согласно «Жизни Мерлина» Гальфрида Монмутского, временно сошел с ума после гибели его братьев в битве. Он также ушел жить в лес и питался злаками и травами.

ДРУГИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Создание, очень похожее на «дикаря», появляется в некоторых франкских (французских) и германских легендах, где его идентифицируют с местными божками — возможно, божествами плодородия. Действительно, это местное воплощение природных сил появляется под разными именами — в том числе Оры, Пела, Майя. Ссылки на эти имена есть в старинном испанском сборнике псалмов IX века, который описывает их ритуалы как остатки древних языческих религий, проявлявшихся в почитании анималистических лесных божеств. Есть и другие ссылки, и в большинстве случаев такие существа считаются очень мудрыми — поскольку в них сосредоточена концентрированная мудрость самой природы, — но также весьма гневливыми и свирепыми, если им перечить. Есть также некоторые свидетельства того, что римляне знали лесное создание под именем Силен — очень древнее,

волосатое, человекоподобное существо, жившее в лесной чащобе. Если верить древнегреческому историку Геродоту (489–435 гг. до н. э.), это создание обитало в лесах местности, которую римляне называли Верхней Дакией (район между Карпатскими горами и рекой Дунай, ныне охватывающий часть территории Румынии, Молдавии и Венгрии), и встречалось людям очень редко. В отношении физиологии оно представляло собой нечто среднее между человеком и животным: обладало человеческими инстинктами, но темпераментом зверя. Некоторые авторы даже утверждали, что время от времени Силен вступает в сексуальные сношения с человеческими женщинами и производит на свет потомство, которое неизменно возвращается обратно в леса. В этом отношении он представлял совершенный гибрид человека и животного.

Для греков лесные дикари были воплощением или слугами богов, до некоторой степени связанными со сверхъестественными силами. Греки описывали таких созданий как последователей и спутников Диониса, бога виноделия и гедонистических удовольствий. Они изображали их с ногами, оканчивающимися копытцами — отчетливое указание на животную натуру, — и это поверье было позднее принято на вооружение церковью с целью подчеркнуть их связь с дьяволом. Римляне называли их сатирами (по-гречески — фавнами), полулюдьми-полукозлами, сочетавшими в своем облике черты как человека, так и животного. Это странное сочетание проявлялось и в их характере. С одной стороны, они были вежливы и цивилизованны (человеческий компонент), а с другой — весьма капризны, коварны и сексуально несдержанны (животная натура). Они селились глубоко в чаще леса, куда старались заманить людей, — и уж во всяком случае любому нормальному человеку рекомендовалось их избегать.

По мере того как греки и римляне отваживались на все более далекие путешествия по миру, им становились известны и другие существа — гибриды людей и животных. Некоторые исследователи, такие как карфагенянин Ханно Мореплавателю (правил в конце V века до н. э.), доплывали до самых берегов Африки, где встречали человекозверей, живших в лесах у побережья. Он назвал их «гориллами» (от латинского слова, обозначающего «племя волосатых женщин») — отсюда и наше современное название. Хотя мы теперь знаем, что это род обезьян, характерный для тех земель, тогда эти существа считались неизвестным типом существ, сочетавших в себе черты как человека, так и животного.

В Англии представление о дикаре или человекозвере как о воплощении варварства просуществовало до XVI–XVII веков и зафиксировано во многих литературных источниках, включая «Королеву фей» Эдмунда Спенсера. Полагали, что такие существа обитают в местах типа Восточной Англии или в некоторых районах Норфолка и Саффолка, где по-прежнему были распространены леса. Они оставались сущностями двойственной природы, с одной стороны — культурными и цивилизованными, с другой — неистовыми, беззаконными и агрессивными. Так было проведено четкое разделение между цивилизованностью и дикостью, которому предстояло снова «всплыть на поверхность» в представлении о вервольфах.

Колдовство

Если некоторые существа могли сочетать в себе элементы цивилизованности и дикости, то было ли возможно «переключение» между двумя их натурами? Было ли возможно для человека цивилизованного по-настоящему принять обличье животного — на манер *эйги эйнхамр*, как упоминалось ранее? Это был вопрос, занимавший умы многих мыслителей и церковников. Средневековые христиане Запада, похоже, отвечали на него в целом положительно — но лишь при условии применения определенных сверхъестественных сил. Такие силы, как говорила церковь, могли исходить только от дьявола, и лишь те, кто заключал договор с повелителем ада, могли производить такие превращения. В их число могли входить старухи, продавшие душу Сатане в обмен на способность к трансформации, чтобы причинять вред соседям. Ведьмы бродили по сельской

местности в облике кошек, крыс, горностаев и ласок, а иногда — птиц (ворон и сов) или насекомых (жуков и тараканов), чтобы шпионить за теми, кто жил по соседству, или творить темные дела. Они совершали такие превращения либо благодаря произнесению заклинаний (древнее колдовство саксов предположительно использовало *гальдор* , конфигурацию определенных рун), либо умащая тело специальными мазями или мастиками, рецепты которых ведьмы получали от различных существ из преисподней. Они могли также производить такие перемены благодаря ношению специальных предметов одежды, обладающих «магическими свойствами», — рубах, платьев или поясов. В расцвет Средневековья такие поверья широко распространились по Англии и Европе. В своей «Истории и топографии Ирландии», написанной в 1187 г., валлийский монах Гиральд Уэльский (Гиральд Камбрийский) с уверенностью утверждал, что все ирландские женщины обладают способностью превращаться в зайцев и горностаев по своей воле. Гиральд, конечно, отличался крайним легковерием и был склонен верить всему, что только доводилось услышать... но это верование получило невероятно широкое распространение в Британии и дожило до середины XVII века.

В известной английской деревенской сказке начала XVII века говорится: «В Тренте жила когда-то девушка, унаследовавшая ведьмовской пояс от своей бабки. Когда она надевала его на себя, то принимала обличье зайца. В этом обличье она дразнила и заманивала за собой любого из тех, кто жил в окрестных лесах. Когда кто-либо из них стрелял в нее, стрела отскакивала от ее шкуры». В том же духе писал английский эссеист и драматург Джон Марстон (1575–1634 гг.): «Карга, чьи лживые слова яд источают, стала древней ведьмой, чтоб ныне превращаться в котика-кастрата».

В Германии в 1427 г. одна женщина призналась, что, «перекинувшись» в обличье

кошки, убила по меньшей мере 30 младенцев и выпила их кровь. Любопытно то, что она сохраняла свой человеческий облик в глазах всех окружающих, тогда как сама себе казалась кошкой. В этом обличье, утверждала она, она кусала спящих детей, высасывая из них кровь, пока они не умирали. Она «призналась» в своем грехе Бернардину Сиенскому, который с немалым удовлетворением постановил сжечь ее за «преступления против христианства».

Прославленная шотландская ведьма Изабель (или Изабелль) Гоуди, ведьма из Олдерна, что близ Нэрна, в 1662 г. предстала перед судом за колдовство и призналась, что время от времени принимала облик кошки, чтобы творить свою волшбу в окрестных деревням. Она совершала превращение, повторяя трижды такое заклинание:

Приму кошачью я натуру,
С трудами влезу вчерную шкуру.
Во имя дьявола тружусь.
Доколь обратно не вернусь.

Чтобы вернуться в человеческое тело, как она утверждала, следовало трижды повторить следующее контрзаклинание:

Кошка, кошка, Бог дал тебе черную шкуру.
Я кошачью натуру твою приняла,
Но женщиной стану сейчас, как была.
Кошка, кошка, Бог дал тебе черную шкуру.

ОХОТНИКИ НА ВЕДЬМ

В официальном руководстве по колдовству 1484 г., изданному с благословения папы Иннокентия VIII и озаглавленному *Malleus Maleficarum* («Молот ведьм»), два доминиканца-инквизитора, Якоб Шпренгер и Генрих Крамер, описывают, как ведьмы в разных частях Германии могут превращаться в животных, используя заклинания, артефакты или зелья. Этот учебник для охотников на ведьм отражал официальное мнение католической церкви о том, что некоторые люди при подстрекательстве Сатаны могут принимать обличье животного по собственному желанию. Людям богобоязненным предлагалось проявлять бдительность и доносить на своих злонамеренных соседей, которые с большой долей вероятности могли превращаться в какое-либо животное (даже в волка), чтобы нападать на тех, кто следует путями Господними. Этой книгой буквально зачитывались, и она была перепечатана в разнообразных вариантах по всей Европе. Содержащиеся в ней материалы принимались всерьез, с не меньшим доверием, чем текст Священного Писания, — и в том числе отчеты о волшебных превращениях.

Одна старая немецкая народная сказка, содержание которой пересказывается в некоторых изданиях «Молота», повествует о дровосеке — человеке благочестивом, — который однажды, рубя деревья на опушке леса неподалеку от Страсбурга, подвергся неистовому нападению трех диких кошек. Размахивая топором, он сумел отогнать их и спастись бегством. Когда он пришел в город, его внезапно арестовали и продержали три дня под стражей, не говоря ему, что за преступление он совершил. По истечении третьего дня его привели в дом, где несколько знатных женщин города лежали больные, покрытые шишками и синяками, и сказали ему, что все три обвиняют его в нападении на них. Мужчина стоял совершенно ошеломленный, ибо синяки на телах женщин совпадали с теми местами на телах диких кошек, куда прились его удары во время недавней стычки. Он рассказал местным властям эту странную историю, и, как ни удивительно, ему поверили, так как уже существовало подозрение, что эти три женщины достигли богатства и высокого положения в обществе средствами темными и сомнительными. Все обвинения против дровосека были

тотчас сняты, и ему выдали небольшую сумму денег, дабы купить его молчание. Его выдворили из города без каких-либо дальнейших объяснений. Однако впоследствии он старался держаться подальше от того места в лесу, опасаясь, что ведьмы опять могут там объявиться в своем обличье диких кошек.

Некоторые французские охотники на ведьм, последователи философа Жана Бодена (1530–1596 гг.), который был страстным защитником веры в существование ведовства и колдовства, утверждали, что французские ведьмы могут менять обличье с помощью странных и ужасных мазей (часть которых, по слухам, содержала жир мертвых некрещенных младенцев), перекидываясь в ласок, кошек и даже собак и волков. В этом облике они часто совершали кражи имущества у соседей и даже уносили спящих детей из кроватей и колыбелей ради своих дьявольских целей.

Многие ученые приводят такой аргумент: если женщины намазывали свои тела всеми этими сомнительными субстанциями, проникавшими затем сквозь кожу, это могло вызвать определенные галлюцинаторные состояния, в которых они лишь воображали себя дикими животными. Или — как вариант — такая убежденность могла быть вызвана помрачением рассудка. Разумеется, странные слова той женщины, которая «призналась» Бернардину Сиенскому, заставляют предположить именно второй вариант (она считала себя кошкой, тогда как все остальные видели в ней человека). Несмотря на это, церковь утверждала, что на самом деле существуют люди, которые могут превращаться в животных, и подавляющее большинство (даже интеллектуалы того времени) это утверждение не оспаривало.

ДЬЯВОЛЬСКИЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ

Так же широко было распространено поверье, что слуги Сатаны могут превращать в животных других людей против их воли. Многие авторы, включая составителей «Молота», твердо верили, что Сатана может наделять своих прислужников силами, необходимыми для того, чтобы заставить человека принять обличье животного и приобрести его характерные черты. Повсеместно существовало поверье, например, что местные ведьмы превращали своих спящих соседей в коней и ездили на них всю ночь, иногда даже на шабаш (великие собрания ведьм, на которых часто появлялись сам Сатана или его приспешники), возвращая их, исходящих потом и изнуренных, в постель лишь на рассвете. В местечке Пендл в Ланкашире в 1612 г., например, Старуха Демдаик (Элизабет Сазернс) — одна из знаменитых ведьм Пендла — была обвинена в том, что превращала своих недругов в зайцев. В некоторых частях Германии и Северной Италии несколько ведьм были обвинены в превращении соседей в пони и использовании их для вспашки полей. Также местные ведьмы не прочь были при случае превратить в животное и родственника.

В 1722 г. (по некоторым источникам — в 1727 г.) Дженет Хорни из Дорноха в Сазерленде (Шотландия) была обвинена и сожжена на костре на основании доноса, который сообщал, что она превращала гною дочь в пони и каталась на ней по округе. У девочки наблюдалась некая форма телесного уродства (возможно, присутствовавшая с самого рождения), которую приписали влиянию колдовства и превращений. Судя по некоторым документам из Германии, родственники ведьм бывали превращены ими в лошадей или пони, а иногда — в волков или медведей, с целью служить ведьмам верховыми животными для поездок на их дьявольские сборища.

Повсеместно в Европе идея о превращении себя или другого человека в животное, например в волка, чрезвычайно занимала умы людей, и стала постепенно вырисовываться лежащая в ее основе этическая концепция. Подобные превращения были новее не на пользу обществу — скорее наоборот, они почти всегда были инспирированы силами тьмы и зла для удовлетворения дьявольских и противоестественных желаний.

Люди-леопарды

До сих пор мы рассматривали отношение к превращениям с точки зрения европейцев — и в основном христиан. Однако идея о трансформации в животное посредством сверхъестественных сил возникла и в ряде других культур.

Возможно, одним из самых известных вариантов такой идеи (и наиболее пугающим, на взгляд европейца) были легенды об африканских людях-леопардах, которые предположительно могли превращаться в огромных хищных кошек. Эти представления сформировали основу африканского культа, который рассматривался многими христианами Запада с тех же позиций, с каких они смотрели на культ вуду, возникший на Карибских островах. Последователи этого культа якобы обладали сверхъестественными силами и могли на своих сборищах (в воображении большинства очень схожих с ведьмовскими шабашами Западной Европы) принимать форму животного, чтобы творить великое зло как собственным соседям, так и белым поселенцам.

В период Античности леопард был почитаемым животным, символизирующим силу, быстроту, знание и бдительность. В Египте, например, его образ использовался некоторыми фараонами как символ их могущества и храбрости перед лицом врагов. Он должен был дать противнику понять, что некоторые из положительных качеств этого животного каким-то образом унаследованы данным монархом.

В западной части Африки (Сьерра-Леоне, Берег Слоновой Кости, Гвинея, Нигерия) процветали секты, которые поклонялись леопарду, предположительно сочетая поклонение с другими элементами, такими как каннибализм и человеческие жертвоприношения. Порой их жертвами были молодые женщины, которые перед тем, как быть убитыми, подвергались сексуальному насилию.

Вполне возможно, что секта людей-леопардов начала свое существование как культ воинов, практиковавшийся среди некоторых племен Западной Африки. Наподобие скандинавских берсерков, молодые люди старались стать «одержимыми» духом леопарда с целью получить способность успешнее охотиться, а местные шаманы — для того, чтобы контролировать социальные «переходные обряды» для юношей. Затем культ мог развиваться в настоящее секретное общество с более широкими сверхъестественными «полномочиями». Святилища, в которых собирались деятели культа, возводились в честь богов-леопардов в глубине джунглей, и местонахождение их было известно только строго ограниченному кругу доверенных членов секты.

Культовыми объединениями, по слухам, руководил человек, известный под именем Бате Йеле, который якобы был воплощением леопарда в человеческом теле. Он одевался в леопардовую шкуру и маску, иногда носил перчатки с длинными когтистыми или металлическими «когтями» и подражал поведению и привычкам леопарда, руководя своими последователями. Иногда некоторые наиболее преданные сторонники культа также

одевались в леопардовые шкуры, заявляя, что одержимы духом леопарда. Стоит также заметить, что члены подобных сект были сплошь мужского пола; именно это заставляет предположить, что изначально это действительно был исключительно воинский культ. Культ леопарда также до некоторой степени служил защитой той общине, в которой пользовался уважением, и иногда его рассматривали как возможный «канал экстренной связи» между людьми и богами. Если, например, случался неурожай, то напрашивался вывод, что боги чем-то недовольны, и тогда члены культа, чтобы утихомирить их гнев, могли избрать из местной общины человека для принесения в жертву. После жертвоприношения поля снова начинали плодоносить, и община была спасена от голодной смерти.

Хотя о существовании «людей-леопардов» уже было некоторое время известно, впервые этот культ получил скандальную популярность на Западе около 1918 г., после серии убийств молодых женщин в Нигерии и Сьерра-Леоне. Большинство жертв были темнокожими, но среди них оказались и несколько белых девушек, что привлекло к культу внимание местной администрации, а впоследствии — и всего мира. Он рассматривался как политическое движение против белой колониальной администрации и ее политики подавления национальных традиций и верований туземного населения. Стали распространяться мрачные слухи о жестокости секты. Например, стало общеизвестно, что ее члены вырезали у жертв внутренности и варили из них смесь под названием *борфима*, которая придавала тем, кто ее употреблял, сверхъестественные силы и способность превращаться в леопарда. Ни ризу не было найдено никаких свидетельств приготовления подобного зелья, но идея о злобной секте африканских националистов, скрывающихся где-то в западных джунглях, преследовала воображение многих колонистов.

Однако сразу по окончании Второй мировой войны ситуация действительно обострилась. В 1946 г. в Сьерра-Леоне, на Береге Слоновой Кости и в Нигерии было совершено не менее 48 убийств. Большинство из них происходили при обстоятельствах, свидетельствующих о некоем ритуале. Колониальные власти стали проявлять гораздо больший интерес к деятельности «леопардовых» сект, подозревая в их деятельности политическую мотивацию. Это было время пробуждения национального самосознания африканцев, как показало, например, движение *мау-мау* в Кении. Начались частые аресты и допросы, которые власти проводили с целью «сломать хребет» этому культу.

Такое положение дел сохранялось до 1947 г., когда за первые месяцы года произошло еще несколько убийств, в основном в Нигерии. Между январем и августом были совершены 44 убийства, приписываемых «людям-леопардам», в некоторых случаях жертвами стали белые поселенцы. В восточной Нигерии помощник комиссара Терри Уилсон (который к тому времени состоял на должности всего полгода) провел расследование, пытаясь найти свидетельства против секты. Он и его подчиненные нагрянули с внезапным обыском к местному знахарю-колдуну по имени Нагого (Н'гого), у которого нашли леопардовую шкуру, маску и двупалые рукавицы с металлическими когтями. Уилсон продолжил расследование и обнаружил останки 15 тел в разной степени разложения, зарытые в земле недалеко от дома. Все тела носили следы ритуального убийства. Уилсон немедленно арестовал Нагого и бросил его в тюрьму ожидать суда. Однако «людей-леопардов» настолько боялись, что никто не посмел дать против него показания, и хотя Нагого признался в том, что является членом тайной секты, ничто напрямую не связывало его с убийствами. В страхе, что знахарь выдаст их секреты, другие члены культа напали на жену и дочерей Нагого, зверски убив их. В отчаянной попытке вырвать у Нагого признание Уилсон показал ему изуродованные тела некоторых жертв, выкопанные из земли. Потрясение, усиленное тем, как по-мясницки жестоко была уничтожена его семья, доконало знахаря, который был уже отнюдь не молод: он перенес инфаркт и скончался.

Затем Уилсон наводнил все окрестности полицейскими — более 200 офицеров было вызвано дополнительно в попытке выследить членов секты — впрочем, без особого успеха. Среди местного населения бытовало мнение, что члены секты могут превращаться в леопардов и станут преследовать тех, кто на них донесет. Уилсон, однако, решил устроить

ловушку. Он выдал одного из своих подчиненных за сына местной женщины из расположенной неподалеку деревни, где произошло несколько нападений, и подговорил его пользоваться тропинкой, на которой, по сообщениям, часто видели членов секты. Затем он посадил своих людей в засаду в кустах и стал выжидать. Когда замаскированный под деревенского жителя полицейский шел по тропинке, на него внезапно напало странное существо, одетое в леопардовую шкуру и маску, с массивной дубинкой в руках. Между двумя мужчинами завязалась драка, но прежде чем подоспело подкрепление, «человек-леопард» раскроил полицейскому череп своей дубинкой и скрылся в зарослях. Однако оказалось, что полицейский успел оставить тому по себе память в виде серьезного ножевого ранения, и Уилсон распорядился искать тяжелораненого. Тем не менее первоначальная проверка по деревням не дала результатов. Тогда у Уилсона возникла новая идея: он поместил тело убитого констебля на открытом месте в главном полицейском лагере, но распорядился держать его под неусыпным наблюдением. Последствия решения его не разочаровали. Когда стемнело, фантастическая на вид фигура в леопардовых шкурах и с огромным металлическим «когтем» прокралась в лагерь и набросилась на мертвое тело, вырывая из него куски кровавой плоти. Как позже рассказывал Уилсон, этот человек поступал точно так, как вел бы себя на его месте леопард. Подбежав к месту, где происходила эта чудовищная сцена, Уилсон поднял пистолет и, когда человек-леопард вскинулся, собираясь броситься на него, выстрелил ему в грудь. Тот свалился замертво. Теперь, когда местные жители убедились в том, что «леопарды» — такие же люди, как и они сами, и могут быть убиты, как любой простой смертный, многие вызвались давать показания и свидетельствовать против них. В последние месяцы 1947 г. и январе-феврале 1948 г. на основе свидетельских показаний местных старост Уилсоном и его подчиненными были арестованы 73 члена секты. Полиция также обнаружила глубоко в джунглях святилище, посвященное леопарду. Капище состояло из большого плоского валуна, сплошь залитого человеческой кровью, несметного количества человеческих костей и огромного идола, изображающего получеловека-полулеопарда. В середине 1948 г. 39 членов секты были приговорены к смертной казни и повешены в тюрьме Абак. Хотя главный культ леопарда был уничтожен, по слухам, в западноафриканских провинциях уцелели и другие подобные секты.

Рассказы об убийствах и о кровавой секте, скрывающейся где-то в африканских джунглях, члены которой могли превращаться в леопардов, просочились в Европу. Они всколыхнули прежние страхи и опасения по поводу людей-оборотней, неразрывно связанные в западном сознании с язычеством и злом. В 1950-м — начале 1960-х гг. эти страхи усилились, будучи по ассоциации связаны с революционной и политической борьбой, когда поднимающийся прилив «черного самосознания» захлестнул некоторые африканские страны, встревожив тамошних колониальных хозяев. Призрак африканского оборотня, «человека-леопарда», оказался, пожалуй, столь же устрашающим образом, как и вервольф в средневековой Европе. Как и вервольф, он, возможно, напомнил цивилизованному человечеству о существовании грубой и кровожадной стороны его, цивилизованного человечества, натуры.

Львиные культы

Но леопард был не единственным ужасом, пришедшим из Африки: в центральных районах континента процветали «львиные» секты. Во многих отношениях они были схожи с «леопардовым» культом западных земель Африки, а в отношении жестокости — особенно. Лев с давних времен обрел в общественном сознании совершенно особый статус. Его образ был связан с королевским величием, и лев удостоился титула «царя зверей». В Древнем Египте львица напрямую ассоциировалась с богинями Баст и Сехмет, которые изображались сидящими на троне с львиной головой на плечах. Мумии больших кошек были найдены в некоторых значительных захоронениях — таких, как гробница Майи, кормилицы фараона

Тутанхамона. Греческий историк Диодор Сицилийский (I век до н. э.) в 3-м томе своего труда «Историческая библиотека» пишет о западноафриканских кушитах (племени из южной Эфиопии) как о людях, превыше всех богов «почитавших льва». Они были одним из древнейших народов континента — и, соответственно, их боги также были в числе древнейших. Одним из них был Апедемек, который часто принимал облик громадного льва. Время от времени Апедемек нисходил на землю, вселяясь в некоторых правителей и снабжая народ кушитов указаниями и пророчествами. В жилах их правителей текла львиная кровь, и, в соответствии с легендой, она отчасти перешла в народ древних евреев, когда царица Шебы,²³ происходящая из кушитского рода, забеременела от царя Соломона и родила Менелека,²⁴ от которого вел свою родословную последний император Эфиопии Хайле Селассие. Последний также имел титулы «лев Юга» или «лев из колена Иудова», и его до сих пор почитают члены растафарианского движения — за смешавшуюся с его собственной львиную кровь, обеспечившую ему влияние и авторитет.

В древнем Вавилоне львица также считалась воплощением богини Иштар и даровала свою силу многим вавилонским царям.

Однако в 1920-х гг. «львиный» культ приобрел сравнительно новую и более мрачную окраску. Около 1925 г. британское правительство центральной Танзании сообщило о том, что более 200 человек лишились жизни на территории Сингидии. Поначалу под подозрение подпали львы-людоеды (многие из тел были изувечены, как будто подверглись нападению животных), но впоследствии этот вывод подвергли сомнению. В регионе ходили слухи о группе людей, которые могли превращаться в львов и по наущению местных знахарей-колдунов совершали убийства. Убийства продолжались почти все 1950-е, достигнув пика около 1957 г. «Почерк» этих преступлений очень походил на тот, которым отличались убийства, совершенные людьми-леопардами, и жертвами часто становились очень маленькие дети: одна малышка была вырвана из рук матери «человеком-львом», который выпрыгнул из кустов, одетый в львиную шкуру, и рычал как дикий зверь. Позже четвертованное тело девочки нашли в зарослях. Также поговаривали о том, что в затерянных в джунглях Танзании долинах стоят залитые кровью алтари, на которых приносят человеческие жертвы, сопровождая жертвоприношения странными и омерзительными ритуалами. По слухам, «львиные» культы существовали также в Замбии и Заире, где тоже совершались убийства, напоминавшие ритуальные. В долине Луапала, которая разделяет эти две страны, «львиный» культ считался очень распространенным. На алтарях, скрытых в этой долине, по некоторым сведениям, после убийства местными охотниками льва проводились очистительные ритуалы. В ходе ритуала шаман или знахарь надевал шкуру убитого льва и призывал дух животного войти в его тело, таким образом на время вступая в личный контакт со львом. Эти культы процветали, привлекая внимание на Западе своей скандальной известностью почти все 1960-е гг., после чего, по всей видимости, снова ушли в подполье и исчезли из поля зрения. Хотя вполне возможно, что они и по сей день существуют в некоторых районах Африки.

Другие анималистические культы

В иных культурах, разумеется, существовали собственные культы животных. Почитание медведей и одержимость духом медведя были вполне обычным делом для многих народов Севера, но особенно популярны они стали у финнов. Медведь был центральной фигурой многих финских языческих религий, процветавших задолго до прихода христианства. Древние финны считали медведя сошедшим с небес божественным существом, обладающим многими сверхъестественными способностями (некоторые поверья

²³ Царица Савская.

²⁴ Или Менелика; другие варианты его имени — Уольдэ-таббиб, Байна Лекхэм.

даже указывали на созвездие Большой Медведицы как на место, откуда пришло это священное создание) — и поэтому достойным всяческого внимания и почитания. Дух медведя, по их представлениям, обитал в черепа животного и был известен под именем *каллохонка*.²⁵ Когда медведь погибал или был убит в ходе охоты, дух переселялся из черепа в другоеместилище — непосредственно в лес, в дерево, реку или даже в человеческое существо. В этом новом обличье *каллохонка* продолжал существовать, пока не появлялась возможность возродиться в теле другого медведя. Если он входил в тело человека, то последний мог принять определенные внешние черты и повадки медведя. Черепа развешивались на ветвях высоких деревьев на окраине финских деревень, чтобы *каллохонка* мог защищать округу и членов общины. В некоторых районах Финляндии еще около столетия назад медведь считался физическим воплощением бога неба Укко, который появлялся то в облике древнего старца, то в теле свирепого животного. Медведь был чем-то вроде тотемического символа в некоторых районах России, а также у племен саами (лапландцев), среди которых шаманизм процветал до конца XIX века. Так же, как древние знахари, шаманы саами порой приобретали внешние черты медведя для обеспечения успешной охоты. Для этой цели шаман старался стать «одержимым духом медведя» и подражал его поведению и повадкам в течение всего ритуала, который исполнялся для привлечения удачи.

Есть некоторые свидетельства уходящих вглубь доисторических эпох медвежьих культов (возможно, включавших одержимость медвежьим духом) среди неандертальцев (примерно 70 000 лет назад). Останки неандертальцев, перемешанные с останками пещерных медведей, найденные в пещере Драхенлох (Драконьей пещере) в Швейцарии между 1917 и 1921 г., позволяют предположить, что у них существовала некая древнейшая форма почитания медвежьих божеств-тотемов. Возможно, это были охотничьи ритуалы, как и у хомо сапиенс.

На Среднем Востоке предположительно существовали древние культы шакала, корни которых уходят в эпоху египетского Древнего царства (III тысячелетие до н. э.). Бог Анубис, один из главных богов этой эпохи, обладал телом человека и головой шакала, и это представление перешло в более поздние ближневосточные культы, почитавшие собак и шакалов. В обоих случаях они были тесно связаны с культом мертвых. Мумифицированные останки собак найдены в некоторых захоронениях, а шакалы без помех мародерствовали на пустынных кладбищах. Тексты Пирамид (династические надписи Древнего царства, начиная с середины III тысячелетия до н. э.) придают разуму шакала некое сродство с человеческим разумом и идентифицируют это животное с некоторыми правителями. Возможно, речь идет о древнейшем боге-шакале по имени Апу, который пользовался большим уважением в период существования ранней Нильской цивилизации и мог по желанию принимать человеческую форму. Некоторые древнеегипетские монархи объявляли себя воплощениями этого божества, сочетая в себе человеческую и шакалью природу. В арабском фольклоре шакал иногда упоминается в связи с легендами о джиннах — бесформенных и бестелесных духах, странствующих по пустыне и обладающих сверхъестественными силами. По одной из легенд, шакалы даже были когда-то людьми, превращенными в собакоподобных существ этими зловредными сущностями — для собственного развлечения или из злобных побуждений. Вероятно, в дикой пустыне некогда существовали секты, члены которых подражали шакалам и неизменно нападали на неудачливых путешественников, забравшихся в их владения, убивая их.

²⁵ Неточность: не дух медведя, а дерево, на которое вешали череп медведя (обычно очень старая и почитаемая сосна), назывался *каллохонка*; оно считалось символом и воплощением мирового дерева.

Но самым ярким примером образа оборотня-перевертыша мы обладаем, наверное, благодаря североамериканским культурам. Вера в оборотничество известна в Америке со времен древней цивилизации майя (250–900 гг. н. э.). В этой традиции представление об оборотнях близко граничит с идеей *эйги эйнхамр* скандинавов: легенда предполагает, что некоторые люди могут сбрасывать собственную кожу и надевать новую, для человека не характерную, как правило, принадлежавшую какому-либо животному. В Гватемале и Гондурасе такие люди до сих пор считаются могущественными чародеями, которые обычно используют свои сверхъестественные силы для того, чтобы вредить людям. Они известны под именем *науаль* и обычно принадлежат к женскому полу (свирепые женщины-оборотни, неизменно замышляющие зло против своих несчастных мужей, а порой и против их родственников, особенно когда принимают облик животного). Одним из любимых обликов *науаля* является форма огромной собаки или койота — это верование, возможно, является результатом того, что такие животные в изобилии водились в дикой местности. В индейском фольклоре как Северной, так и Южной Америки койот считается ловкачом и хитрецом, способным совратить людей с пути праведного, — что-то вроде лисицы в японских легендах — и поэтому неудивительно, что он является частым персонажем легенд о *науале*. В Мексике такие существа известны как *нах'уахль* или *нагваль* и, по легендам, испытывают особенную склонность к поеданию сыра и сексуальным сношениям с женщинами, когда находятся в теле пса или койота. Они также считаются неуязвимыми для железа и питают стойкое отвращение к человеческой одежде.

Североамериканские перевертыши

Благодаря верованиям североамериканских индейских племен мы можем ближе познакомиться с концепцией перемены облика между человеком и животным. Это представление известно целому ряду индейских племен, в том числе мохавкам (чья территория когда-то простиралась от северной части нынешнего штата Нью-Йорк до южного Квебека), у которых такие существа назывались *лиммикин*, или *еналоши*, а также сиу и апачам. Среди самых известных племен, где подобные верования были главной частью религиозных воззрений, — навахо, которые называли оборотней «ходящими в шкурах». Эту концепцию следует рассматривать в целостном контексте традиционного колдовства навахо как его составную часть. Слово из языка навахо, которым обозначались перевертыши — *наалоши*, или *еналоши*, — буквально означало «тот, кто ходит на четырех ногах», и это позволяет сделать вывод, что по крайней мере какой-то род трансформации, будь то физической или поведенческой, действительно имел место. «Ходящие в шкурах», по верованиям навахо, даже физически отличаются от остальных людей: главное отличие — в глазах, больших и светящихся даже при солнечном свете. Существует поверье, что при непосредственном зрительном контакте «ходящий в шкурах» способен втянуть душу жертвы в свое тело и «украсть ее кожу». Самым мудрым решением считалось всячески избегать такого контакта с любым человеком, подозреваемым в оборотничестве.

В некоторых версиях этих легенд также говорится, что у оборотней черные языки — еще один внешний признак их принадлежности к колдовству — и ядовитая слюна. Такие люди достигали статуса «ходящих в шкурах» путем нарушения какого-либо табу или прямого контакта со злыми или проказливыми духами благодаря своему сомнительному поведению. На гомосексуальность, например, в обществе навахо смотрели косо, и любой, кто практиковал подобные связи (даже тайно), несомненно, притягивал к себе темные силы и становился «ходящим в шкурах». Перевертыши принимали разнообразные обличья — совы, ворона, жука — но наиболее частым вариантом оказывался койот или волк. Оба, по мнению навахо, были хитрыми и злобными созданиями и часто изображались в легендах как враги рода людского.

В сознании индейцев оборотни обычно предстают в своем сверхъестественном обличье обнаженными, не считая отдельных предметов из звериной шкуры — например, обтягивающих штанов, наручей или плащей. По поверью, они не имеют гениталий, а кожа у них твердая, как камень, и непроницаемая для стрел и топоров. Когда они пребывают в своем животном облике, большая часть их человеческой памяти исчезает, и животные инстинкты берут верх, делая их жестокими и непредсказуемыми. Они также очень проворны, и их не под силу поймать даже самым опытным охотникам. Тем не менее, находясь в своей животной ипостаси, «ходящий в шкурах» неспособен полностью имитировать походку или повадки избранного животного, поскольку в сущности своей остается человеком. В других вариантах легенды, бытующей среди некоторых родов навахо, их разумность и злонамеренность от перемены облика только возрастают, и в животном обличье они способны даже читать мысли и выманивать своих жертв из безопасных убежищ, подделывая голоса и плач тех, кого эти люди любят.

Среди навахо, обратившихся в христианство, была распространена история о том, что Бог даровал всем людям способность превращаться в животных — для защиты, для сражении с врагами или для того, чтобы творить добрые дела. Постепенно, поскольку человек не торопился исполнять волю Господню, Всевышний отобрал эту способность у большинства людей мира, но оставил ее навахо, хотя теперь уже очень немногие обладают ею — и некоторые из них используют ее во зло. Часть навахо добровольно отказалась от этой способности, а другая часть стала ее скрывать, используя ради собственной выгоды. Находились и такие, кто утверждал, что подобные силы исходят от языческого дьявола и пользуются ими только его слуги. Сегодня трудно судить о том, жива ли еще эта вера, поскольку даже теперь она считается тесно связанной с колдовством, и те, кто о ней говорит, боятся сверхъестественной мести ведьм и колдунов.

Среди индейцев хопи (Аризона, Юта и Колорадо) способность к оборотничеству

приобретается колдунами посредством специальной церемонии, называемой *йа-йа* , детали которой держатся в строжайшем секрете и тщательно охраняются. Однако можно предположить, что она включает в числе прочего и надевание шкур тех животных, в которых планируется перевоплощение. Многие ученые считают, что корни таких церемоний уходят в далекое доисторическое прошлое; антрополог А.М. Стивенсон предположил, что ее название происходит от очень древнего слова из языка хопи — *йаа-йуу-ту* , означающего «мать». Эта церемония предположительно проводилась под покровительством бога Поночона (имя означает «сосущий из живота») и связывалась с определенной звездой на небосклоне (некоторые идентифицируют ее с Сириусом — «собачьей звездой»). Есть некоторые намеки на то, что она включала прохождение сквозь горящий костер и испытание на дальность зрения (ведь животные видят далеко). Если человек проходил такое испытание, то это считалось верным знаком, что он может стать перевертышем. Большая часть ритуала была специально разработана, чтобы выманить дух зверя с небес и заставить его вселиться в конкретного человека, по-видимому, ради блага племени (например, для участия в охоте). Однако эти предположения в основном остаются только догадками, поскольку для любого из них очень мало доказательств: церемония, если она по-прежнему проводится, остается сокровенной тайной народа хопи.

* * *

Во времена глубокой древности различие между человеком и животным было далеко не таким ярко выраженным, как сегодня. Люди охотились наравне с животными и соревновались с ними за добычу; возможно, поведение наших древних предков напоминало поведение их соперников из животного мира. Мог процветать в древних сообществах людей и каннибализм — так же как припадки животного бешенства во время сражений и войн. Память об этом живет в человеческом сознании благодаря мифу, традиции и легенде. Наряду с восхищением охотничьими и боевыми навыками, хитростью и способностями животных человечество всегда хорошо осознавало наличие в своей природе собственной темной стороны. А еще страх перед неизвестным — перед тем, что кроется там, во тьме, за пределами приветливого круга света от костра или вдали от берегов хорошо изученных земель...

По мере того как развивалась человеческая культура, воображение людей принялось населять далекие и, возможно, тающие опасность земли всевозможными чудовищами, включая псоглавцев и прочих подобных существ. Путешественники, побывавшие в дальних краях, старались описать и объяснить то, что они видели в чужих странах — огромных обезьян, бабуинов, мандрилов, — так, чтобы пояснение имело смысл как для них самих, так и для тех, с кем они делились рассказами о своих путешествиях. Ради этого они создали представление о человекозвере, чем-то среднем между человеческим существом и животным, сочетающем в себе признаки и того, и другого. Образ дикого человека, живущего в глуши сразу за границами цивилизации, оказался очень жизнеспособным и обрел власть над массовым мышлением. А какое же существо было более жестоким или диким, чем древнейший соперник человека — волк? Во многих культурах именно представители собачьего племени являются героями легенд и целью странных превращений, ибо где-то глубоко в человеческой психике остается скрытым вечный вопрос: а что, если человек способен превращаться в волка?.. Шаблон для представления об оборотне-вервольфе, который мы со временем унаследовали, был заложен уже в те далекие времена.

Глава 3

Старые ирландские волки и другие чудеса

...То словно вой волков

ирландских на луну.
Уильям Шекспир,
«Как вам это понравится»

Как и в случае с историями о вампирах, один из самых старинных рассказов, касающихся оборотней — вервольфов, родился в Ирландии. Записанная около 1185 г. уэльским монахом Геральдом Камбрийским (Гиральдом Уэльским), приезжавшим в Ирландию в составе свиты принца Иоанна (которого сделал повелителем Ирландии его отец — английский король Генрих II), повесть «Вервольфы Оссори» — типичная средневековая церковная легенда, подчеркивающая мощь церкви и необходимость спасения через веру. Родственники Геральда с обеих сторон — материнской и отцовской — Фицджеральды и Фицтивенсы владели землями на территориях, где сейчас располагаются графства Килдар и Вексфорд; от них Геральд и услышал несколько старинных сказок, которым безоговорочно поверил и которые старательно воспроизвел. Он составил самую раннюю «книгу для путешественников» по стране под названием «Общая история и топография Ирландии», которая служила справочником для путешественников вплоть до начала XVII века. Она представляет собой смесь географических описаний районов Ирландии (некоторые из них Геральд в глаза не видел, а представлял себе лишь по изустным рассказам) и удивительных историй, распространенных в то время. Геральд воспринимал эти истории и записывал их так, как если бы они были непреложной истиной. Верил же он практически всему, что ему рассказывали. Среди этих рассказов был и тот, который касался вервольфов из Оссори.

Волчья порода

Вплоть до XVIII века, если не дольше, волки были для Ирландии постоянным источником беспокойства. В Средние века и в начале Нового времени страна была в основном покрыта густыми и почти непроходимыми лесами — сущий рай, где эти животные могли сколько угодно плодиться и охотиться. Проблема стояла настолько остро, что само слово «волк» вошло в название породы собак, которых использовали для охоты на этих хищников, — ирландского волкодава. Правда, название «ирландский волкодав» несколько некорректно, ибо эти собаки не являлись коренными жителями острова, а были скорее всего завезены из Англии во времена римского владычества. Сохранилась римская бронзовая фигурка, изображающая очень похожего на волкодава пса, найденная в Лидни в Глостершире (известная как «Гончая из Лидни») и датированная около 365 г. н. э. Есть также упоминания о храме Ноденса (или Нуденса) где-то в Англии²⁶ (точное местоположение не определено), где специально обученные собакилизывали раны больных или раненых, исцеляя их. Такие псы считались охранниками или бойцовыми собаками, и вполне возможно, что эти животные были привезены в Ирландию кельтами, чтобы справиться с нарастающей проблемой волчьего поголовья.

Волки в своей стихии

Ирландия, похоже, прямо-таки кишела волками вплоть до конца XVIII века, и большинство из них отличались исключительной свирепостью — особенно в тяжелые зимние месяцы. Например, в 1596 г. лорд Уильям Рассел пишет в своем дневнике, что он и леди Рассел отправились на волчью охоту в ноябре в леса вокруг местечка Килмайнхам (неподалеку от Дублина). А в 1650 г. город Колерайн в графстве Дерри был атакован голодающей волчьей стаей в разгар особенно суровой зимы. Около того же времени поступали сведения о путешественниках, на которых нападали дикие волки возле городов

²⁶ Предположительно — в том же Лидни, на берегах реки Северн.

Лисбурн и Дрохеда, а также на берегах озера Лох-Ней. В 1652 г. в Килкенни Оливер Кромвель издал указ, запрещающий вывоз из страны ирландских волкодавов на продажу — настолько велика была потребность в них. В 1669 г. старинный путеводитель, озаглавленный «Путешествия Козмо», описывает Ирландию как «страну волков». Даже в 1750 г. рассказывали о стаях волков, рыщущих в Вексфорде и некоторых районах графства Корк. Последняя волчья пара в Ирландии была, по-видимому, убита в горах Уиклоу около 1770 г. профессиональным охотником на волков по имени Рори Каррах (правда, другая версия этой истории утверждает, что Каррах был всего-навсего обычным пастухом), который с помощью одного маленького мальчика проследил их до старинных развалин, где они устроили себе логово. Несмотря на то что эта пара была предположительно последней, слухи о волках в Ирландии появлялись вплоть до начала XIX века — в таких местах, например, как графство Тирон, — хотя подтверждения они не получили. Так что вполне естественно, что Ирландия стала страной, где была записана одна из первых историй о вервольфах.

Истории о вервольфах: начало

Этот случай, по словам Геральда Камбрийского, произошел всего за несколько лет до прибытия в Ирландию принца Иоанна. Некий священник, имени которого история не сохранила, путешествовал из Ольстера в Мит по какой-то важной церковной надобности. В путешествии его сопровождал маленький мальчик. Дорогой их застала ночь, и им пришлось остановиться на привал в одном очень темном и зловещем лесу на границе церковного прихода Оссори. Когда они уже укладывались на ночлег в кромешной тьме, священник вдруг услышал человеческий голос, окликавший его из ближних лесных зарослей. Поднявшись, прелат приблизился к краю освещенного костром круга и взгляделся во мрак. Когда неожиданно в круге света появился огромный волк, священник в ужасе отшатнулся, пытаясь прикрыть ребенка от зверя своим телом. Но волк заговорил с ним человеческим голосом, призывая не бояться его. На самом деле оказалось, что это не дикий зверь, а один из членов клана, живущего в этом районе. Как-то раз весь клан был проклят вспыльчивым святым Наталисом, который отличался довольно-таки неуравновешенным характером. Каждые семь лет двое из их клана должны были принимать облик волков и уходить жить в лес. По окончании семи лет они возвращались в клан, возвращали себе человеческое обличье — и другие двое становились волками. Последняя пара, принявшая облик волков, — муж и жена — были довольно пожилыми людьми, и дикая жизнь в лесу им не больно-то подходила. Заговоривший со священником волк оказался мужчиной, его жена была очень больна и, похоже, собиралась вот-вот умереть. Волк-мужчина отправился искать священника, чтобы тот исполнил последние обряды и помог ей упокоиться в мире с Господом. Объяснив все это, волк попросил прелата пойти с ним и совершить святое причастие. Тот обдумал необычную просьбу и согласился, хотя волк и настаивал на том, чтобы он шел один, оставив мальчика у костра. Без особой охоты священник последовал за странным существом в чашу леса, и через некоторое время они добрались до логова, устроенного у подножия огромного дерева. Там, явно в ожидании смертного часа, лежала старая волчица. Священник приблизился к ней не без трепета и, обернувшись к своему проводнику, спросил его, есть ли какие-либо доказательства, что перед ним действительно пожилая женщина, а не дикое лесное животное. Волк ответил, что если священник достанет нож и срежет часть волчьей шкуры, он получит требуемое доказательство. Тогда священник сделал надрез на животе волчицы. Каково же было его потрясение, когда на глазах его совершилось превращение и он увидел перед собой лицо старухи! Священник понял, что волк говорил правду. Без дальнейшего промедления он сотворил святой обряд, и старая женщина почил в мире. Когда дело шло к утру, волк отвел его обратно к костру и, произнеся несколько пророчеств о судьбе англичан в Ирландии, снова исчез в лесу. Священник пообещал вновь навестить его, когда будет возвращаться после завершения своего дела в Мите, но, несмотря на обещание, больше он никогда не видел этого «волка».

Этот рассказ, принятый за чистую монету, похоже, произвел довольно пугающее впечатление на ирландских церковных деятелей. Двумя годами позже Геральду случилось вновь оказаться в той же местности, и к нему по приказанию местного епископа подошли два священника, прося его высказать свою точку зрения на этот «серьезный вопрос». Геральд охотно побеседовал с епископом и небольшой группой местного духовенства, а свои взгляды по проблеме затем изложил в письменной форме. Эти записки легли в основу секретного донесения, которое через епископа Оссори было отослано лично папе Урбану III. Ответил ли папа на это послание — неизвестно, ибо никаких письменных свидетельств не сохранилось. Однако сам факт такого поступка говорит о серьезности, с которой была воспринята данная проблема; донесение же рассматривало скорее не вопрос о правдивости истории, а теологические выкладки.

ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ

Подобные вопросы возникали вовсе не случайно, ибо в конце эпохи Средневековья (когда Геральд создавал свои произведения) существующему и твердо установившемуся порядку вещей был брошен весьма серьезный вызов. То была эпоха великой схоластики, и ее мыслители заново открывали труды древних греков и римлян, в особенности — Аристотеля, который в своей «Физике» выражал сомнения в общепринятой схеме мироустройства. Такие теории тесно граничили с ересью — но они же побуждали церковников основательно задумываться. Результатом этих раздумий было то, что границы между миром людей и окружающим миром природы вдруг стали менее определенными. Мог ли человек, как полагали легенды, быть превращен каким-либо образом в животное — или даже в камень, как говорили некоторые мифы? В чем заключалось истинное различие между человеком, животным и камнем? Если в человеке присутствует отражение славы Божьей — значит, оно есть и в остальном Его мире, так разве не возможно, чтобы одна часть творения могла превращаться в другую? Волнение умов в монашеских кругах было столь велико, что Конрад, епископ Херизау, монастыря в Швейцарии, запретил членам своего братства даже просто обсуждать или читать трактаты по этому вопросу — в особенности «Метаморфозы» Овидия — под страхом немедленного отлучения от церкви.

МЕТЕМПСИХОЗ²⁷

В такой обстановке начинали вновь выходить их тени полузабытые древние теории о мироустройстве. Одной из них была теория о метемпсихозе, честь «изобретения» которого приписывали греческому философу Ферекиду (хотя некоторые исследователи считают, что это еще более древняя форма мировоззрения, пришедшая из Египта). Эти взгляды были развиты его учеником Пифагором, труды которого вошли в прямой конфликт с церковным учением. Данная теория предполагала возможность переселения души из одного тела в другое — от человека к животному, от растения к камню — и угрожала уничтожить границы между аспектами Творения, по утверждению церкви, установленные самим Богом. Не стоит удивляться, что высокопоставленные отцы церкви, такие как Конрад, осуждали и запрещали любое чтение и обсуждение подобных доктрин.

МИЛЛЕНАРИСТЫ

Существовала и другая популярная идея, повлиявшая на теорию о превращениях. Многие люди были уверены, что мир близится к своему концу и что Христос вот-вот придет

²⁷ Метемпсихоз (*греч.*) — религиозно-мифологическое представление о перевоплощении души после смерти тела в новое тело какого-либо растения, животного, человека, божества.

вновь, чтобы судить его и установить на земле новое Царство. Считалось, что конец света произойдет в 1000 г. Разумеется, этого не случилось, но миллениаристское мышление по-прежнему преобладало во многих слоях общества. Люди верили, что когда Христос придет, Он соберет вокруг себя всех праведных и благословенных и вместо грешных плотских тел одарит их другими, гораздо более чудесными. Эта идея превращения, идея о новом, измененном теле, дарованном праведнику в Новом Царстве, распространилась в средневековом религиозном мышлении, составив его основу, и даже дожила благодаря миллениаристским фундаменталистским сектам до наших дней. Она, разумеется, создала питательную среду и для более широкой общественной мысли, и воображение людей наполнилось зелеными человечками, вервольфами и алхимическими грезами, несмотря на негодование церкви.

Однако в церковных доводах, направленных против метемпсихоза, был существенный изъян. В основе основ христианской обрядовости лежала месса, а этот ритуал включал таинство пресуществления Святых Даров. Частью христианского учения была концепция о том, что когда хостия²⁸ Святого причастия кладется на язык прихожанина, она становится действительной частью физического тела Христа, а выпитое вино — его кровью. Другими словами, благодаря божественной силе хлеб и вино приобретают совершенно иные качества, становясь самой сущностью живого, дышащего Иисуса. Это святая святых христианской веры, и хотя протестанты позднее восстали против этого убеждения, оно существует и по сей день. Едва ли церковь могла оспаривать концепцию *mutatio* ²⁹ в том, что касалось переселения души, если продолжала придерживаться столь сходной с ней центральной теории. Для учителей церкви это было серьезной проблемой, поэтому приведенная Геральдом история о людях, превращающихся в волков, оказалась источником множества противоречий.

В последующих изданиях «Топографики» Геральд дополнил этот рассказ длинным и довольно-таки путаным изложением составляющих ее основу теоретических элементов. Возможно, это и есть часть секретного донесения, посланного папе Урбану. В своем пояснении он пытался привести доказательства легенды в научном и церковном контексте — надо сказать, без особого успеха. Он обращает внимание на некоторые из чудес Христа, связанные с превращением, а именно — превращение воды в вино на свадебном пиршестве в Кане Галилейской, пресуществление Святых Даров и преображение Христа. Результат, однако, вышел крайне неубедительным.

ДРУГИЕ ЛЕГЕНДЫ

Якобы имевшие место события этой истории и свидетельство означенного священника также неубедительны. Несмотря на попытки придать рассказу основательность путем использования богословских терминов, чувствуется, однако, что Геральд полностью принимает эту историю на веру. Священник остается безымянным, какое дело влекло его в Мит, также неизвестно; разумно предположить, что он был просто местным клириком, который вряд ли путешествовал так далеко. Что действительно могло иметь место — это истерически-бессвязный рассказ очевидца, который последующие пересказы превратили в более-менее внятную историю, а Геральд записал уже как не вызывающий сомнений факт. Но неужели священник и вправду столкнулся с говорящим волком?

Леса Ирландии наполнились не только этими животными, но, как и в некоторых районах Англии, в них встречались дикие люди, похожие с виду на волков. Как и берсерки,

²⁸ Хостия, также гостия или облатка, — круглый листок из пресного теста, используемый в таинстве евхаристии (святого причастия) в англиканстве и католицизме.

²⁹ Превращение, обмен (лат .)

некоторые из них одевались в волчьи шкуры — это была почти что униформа «дикарей». Такие люди были крайне опасны, будучи по большей части изгоями общества, и часто их называли «лесными братьями» (или «лесными солдатами») или *фэлад* (волкоподобные или дикие люди). Это прозвище звучит как эхо легендарных *Лэгнех Фэлад* или «людей-волков с Типперери», которым столь насмешливо отказал в существовании Уильям Кэмден в XVI столетии.

Что, если священник встретился с одним из таких отверженных, одетым в волчьи шкуры, и его последующий искаженный рассказ об этом событии был неверно понят и преувеличен? Как в игре в «испорченный телефон», история разрасталась и видоизменялась, переходя из уст в уста, и дикарь превратился в настоящего волка. *Фэлад* считались яркими противниками англичан (их считали последними потомками старых ирландских лесовиков, которые жили в лесах до прихода норманнов в Ирландию), и пророчества волка об изгнании англичан из страны, похоже, поддерживают эту версию. Возможно, «волк» был просто одним из изгоев. Этого-то Геральд и остальные церковники в расчет не приняли. Тем не менее, эта легенда и соответствовала общественным настроениям того времени, и одновременно подлила масла в огонь — и прочно утвердила в Ирландии представление об оборотне-вервольфе.

Французские сказки

Ирландия была не единственной страной, которую в период Средневековья беспокоили вервольфы, или волки-оборотни. Бретань, область во Франции, могла похвастаться схожими легендами. Это хорошо заметно по некоторым произведениям французской поэтессы XII века, жившей в Англии, — Мари де Франс (Марии Французской). Живя при дворе короля Генриха II, где она была придворной дамой супруги монарха, Элеоноры Аквитанской (существуют также предположения, что Мари могла быть незаконной сводной сестрой короля Генриха), она написала ряд лэ (небольших стихотворений-баллад повествовательного плана), одна из которых содержит сказку о вервольфе. Хотя оригинальный текст был создан на французском языке, впоследствии он был переведен монахами на англосаксонский, и в процессе перевода могли быть произведены некоторые добавления и изменения. О жизни Мари известно немного; есть некоторые свидетельства того, что она питала интерес к старинным народным сказкам разных жанров и древним легендам о чудесах (она также сделала переводы нескольких басен Эзопа), используя их сюжеты для своих произведений. Лэ, повествующая об оборотне-вервольфе Бисклаврете, в которой чувствуется яркий колорит традиционной бретонской сказки, могла быть одной из таких историй.

БИСКЛАВРЕТ

Героем повествования является благородный барон из Бретани по имени Бисклаврет, который каждую неделю скрывался в лесу на три дня, причем никто не знал, куда он уходил. Жену барона одолело любопытство по поводу таких исчезновений, и она принялась упрашивать мужа поведать ей, куда он уходит и чем занимается. Бисклаврет признался, что он — вервольф и уходит охотиться в лесах в облике волка, оставляя свою одежду на опушке леса. Без этой одежды он не мог вернуть себе образ человека. Жена же Бисклаврета была ему неверна и имела тайного возлюбленного — местного рыцаря. Проникнув в тайну, они последовали за бароном в лес, и когда Бисклаврет сбросил одежду и принял облик волка, они подобрали разбросанные части его одеяния, возвратившись с ними в замок. Бисклаврет же оказался заключен в волчьем теле, как в ловушке. Неверная жена объявила всем и каждому, что барон, должно быть, убит, после чего она и ее любовник обвенчались и завладели землями Бисклаврета.

Некоторое время спустя король (который был другом Бисклаврета) и его свита охотились в лесу, и королевским гончим удалось загнать волка. Узнав монарха в лицо,

Бисклаврет-волк подбежал, чтобы ухватиться за его стремя и поцеловать его стопы — к вящему изумлению всех присутствующих. Король отозвал своих гончих и взял волка с собой во дворец в качестве домашнего животного. Волк оказался столь мягок нравом и любезен, что стал всеобщим любимцем. Однако, когда объявился при дворе тот рыцарь, что женился на его жене, Бисклаврет напал на него. Один мудрый человек из придворных объявил, что такой поступок совершенно не в характере этого животного и что рыцарь сам каким-то образом спровоцировал его. Вскоре после этого король нанес визит жене Бисклаврета, которая с жаром приветствовала его, но волк, бывший при короле, набросился на женщину и откусил ей нос. Это породило новые подозрения, и король приказал «подвергнуть допросу» (то есть пытать) рыцаря и его супругу. При этом женщина тут же созналась во всем и показала одежду Бисклаврета. Затем эти одежды предъявили и волку, но тот не обращал на них внимания, пока все тот же мудрый придворный не заявил, что ему следует позволить вновь вернуть себе человеческий облик в одиночестве; тогда Бисклаврет снова принял человеческое обличье. Монарх восстановил его в правах на земли и изгнал предателя-рыцаря и неверную жену. Все дети, что потом рождались у неверной жены, не имели носов — в напоминание о том, что она сделала с Бисклавретом.

В этой сказке есть немало интригующих моментов, и не последний из них — имя героя. Слово «Бисклаврет» — это сложная лингвистическая форма бретонского языка: *bisk* (короткий) + *lavret* (носящий бриджи). Это подчеркивает мысль о важности ношения одежды: надетая на тело одежда отличает человека цивилизованного от явного зверя, обходящегося без нее. Другие лингвисты указывали на еще одно возможное значение имени героя, также пришедшее из бретонского: *bleize lavaret*, или «говорящий волк». В последнем случае роль одежды отступает на второй план.

Существо, в которое превращался Бисклаврет, было известно не как вервольф, а как *loup-garou* (лу-гару) — французское норманнское название для человека-волка. Это совсем не то злобное животное, с которым мы теперь уже хорошо знакомы, а скорее человек, принимавший облик волка для особых целей (например, для охоты), но остававшийся по натуре исключительно человеком. Он обладал всеми способностями человека и был склонен мыслить как человек, в то же время приобретая естественные звериные навыки и способности. Некоторые лу-гару проводили равные промежутки времени в человеческом и

зверином облике.

МЕЛИОН

Лэ о Бисклаврете была чрезвычайно популярна как при английском, так и при французском дворе и, возможно, легла в основу более поздней истории, также широко распространенной в Англии в конце XII — начале XIII века. Автор ее неизвестен, но возникла она в Пикардии где-то между 1190-м и 1204 г. и переходила от одной ярмарки к другой благодаря жонглерам (бродячим артистам), сделавшим ее исключительно популярной. Изначально она носила ярко выраженный французский колорит и повествовала о благородном дворянине по имени Мелион, который вполне мог быть бретонцем. Позднейшие интерпретации сделали его рыцарем при дворе короля Артура, прославленным во всех землях могучим и удачливым охотником, профессиональных секретов которого никто не знал. Возжелав жениться, он ищет себе жену при дворе, но не находит подходящей женщины. В один прекрасный день, когда он выезжает на охоту, к нему приближается довольно величественная дама, которая объявляет, что она дочь короля Ирландии и что она многие годы заочно влюблена в Мелиона. Наконец она сумела убедить отца позволить ей отправиться в Англию, чтобы выйти за него замуж, ибо никого другого в мужья она не возьмет. Впечатленный ее царственными манерами, Мелион соглашается. Они венчаются, и жена дарит ему двух детей... Однако ей предстояло стать такой же изменницей, как жене Бисклаврета: на уме у нее были совсем другие планы.

Однажды, вновь выехав на охоту, кавалькада Мелиона вспугивает оленя, который пасся в тростнике. Леди, отправившаяся вместе с отрядом, заявляет, что просто обязана отведать мяса этого животного и не станет есть ничего, если только Мелион не подаст ей оленину. Отослав своих спутников, рыцарь наконец открывает ей секрет своих охотничьих талантов. Если он, будучи обнажен, прикоснется к себе белым камнем перстня, который носит на пальце, он превратится в подобие волка и таким образом легко догонит добычу. Леди умоляет его сделаться волком и поймать для нее оленя, поэтому он раздевается, она касается его камнем, и он превращается в волка. Но как только он принимает облик животного, леди подхватывает его одежду, забирает кольцо и скрывается бегством вместе с оруженосцем, бросая Мелиона. Некоторое время Мелион живет в лесу как дикое животное; однако, прослышав, что жена его вернулась в Ирландию, он ухитряется незаметно проникнуть на корабль, направляющийся в эту страну. Вскоре его обнаруживают, и он подвергается издевательствам команды из-за своего животного облика. По прибытии в Ирландию Мелион объединяется с несколькими другими волками, вместе они нападают на овец, пока ирландский король и его рыцари не окружают их, упустив одного Мелиона и убив всех остальных.

Вскоре после этого прибывает из Британии король Артур со своей свитой и поселяется в необитаемом замке на самой опушке леса. Прослышав, что рядом живет английский король, Мелион отправляется в замок, чтобы встретиться с ним. В своем волчьем облике он подбегает к королю и лижет монаршее стремя. Артур, которого немало изумило и позабавило такое поведение «ручного волка», оставляет его при дворе. Однако среди прочих придворных Мелион однажды узнает того сквайра, который бежал вместе с его женой, и в ярости нападает на него. Король очень удивлен таким поведением обычно мирного животного и «допрашивает» (в смысле — пытается) сквайра, который в конце концов во всем признается. Король Ирландии призывает дочь к ответу, и принцесса (она же — неверная жена Мелиона) приносит кольцо и одежду, которые возвращают Мелиону его человеческий облик. Восстановленный в правах, Мелион недолгое время раздумывает, не наказать ли жену и оруженосца, превратив их обоих в волков, но затем отказывается от этой мысли и возвращается вместе с Артуром в Англию, где продолжает жить мирно и беспечно.

МИРЫ ЖИВОТНЫХ И ЛЮДЕЙ

Обе приведенные выше истории предположительно родились в Бретани, обе представляют дуалистический мотив «человек-зверь», вполне обычный для других кельтских сказок. Мировоззрение кельтов, в котором люди представляли как одно из воплощений окружающей природы, не делало особого различия между людьми и животными. Обмен внешностью и сущностью между ними происходил с завидной регулярностью, и никто, казалось, не придавал этому особого значения. У многих таких легенд были схожие подспудные идеи и мотивы: неверные супруги, некий предмет, который мог вернуть носителя в человеческий облик, и поиски истинной любви. Что интересно, браки с подобными созданиями, похоже, не приносили людям особого счастья.

Вот, например, «Невеста Худи», сказка, записанная на полуострове Коул на западе Шотландии шотландским фольклористом Джоном Кэмбеллом в конце XIX века. Эта история имеет некоторое сходство с «Бисклавретом». Фермерская дочка выходит замуж за *худи* (самца серой вороны) и уезжает вместе с ним в его страну. Он предоставляет ей выбор — видеть его вороной днем и мужчиной ночью или наоборот, и она выбирает «дневного мужа». Она рождает от него ребенка, и когда младенцу исполняется год, родственники мужа (серые вороны) однажды ночью прилетают и уносят малыша из колыбели. Женщина в отчаянии, но муж успокаивает ее и говорит, что таковы традиции его рода. Она дарит ему второго ребенка — и история повторяется. И вновь муж утешает жену, но когда и третий ребенок оказывается украден, она настаивает на том, чтобы он отправился к своим родственникам — воронам и потребовал возвращения всех детей. Муж неохотно соглашается и улетает, но не возвращается: как только он оказывается среди своих, то забывает о своей прежней жизни в человеческом мире.

Жена отправляется искать его и забредает далеко в глубь страны *худи*. Наконец ей удается услышать новости о муже: он собирается снова жениться. Его новая избранница

живет в очень богатом доме, и жена *худи* исхитряется получить там работу в качестве служанки. В день свадьбы готовится большое угощение, и она должна подавать на стол. Женщина решает прислуживать своему мужу, сидящему во главе стола. В кармане у нее — перышко из его хвоста, которое она выдернула, когда он был в своем вороньем облике. Она потихоньку кладет перышко на блюдо, чтобы пробудить в нем воспоминания. Новая жена замечает это, понимает, что происходит, и пытается помешать мужу увидеть его. Трижды она возвращает блюдо под разными предлогами, но в конце концов находчивой женщине удается положить перышко в миску с бульоном и подать ее мужу из рук в руки. Мужчина видит перо, вспоминает, кто он такой, и узнает свою жену. Супруги покидают страну *худи* и возвращаются в мир людей, где счастливо живут до конца дней своих. (В некоторых вариантах сказки к ним возвращаются и дети.)

Эта сказка содержит много элементов, характерных для других подобных легенд кельтской традиции, в которых герой легко перемещается между миром людей и миром животных. Однако в ней есть дополнительный момент, который отличает ее от «Бисклаврета» и «Мелиона»: мотив забвения прежней жизни. Бисклаврет и Мелион — *лугару*, мыслящие, абсолютно сознательные личности, которые помнят о своей прежней человеческой жизни и узнают тех, кто им знаком. В обеих сказках они подбегают к своему королю, чтобы засвидетельствовать почтение и преданность. *Худи* же, напротив, сразу забывает о своей жизни среди рода человеческого, как только возвращается «к своему роду», и даже, обретая вновь человеческую форму, не сохраняет прежних воспоминаний. И когда его бывшая жена появляется перед ним в облике служанки, он ее не узнает. Лишь видя перед собой знак своей животной сущности в виде перышка (которое родственники от него пытаются утаить), *худи* действительно вспоминает, кто он такой.

История, записанная Кэмбеллом в Шотландии, отличается почтенным возрастом: она, возможно, появилась в период Средневековья. Если это так, то она вполне может принадлежать к тому же кельтскому циклу, который включает сказки о Бисклаврете и Мелионе. В ней также присутствует некоторое отклонение от мотива «мыслящего и культурного животного» норманнских и средневековых легенд в сторону более жестокого и дикого типа существ (*la bete sauvage* ³⁰), который появляется во многих более поздних сказках о вервольфах.

ГОРЛАГОН

Прежде чем двинуться от собрания кельтских легенд средневекового периода дальше, наверное, стоит упомянуть сказку о Горлагоне, которая была записана на латыни, хотя предположительно является по происхождению валлийской. Она принадлежит к так называемому «артуровскому» циклу — ряду легенд и сказок о короле Артуре. В некоторых аспектах эта сказка явно схожа с бретонскими легендами, распространенными в то время, и могла быть создана отчасти под их влиянием. Одна из версий сказки о Горлагоне датируется примерно XIV веком, и хотя она снабжена всеми обязательными атрибутами рыцарской романтики, в ней все же явственно ощущаются кельтский колорит и происхождение.

В этом варианте сказки супруга-королева подстрекает короля Артура к тому, чтобы выяснить природу и нравы женщин. Это непростая задача для любого рыцаря, но Артур принимает вызов и в одиночку отправляется на поиски. Он приезжает в замок соседнего короля, которого зовут Гаргол. Этот король, как выясняется, не может помочь Артуру, но направляет его в другое место — замок своего брата, короля Торлейля. Однако и второй король оказывается столь же бессилен помочь Артуру, поэтому, следуя дальнейшим указаниям, Артур вынужден продолжать поиски, направившись к крепости третьего брата-короля, Горлагона. Там, наконец, хозяин-король рассказывает ему историю, которая даст

³⁰ Дикое животное (*франц.*)

ответ по крайней мере на часть его вопросов, хотя Горлагон и предупреждает, что полученные ответы лишь в малой степени удовлетворяют Артура.

История повествует о короле далекой земли, у которого был сад, где росло волшебное деревце. Если бы тот, кто срезал его побег, трижды ударил им себя по голове и повторил определенное заклинание, то превратился бы в волка. Жена короля открыла секрет этого деревца, срезала его и использовала, чтобы превратить своего мужа в зверя, а затем прогнала его со двора. Объявив, что король мертв, королева вышла замуж за младшего сына одного короля-язычника и стала с ним вместе править страной. Заколдованный король бежал в лес, где и поселился, встретил там волчицу и вскоре завел себе новую семью. Однако он затаил зло на прежнюю жену.

Через некоторое время король-волк, его жена-волчица и их отпрыски пробрались в город и загрызли нескольких человек, в том числе двоих юных принцев — сыновей его бывшей жены и ее нового мужа. Волков прогнали горожане, но они вернулись, чтобы напасть на еще двоих лордов — местных графов и кузенов королевы. Во время этого нападения несколько молодых волков были пойманы, а затем убиты.

Обезумев от скорби из-за потери детей, король-вервольф стал нападать на стада и птичники местных фермеров, пока его не прогнали за границу, в другую страну, где его появлению ничуть не обрадовались. Он поселился в обширном лесу далеко от своего родного дома. Там, случайно подслушав разговор двух крестьян, он узнал, что местный король собирался устроить на него облаву и убить. Тогда он решил вновь вернуть себе человеческий облик и для того, чтобы исполнить задуманное, подстерег короля, когда тот выехал на верховую прогулку. Как и Бисклаврету, ему удалось войти в доверие к монарху и убедить короля не убивать его; постепенно он сделался фаворитом короля и любимцем всего двора. Однако ему никак не удавалось поладить с супругой короля, у которой была тайная любовная связь с одним из слуг. Во время отлучек короля она плохо обращалась с волком и возбудила в нем ненависть. Однажды, когда она забавлялась со своим любовником, волк внезапно набросился на слугу и нанес ему тяжелые раны. Воспользовавшись ситуацией, королева заперла собственного сына в подземелье и объявила, что волк в бешенстве сожрал его, несмотря на то что храбрый слуга пытался защитить мальчика. Волк, однако, сумел убедить короля последовать за ним в подземелье, где обнаружился мальчик, здоровый и невредимый. Слуга впоследствии рассказал, что произошло на самом деле, и был бит кнутом за свое злодейство; королеву растерзали, привязав к хвостам лошадей.

После открытия коварной измены король вслух выразил предположение, что волк, проявивший себя существом столь разумным, вполне мог оказаться человеком в ином обличье. В ответ на эти слова волк лизнул ему руку, и монарх понял, что оказался прав. Король решил, что последует за волком, куда бы тот ни повел его, и отыщет источник такого явного колдовства. Вервольф повел его к себе на родину, где они узнали, что вся страна в отсутствие истинного правителя стонет под гнетом ужасной тирании. Немного поразмыслив, король решил вторгнуться в эту страну и одержал славную победу, низложив тирана и его жену. Затем волк отвел их в сад, где росло волшебное деревце, и король принудил побежденную королеву срезать еще один волшебный побег, для того чтобы вернуть вервольфу его человеческую внешность.

После того как король Горлагон рассказывает Артуру эту историю, она заставляет последнего глубоко задуматься. Однако у него есть еще один вопрос к хозяину замка: он заметил жуткую на вид и мрачную женщину, что сидела в углу в совершенном одиночестве, держа перед собой на блюде окровавленную голову, которую целовала каждый раз, как Горлагон целовал свою жену. Артур желает знать, кто она такая. Монарх объясняет, что это и есть неверная жена, которая превратила короля в волка. А вервольфом из сказки был он сам — и сохранил ей жизнь на том условии, что она будет постоянно носить с собой голову своего бывшего любовника как напоминание о ее злодействе.

Те, кто изучает лингвистику, анализируя эту сказку, указывают, что имя Горлагон — это расширенная форма имени Горгол, которое на древневаллийском (сказка по происхождению считается валлийской) означает «волк-оборотень». Изложенная здесь версия сказки появилась в XIII или XIV столетии и была добавлена к «артуровскому» циклу, чтобы придать ей некий куртуазный статус и связь с романтической рыцарской литературой.

Однако, по всей вероятности, на самом деле сказка значительно старше. Она также несколько отклоняется от образа доброго, едва ли не святого волка, который украшает историю Геральда, и рисует более дикое животное, нападающее на юных принцев и убивающее их, режущее овец и крупный скот. Наверняка в оригинальной сказке были варварские мотивы, но здесь они, похоже, преувеличены, чтобы шокировать и напугать средневекового цивилизованного слушателя. Это опять-таки рисует тот шаблонный образ вервольфа, к которому мы привыкли и перед которым испытываем страх.

РЫЦАРСКИЙ РОМАН О ГИЙОМЕ ИЗ ПАЛЕРМО

В то время была популярна легенда, представляющая собой гораздо более сложное переплетение кельтских фольклорных мотивов и несколько отличающаяся по духу от предыдущих историй. Она заслуживает рассмотрения, поскольку ее сюжет является удачным противовесом к основным темам предыдущих сказок. Это, возможно, наиболее

распространенное из всех повествований об оборотнях-вервольфах, и хотя его оригинал, как полагают ученые, был создан в конце XII века на старофранцузском языке, самой известной версией считается перевод на среднеанглийский, относящийся к концу XV или началу XVI века. Текст легенды, по-видимому, был впервые издан одним из первых английских печатников, Винкином да Вордом, преемником прославленного Уильяма Кэкстона, которого называют патриархом английского книгопечатания. Ворд, скорее всего, использовал ирландский перевод той же истории, появившийся около 1520 г., а не французский вариант. Сама легенда, однако, действительно родилась во Франции и известна под названием «Роман о Гийоме из Палермо». Французское ее издание было напечатано в Лионе в 1552 г. и разошлось довольно широко, раз и навсегда став в общественном сознании типичным образцом легенды о вервольфе. В приложении к тексту указано, что оригинал его — старинный латинский манускрипт; подобные ссылки часто делались для того, чтобы придать издаваемым произведениям большее правдоподобие и авторитетность в глазах читателя. Действие сказки происходит, однако, не в Ирландии, Шотландии, Уэльсе или Франции (которые были основными районами расселения кельтов), но в «королевстве двух Сицилий» (то есть в государстве, включавшем остров Сицилия и Южную Италию, которые находились под общим управлением). Этот регион некогда подвергся вторжению сарацин, но был отвоеван в результате согласованных усилий норманнов в начале XII века. Было основано объединенное Сицилийское норманнское королевство, которое управлялось совместно графами Калабрии и Апулии (Италия) и королями Сицилии (которые были связаны с ними узами отдаленного родства).

Структура романа невероятно сложна, и мотив оборотня-вервольфа является только одной из сюжетных линий. Вервольф, о котором идет речь, — это Альфонс, сын короля Испании, который был превращен в волка мачехой-ведьмой из злобных побуждений. Она обмазывает его колдовской мазью, превращая его в зверя, а потом сообщает всем, что он утонул. Несколько позже принц-оборотень спасает сына короля Сицилии, по имени Гийом, от заговорщиков, собирающихся лишить его жизни (по некоторым версиям, позднее спасенный станет Вильгельмом I Сицилийским). Преследуемый одержимыми жаждой убийства лордами, Альфонс с ребенком на спине бежит через всю Сицилию и спасается вплавь через Мессинский пролив, добравшись до материка. Он оставляет мальчика у местных пастухов, которые воспитывают его как собственного сына; позже юного принца находит император и забирает к себе во дворец. Там юноша влюбляется в императорскую дочь Мелиор, но любовь молодых людей оказывается под запретом, и они с помощью вервольфа пускаются в бег. Влюбленные прячутся в лесной чаще, куда оборотень-благодетель приносит им пищу и питье. Позже он исхитряется замаскировать их так, чтобы они могли выходить из своего убежища, сперва в медвежьих шкурах, а потом в шкурах двух оленей, им пойманных. Когда они пытаются возвратиться на Сицилию, их едва не обнаруживают солдаты, поднявшиеся на борт барки, на которой прячутся беглецы, — но вервольф отвлекает солдат, прыгнув воду. В конце концов Гийому удается победить своих врагов, и он заявляет права на трон своего отца. Альфонс-вервольф наконец возвращает себе человеческий облик и женится на сестре Гийома. Его злая мачеха раскаивается (возможно, не без «поощрения» со стороны нового короля), повязывает на шею оборотню красный шнурок с заколдованным кольцом и произносит необходимые заклинания из своего гримуара. Когда Альфонс возвращается в человеческое тело, он оказывается обнаженным, и королеве приходится искупать его и найти ему одежду, чтобы завершить превращение.

В этом романе оборотень-вервольф не является центральным персонажем (это место принадлежит Гийому) — зато выступает в роли своего рода ангела-хранителя или доброй феи-крестной, когда последнему угрожает опасность или требуется что-либо жизненно необходимое. Альфонс-оборотень — как бы квинтэссенция образа «мыслящего волка»: он практически не демонстрирует той свирепости, с которой у нас обычно ассоциируется это создание. На самом деле его «дикая» сторона проявляется на протяжении повествования всего дважды: когда он нападает на свою мачеху сразу после первого превращения и как раз

перед превращением обратно в человека. Эти два взрыва свирепости, учитывая обстоятельства, вполне объяснимы. Здесь вервольф — далеко не злобное существо и вовсе не пособник дьявола: он почти святой. Этот мотив вновь и вновь повторяется во всех ранних средневековых сказках. В результате, несмотря на обличье животного, вервольф в них — сущее воплощение нравственности, благородное создание, стоящее порой много выше злых людей.

Однако по мере того, как западная цивилизация стала распространяться в прежде неведомые земли, идея о чудовищных людях и животных-чудовищах начала мало-помалу брать верх в мышлении культурных людей. Представление об ужасных грозных существах, скрывающихся в других частях света, захватило человеческое воображение и обеспечило умы пищей для размышлений. Этому воображению предстояло вскоре создать законченный образ оборотня-вервольфа.

ЧЕЛОВЕК-БЫК

Но вернемся к Геральду и его книге об Ирландии. Среди популярных историй, которые он пересказывает как события, действительно имевшие место, одна повествует о человеке-быке, жившем в горах Уиклоу. Не может быть и речи о том, чтобы Геральд когда-либо видел человека-быка своими глазами (судя по всему, он прибыл в Ирландию вскоре после того, как это существо скончалось), но он мог услышать его историю от своих родственников Фицджеральдов, владевших землями в Уиклоу. Известно, что в конце пребывания в Ирландии Геральд гостил при дворе своего кузена Мориса Фицджеральда, где часто рассказывали подобные истории. Геральд не приписывает быку-оборотню никаких дурных качеств — скорее относится к нему как к «чуду», занятой диковинке. Он описывает человека-быка в деталях, как это характерно для средневековых авторов.

У человека-быка были копыта вместо ступней и ладоней, и он мог есть, держа пищу передними конечностями и поднося ее ко рту. У него были огромные глаза и уши, такие же, как у обычных быков, а вот носа не было — только две ноздри посередине плоского лица. Голова его была полностью лишена волос, зато покрыта чем-то вроде нежного пушистого меха. Это существо не говорило по-человечески, при общении издавая хриплое мычание. По словам Геральда, человека-быка доставили ко двору Мориса Фицджеральда, где все и каждый, кому случалось его увидеть, почитали его за настоящее чудо. Почтенному монаху и в голову не приходило, что это мог быть человек с врожденными уродствами. Это показывает нам, как уже в те далекие времена идея о чудовищах постепенно проникала в человеческое мышление.

Геральд также упоминает другую историю, которую ему довелось слышать в Уиклоу. В ней говорится о человеке-теленке, который был рожден коровой. Это якобы случилось в горах, где-то неподалеку от монастырского городка Глендалу, в районе, который норманнская знать считала чрезвычайно отсталым — «где обитали одни ирландцы».

Это чудовищное порождение, с уверенностью заявляет Геральд, было результатом плотского греха, предполагаемого «ирландского обычая» заниматься сексом с домашней скотиной и дикими животными. Многие примеры таких чудовищных «чудес» были использованы средневековыми монахами-писателями в их поучительных произведениях, направленных на укрепление нравственности и полных призывов против половых сношений с животными. Если верить таким документам, то «ужасный грех» скотоложства был распространен гораздо шире, чем считалось вначале. А ведь подобное поведение вступало в прямое противоречие со священным законом, изложенным у Левита, 20:16: «Если женщина пойдет к какой-нибудь скотине, чтобы совокупиться с нею, то убей женщину и скотину: да будут они преданы смерти, кровь их на них». Скотоложство считалось одним из самых тяжких грехов.

Такие поучения добавили представлению о монстрах новое измерение. Отныне найти их можно было не только в чужих землях; время от времени они могли объявляться совсем рядом — как результат плотского греха. Таким образом, идея подобных созданий «перешла на личности»: любой человек может сделаться чудовищем, если не будет повиноваться законам Божьим.

ОВЦЫ-ОБОРОТНИ И ПРОЧИЕ ГРЕХИ

Знаменитый образец такого «монстра» появился в Англии около 1580 г., когда о восьмилетнем мальчике, жившем неподалеку от Шрусбери, пошли слухи, что он рожден в результате скотоложства его отца с овцой. В доказательство приводили то, что «обе ноги его имели копыта, как и его правая рука», и ребенка, по всей вероятности, калеку от рождения, принимали за несомненный плод мерзостного извращения. Другого «человека-барана» обнаружили в Бердхэме, что неподалеку от Чичестера, в 1674 г. Он был убит местными жителями и пригвожден к вратам церкви. Это было сделано для того, чтобы все прихожане, видя его тело, помнили об ужасных последствиях скотоложства. В районе горы Брокен в Германии в 1687 г., по сведениям, приведенным Иоганном Майером в его работе «Книга дьявола» (опубликована в 1690 г.), одну женщину публично забили камнями до смерти за рождение обезображенного ребенка, которого сочли плодом ее плотского соития с конем. В 1692 г. другая женщина в той же местности родила... короб с железными гвоздями — вот интересно, с чем же она-то согрешила?! В тот же период английский писатель Энтони Вуд писал о том, как видел калеку-ребенка одной ирландки, который был, по его мнению, «зачат мужчиной, но либо мастиф, либо обезьяна тут тоже пролили семя». Такие представления просуществовали до самого недавнего времени, хотя и в измененной форме. Ужасные уродства жившего в XIX веке «человека-слона» Джона Меррика приписывались тому факту, что его мать, когда она была беременна им, сшиб на землю и напугал до полусмерти цирковой слон.

Но именно в период позднего Средневековья и в начале Нового времени последовательная убежденность в том, что физическое уродство и превращения связаны с грехом — плотским или иным, — начинала проявляться в общественном сознании. Люди подвергались превращениям из-за своего развратного поведения или потому, что каким-то образом преступили Божий закон, и их трансформации или чудовищная внешность были тому видимым доказательством. С точки зрения христиан, те, кто жил за пределами сферы христианского учения и веры, были «заражены» таким же нечестием, поэтому в литературе и изобразительном искусстве стали появляться изображения собакоголовых евреев и мусульман с обезьяньими лицами. Те, кто был отлучен от церкви, тоже подвергались опасности превращений или рождения чудовищ.

Церковь

Наступивший позже раскол между католической и протестантской церквями привел к увеличению подобных голословных обвинений. Среди протестантов ходили слухи о том, что у ряда римских пап были незаконные отпрыски, рожденные в образе животных — как правило, волков. Это суеверие было настолько распространено, что в некоторых сельских местностях Франции была в ходу поговорка, что незаконный сын священника почти наверняка станет оборотнем. Обычным приемом протестантской пропаганды стало утверждение, что множество таких чудовищных отпрысков — детей священников или монахинь — скрываются от людских глаз в отдаленных монастырях и женских обителях по всей Европе. Эти «плоды греха», утверждали протестантские священнослужители, были неоспоримыми свидетельствами внутренней испорченности и развращенности римской церкви, которые папство стремилось утаить. В 1579 г. в Англии был издан памфлет (перевод французского текста, опубликованного в 1523 г.), озаглавленный «О двух удивительных папистских чудовищах», который привлек внимание публики к якобы имевшему место обнаружению тела папы с ослиной головой, найденного на берегу реки Тибр в Риме в 1496 г. То, что Бог превратил голову папы — главы римской католической церкви — в ослиную, писал автор памфлета, является неопровержимым доказательством омерзения, которое Бог испытывает к католикам. Другим чудовищным «чудом» был монах-теленек, якобы рожденный во Фрайбурге (Германия) 8 декабря 1522 г. Обстоятельства его рождения были неясны, но этот «монстр» мог иметь сходство с «человеком-быком» из Уиклоу, которого

описал Геральд: плоское лицо, отсутствие носа и большие уши. Это существо, по-видимому, не умело говорить по-человечески, но способно было подражать монахам, издавая коровье мычание. Это было еще одно весомое свидетельство пренебрежения, с каким Бог относился к молитвам католических монахов и священников, — если уж он попустил такому чудищу передразнивать их нечленораздельным бормотанием. Авторство этого памфлета частично приписывается протестантскому реформатору Мартину Лютеру.

Образ человека-животного (и соответственно оборотня-вервольфа, в частности) начал постепенно меняться. Человек, превращенный в волка, больше не был добрым созданием, ищущим религиозных таинств или творящим добро, — теперь он стал воплощением греха, квинтэссенцией мерзких деяний или верований. Важнейшая составляющая прежнего оборотня — доброта — исчезла, ее место заняло зло, мрачное и греховное. Появился в образе оборотня и еще один характерный элемент, который возбуждал отвращение во всех цивилизованных людях — каннибализм.

Каннибализм

По мере того как человеческие сообщества становились более организованными и упорядоченными, мысль о поедании одного человека другим стала вызывать у людей страх — и сегодня мы чувствуем к ней то же отвращение. Многие развитые западные общества склонялись к запрещению людоедства, хотя в Библии нет на него прямого запрета. Более того, по тексту Ветхого Завета разбросано множество фрагментов, которые только что не поощряют каннибализм, например, Левит 26:29: «И будете есть плоть сынов ваших, и плоть дочерей ваших будете есть».³¹ Людоедство практиковали дикари, жившие в глуши за пределами цивилизации, — и это была одна из черт животного поведения.

Однако каннибализм мог быть когда-то значительно более распространен в некоторых частях Западной Европы, чем принято считать, и в большинстве случаев он так или иначе «приспосабливался» к человеческим предрассудкам. В сельских, наиболее изолированных уголках Европы людоедство вполне могло стать жизненной необходимостью в голодные времена или во время особенно суровых зим. Для цивилизованных членов общества, однако, оно все равно представлялось чем-то низменным и греховным, и позволял себе подобный грех лишь тот, кто был не более чем грубым животным или пособником дьявола.

СОНИ БИН

В начале XV века по ряду европейских стран распространились слухи об особенно ужасающем случае каннибализма в Шотландии. Это была история Сони Бина по прозвищу «мидлоттианский людоед». Хотя сегодня никто не может с уверенностью сказать, существовали ли на самом деле Бин и его чудовищное семейство или какая часть рассказа о нем является позднейшей выдуманной вставкой XVIII века, тем не менее эта история служит отличной иллюстрацией к тому, насколько распространен мог быть каннибализм — и как рассказы о нем могли эксплуатироваться последующими поколениями. Вот ее краткое изложение.

В эпоху правления шотландского короля Якова I (1406–1437 гг.) Александр Бин (также известный как Сэнди или Сони Бин), угрюмый и неграмотный сын бедняка, промышлявшего копанием канав и изготовлением изгородей, поселился в Восточном Лотиане с сожительницей, женщиной столь же грубой и невежественной, как и он сам. Нет никаких сведений о том, каким ремеслом занимался Бин, но, возможно, он избрал скудный и

³¹ Автор, мягко говоря, не вполне корректно приводит цитату. Это фрагмент из речи Господа, обращенной к евреям, в которой Он грозит им разнообразными *карами*, если они не станут исполнять Его заповедей, станут презирать Его установления и пойдут против Него — в том числе и вышеприведенной. Ни о каком «поощрении» каннибализма и речи не идет.

ненадежный «заработок» дорожного грабителя. Его описывают (в гораздо более поздних документах) как грубого, наглого и нетерпимого человека, и его сожительница, похоже, блистала теми же «добродетелями». Эта несимпатичная чета поселилась в глубокой пещере у Беннан-Хэд, что подле города Баллантрэ, который тогда входил в состав Галлоуэя (ныне это часть Эйршира). Там они прожили следующие 25 лет, держась особняком и почти не общаясь с населением ближайших деревень. Они были столь скрытны, что немногие подозревали о самом их существовании. Все это время Бины «зарабатывали на жизнь», подстерегая, грабя и убивая путешественников на ближней вересковой пустоши, а после уносили трупы в пещеру, где готовили из них пищу.

Говорят, что впоследствии, когда представители местных властей вошли в пещеру, они обнаружили там настоящую «кухню мясника». Глубоко во мраке пещеры Сони и его сожительница растили целый выводок детей — некоторые из них были слабоумными, а другие — уродами от рождения; все они выказывали недюжинный аппетит к человеческой плоти. Многие из этих детей, если верить данным позднее показаниям под присягой, были «зачаты путем инцеста» — и нет никаких причин сомневаться, что так и было. По мере того как семейство разрасталось, росло и число убийств прохожих: чтобы прокормить его членов, требовалось все больше «провизии». Действительно, количество необъяснимых исчезновений достигло такого уровня, что это серьезно обеспокоило власти в окрестностях Баллантрэ. Они организовали розыски в районе, где произошло несколько таких исчезновений, но из-за того, что вход в логово Сони Бина был хорошо замаскирован, не нашли ничего. Вести об исчезновениях вскоре достигли слуха короля Якова, который решил, что дело требует расследования. К тому времени вдоль побережья начали находить куски человеческих тел: прибой выбрасывал их на берег, поскольку Бины принялись избавляться от остатков своей чудовищной «диеты». К ужасу тех, кто их обнаружил, некоторые останки носили явственные следы человеческих зубов. Услышав это, король Яков лично возглавил расследование и начал следующий круг поисков на побережье и соседних с Баллантрэ пустошах. До него дошли слухи о странном отшельнике, жившем в окрестностях вместе со своей женой, и король предположил, что между ними и исчезновением людей может быть какая-то связь.

В это время участникам расследования улыбнулась удача: один путешественник на дороге меж Баллантрэ и Гирваном подвергся нападению шайки «дикарей», которые попытались убить его, но ему удалось спастись бегством и поднять тревогу. «Дикари» убежали прочь через пустошь по направлению к берегу. Это была как раз та ниточка, которой не хватало королю, и теперь охота началась всерьез. Охотничьи собаки вскоре отыскивали вход в пещеру, но даже они отпрянули от таившегося внутри кошмара. Говорили, что король испытал неистовый приступ рвоты при виде количества хранившихся в пещере человеческих останков, причем часть из них была полусъедена. Там также были горы одежды, кошельков, денег и ценностей, которые каннибалы хранили, даже не представляя ценности того, что попало им в руки.

Людоедский клан расселился по всей небольшой системе пещер, и похоже было, что он весьма многочислен — судя по отчету, были арестованы 48 его членов. В прохладных внутренних гротах были найдены человеческие останки, подвешенные на крюках, как в мясной лавке. На самом деле каннибализм стал столь обычным делом в жизни Бинов, что они даже не сумели понять, что это — преступление. Король решил, что деяния их в высшей степени омерзительны, и их заключили в городскую тюрьму Эдинбурга. Оттуда их перевезли в Лит, где они были допрошены и приговорены к смерти, причем Бины по-прежнему недоумевали, что же такое они совершили. Их преступления были столь ужасны, что шотландцы отомстили им полной мерой. Мужчины были приговорены к четвертованию, после чего должны были истечь кровью до смерти, а женщины — казнены самой медленной смертью, чтобы каждая минута без остатка была наполнена страданием. Потом их тела были сожжены на трех кострах.

По легенде, одной из дочерей Сони удалось сбежать от своего семейства, и она

отправилась в Гирван, где вышла замуж. Она держала свое имя и происхождение в тайне, сделавшись весьма заметной персоной в городе. Она даже посадила местную достопримечательность — «волосатое дерево» — на том месте, где когда-то была улица Далримпл. Однако вскоре после ареста ее родителей и сестер с братьями личность женщины была установлена, и ее схватили гневные и перепуганные местные жители. Столь велика была всеобщая ненависть ко всему ее клану, что она была повешена на одной из ветвей того самого дерева, которое посадила, а впоследствии ее тело сожгли. Район Гирвана, где она жила, давным-давно прекратил свое существование, и от «волосатого дерева» не осталось никаких следов.

Легенда о Сони Бине продолжала распространяться, в основном в Англии, в виде памфлетов и газетных статей. Особую известность она приобрела, когда была напечатана в виде бульварного романа (из рода так называемых «грошовых ужасов», популярных с начала до середины XIX века). Роман создал писатель-поденщик Томас Пекет (или Пескет) Прест (1810–1859 гг.), озаглавив его «Сони Бин, мидлотианский людоед». Книга с кровавой пышностью преподносила во всех деталях все приписываемые шотландскому семейству каннибалов преступления. Эта книга вновь вывела имя Бина из тени забвения и усилила предрассудки англичан в отношении шотландцев. Имя Сони стало синонимом омерзительных и неприемлемых поступков, а его собственные рассказы о людоедстве потрясли цивилизованную английскую публику до глубины души. Для многих англичан не было сомнений в том, что к северу от границы обитают каннибалы — такие, как Сони Бин.

Наверное, самый знаменитый памфлет о Бине — это «Грабители и убийцы: история Сони Бина и его семьи». Дата выхода этого издания в свет неизвестна, но оно, несомненно, относится к XVIII веку. Многие подобные рассказы впоследствии попали в «Ньюгейтский календарь», составленный в начале 1770-х гг., где они преподносились как правдивые истории. Тем не менее, в сборнике «Старинные уголовные судебные процессы 1494–1624 гг. в Шотландии» Питкерна, который и по сей день считается руководством по истории шотландской юриспруденции, о следствии по этому делу, снискавшему такую известность, нет никаких записей. Уильям Рафхэд подумывал над тем, чтобы включить его в свою книгу «Знаменитые британские уголовные процессы» (1933 г.), но не сумел найти никаких документов (хотя и написал теоретическую статью о нем в «Юридическое обозрение», № 48 за тот же год).

Это заставило некоторых ученых усомниться в том, существовал ли Сони Бин на самом деле. Действительно, многие пришли к выводу, что эта легенда — не более чем часть английской пропаганды, развязанной после поражения якобитов в битве при Каллоден-Мур в 1745 г. В попытке оправдать содержание дорогостоящей победоносной английской армии в Шотландии власти старались показать шотландцев как «чудовищ», отчаянно нуждающихся в срочной «цивилизации» (как это было сделано на сотню лет раньше с ирландцами). Представление о шотландских монстрах-людоедах, пожирающих друг друга в затерянных уголках страны, шокировало разум англичан и помогало скормить им эту идею. Таким образом, население Англии было подготовлено к тому, чтобы оказывать финансовую поддержку оккупационной британской армии без особых жалоб.

Существовал Сони Бин в том виде, в каком он описан в вышеупомянутых легендах, или нет — все же нельзя сказать, что каннибализм был совершенно неизвестным явлением в гористой Шотландии. Действительно, отдельные случаи людоедства вполне могли встречаться в некоторых наиболее отдаленных деревнях запада страны, и именно за рассказы о них ухватились пропагандисты, частично приписав их полумифической фигуре Сони Бина. Многие *клаханы* (маленькие деревеньки) на горных пустошах Хайленда³² отстояли очень далеко друг от друга и в суровую зиму бывали совершенно отрезаны от остального мира.

³² Хайленд (*Highland*, англ.) — самая большая из 32 областей Шотландии; располагается на территории Северо-Шотландского нагорья.

Когда наступала зима и количество добываемой на охоте дичи сокращалось, многие жители таких мест едва сводили концы с концами, и голодная смерть была вполне обычным делом. В такие времена могли иметь место случаи людоедства. Старики в общине не выдерживали холодов, и вместо похорон в промерзшей земле их вполне мог ожидать общий котел голодающего хутора.

ПОЗИЦИЯ ЦЕРКВИ

Позиция церкви по этому вопросу буквально заставляла предположить, что те, кто живет в отдаленных частях Шотландии, сплошь являются людоедами. Священники порой прямо указывали в своих проповедях, что шотландцы в трудные времена зачастую поедают друг друга. Они ссылались на давнишние высказывания на этот счет св. Иеремии (который, заметьте, имел опыт общения с галлами в IV столетии!):

Даже отдельные протестантские священники (которые вообще-то избегали высказываний Иеремии как чересчур католических по духу) в некоторых своих проповедях упоминали дикость, жестокость и каннибализм шотландцев в период после гражданской войны в Англии. Однако и это тоже могло быть пропагандой, поскольку новое английское пуританское государство боялось военного вторжения со стороны пресвитерианской Шотландии из-за разрыва договоренностей между двумя странами. С другой стороны, возможно, эти утверждения имели какие-то реальные корни.

Шотландский хронист и историк Роберт Линдсей из Питскотти (1532–1580 гг.) упоминает легенду о семье, жившей «в глуши» неподалеку от Обана во времена правления Якова II Шотландского (1437–1460 гг.), которая была арестована за поедание маленьких детей, забиравшихся слишком далеко в их владения. Большинство членов этого семейства были вывезены для судебного разбирательства в Эдинбург и впоследствии приговорены к смертной казни. Их аргументы в свою защиту состояли в том, что им не на кого было охотиться, поэтому они хватали и ели детей (и не только детей), считая их «славным мясом». Перед казнью одна приговоренная девушка сумела убежать, но через несколько дней была вновь поймана; ее сожгли отдельно. По дороге к месту казни она нагибалась к толпе с повозки палача и проклинала тех, кто подходил поближе, дразня ее. Она говорила им, что если бы они знали, как сладка плоть человеческих детей, они бы тоже возжелали ее. Ее слова часто повторяли с ужасом и отвращением как политики, так и священники, подкрепляя таким образом обвинения против шотландцев.

Эта легенда может быть просто еще одним вариантом повести о Сони Бине, но она служит яркой иллюстрацией того, как смотрели на каннибализм англичане, жившие за пределами Шотландии, а также показывает, до какой степени ненавистна была мысль о людоедстве для подавляющего большинства общества.

ВЗГЛЯДЫ АНГЛИЧАН И ДРУГИХ

Итак, Сони Бин был не единственным людоедом, имя которого связывали с Шотландией. Мысль об обитающем сразу за шотландской границей чудовище, казалось, обладала для англичан каким-то странным очарованием. Приняв эстафету от монаха Эндрю из Винтона (1350–1423 гг.), который описал Кристи-Крюка (или Хустена Клика), обретшего дурную славу главаря банды, члены которой часто съедали тех, кого грабили, многие писатели ссылались на некоего Эндрю Кристи, который нападал на английских путешественников вдоль шотландской границы. Годы жизни легендарного бандита указывались разные — как в начале XIV века (конкретнее — около 1320 г., то есть до Сони Бина), так и вплоть до XVIII века. А еще была действительно историческая фигура Джеймса Дугласа, третьего маркиза Квинсбери (1697–1715 гг.), который был «неистовым безумцем» и которого приходилось держать под замком в Холируде в Эдинбурге, где он успел до своей смерти убить, поджарить и съесть нескольких слуг. Таких вот «пугал» время от времени

вытаскивали на свет божий, и размахивали ими перед носом у англичан с целью опозорить шотландцев.

У англичан, разумеется, не было ни малейших оснований, чтобы с такой надменностью и самодовольством обвинять своих соседей-шотландцев. В глухих уголках сельской местности Англии тоже бывали случаи каннибализма, хотя и не снискавшие столь широкой известности, как их шотландские аналоги. В некоторых районах йоркширских пустошей или на болотах Восточной Англии нередко ходили слухи о людоедстве в изолированных общинах во время затяжных зим. Во время эпидемии «черной смерти» в 1350-х гг., например, когда многие деревни были опустошены чумой, появлялись сообщения об их голодающих жителях, решившихся на поедание плоти умерших или умирающих в попытке выжить. Похожее развитие событий вполне могло иметь место в периоды голода или неурожая.

В менее далекие времена отдельные намеки на каннибализм можно было услышать в связи с Ирландией. Во время «великого картофельного голода» (1845–1852 гг.) большая часть населения Ирландии оказалась на грани смерти от истощения. В районах, по которым голод ударил особенно сильно — в графствах Клер и Галлоуэй — урожай картофеля полностью погиб, и людям во множестве разрозненных деревень оказалось нечего есть. Некоторые питались побегами живых изгородей, другие — травой, как дикие животные. Но появились — и порой их еще можно услышать — истории о том, что некоторые люди поедали друг друга. Опять-таки жертвами становились самые старые и немощные — те, кто страдал от «голодной лихорадки» (болезни, часто сопровождавшей голод) и был наименее способен защититься от нападения голодающих соседей. Хотя не сохранилось никаких документальных свидетельств о местных зверствах, не приходится сомневаться в том, что подобные вещи случались в некоторых частях Ирландии — как мы видим, даже в XIX веке.

В Америке, похоже, отдельные индейские племена практиковали каннибализм до прихода белых поселенцев, хотя мнения ученых по этому вопросу резко расходятся. Совершенно точно установлено, что среди некоторых ацтекских племен каннибализм не был запрещен — но нет доказательств того, что он действительно существовал. Действительно, существуют многочисленные отчеты испанских конкистадоров о человеческих жертвоприношениях, бывших частью традиции древних цивилизаций, — но при этом лишь скудные намеки на поедание человеческой плоти. Позже бытовало мнение, что древние мохавки (северная часть штата Нью-Йорк) съедали своих врагов. Утверждение это принадлежало алгонкинам, которые находились с ними в состоянии непрерывной войны; название, данное алгонкинами мохавкам, означало «те, кто едят плоть». Древние анасази (предки индейцев пуэбло с Юго-Запада) предположительно тоже практиковали каннибализм как часть своих ритуалов в доиспанский период — хотя есть антропологи и историки, которые это отрицают, указывая, что для подобных утверждений нет доказательств. В целом же действительно достоверных случаев каннибализма среди коренных американских племен было сравнительно мало.

В рабовладельческом обществе южных штатов ходили слухи и сплетни о людоедстве — хотя, как правило, опять-таки необоснованные. В южной Луизиане, например, как полагали, существовали колонии беглых рабов, обосновавшихся в районах заболоченных речных притоков и съедавших белых, забредавших в их владения. Ходили слухи о группе бывших африканских рабов, называвшей себя «серая свинья», обретавшейся в болотах и практиковавшей каннибализм как часть ритуалов вуду. Однако так и не было найдено никаких свидетельств такого культа, и своим предполагаемым существованием он обязан скорее легенде, чем реальным фактам. Тем не менее, эта легенда оказалась очень живучей в таких местах, как Новый Орлеан, и многие верили, что подобный культ живет и здравствует где-то в глубине прибрежных джунглей и болот, справляя свои кошмарные ритуалы.

Есть также два чуть более заслуживающих доверия свидетельства, касающихся людоедства в разобщенных белых поселениях. Отрывочные сведения из глухих деревень в Аппалачах порой сообщали о случаях каннибализма, когда начинались снегопады и мяса не

хватало. Путешественники, пропавшие без вести в некоторых горных районах, по слухам, съедали друг друга, пока искали дорогу обратно к цивилизации. Возможно, самый знаменитый из таких примеров «белого каннибализма» — тот, что произошел в отряде-караване Рида-Доннера зимой 1846 г. Позднейшие отчеты о постигшей его катастрофе не содержат доказательств каннибализма, но рассказы, разошедшиеся «по свежим следам», подразумевают, что поедание человеческой плоти действительно имело место.

ДОННЕРЫ

В 1845–1846 гг. первопроходцы с Востока и Среднего Запада двигались на запад, чтобы застолбить за собой участки в Калифорнии, которая все еще находилась в основном под контролем Мексики. 12 апреля 1846 г. три фермера из Спрингфилда, что в штате Иллинойс, — Джеймс Рид и братья Джордж и Джейкоб Доннеры — решили пополнить собой ряды переселенцев и сформировали караван из 87 человек — мужчин, женщин и детей, чтобы отправиться в Калифорнию. 12 мая караван прошел через Индепенденс, штат Миссури, следуя маршрутом, проложенным ранее другими переселенцами. Каравану приходилось спешить, поскольку последний этап пути пересекал горы Сьерра Невада, и повозки должны были достичь верхних горных перевалов до того, как начнутся снегопады. В Индепенденс караван Доннера — Рида присоединился к другому, возглавляемому капитаном Уильямом Расселлом, и шел с ним по Калифорнийскому тракту к Литтл-Сэнди-Ривер на территории штата Вайоминг. Там они разбили лагерь вместе с другими переселенцами, направлявшимися на запад, и стали обсуждать кратчайшие пути к достижению своей цели. Одним из них был так называемый Прямик Хастингса, названный именем первопроходца Дэнсфорда Хастингса. На самом деле именно книга Хастингса «Путеводитель для эмигранта по Орегону и Калифорнии» воодушевила Рида и братьев Доннеров двинуться на запад. Они решили воспользоваться этим путем, который, по Хастингсу, сэконобил бы им между 150 и 500 милями дороги (относительно точности расстояния он выражался несколько туманно). Переселенцы избрали Джорджа Доннера своим вожаком; избранный им маршрут шел через горы Вазаш и пустыню Большого Соленого Озера, выйдя на эмигрантский маршрут возле теперешнего Элко, штат Невада.

Путь оказался более трудным, чем они думали: им пришлось пробираться сквозь заросли тополей, потом они задержались в пустыне (часть современной Юты) и достигли Калифорнийского тракта только 26 сентября, на целых три недели позже предполагаемого срока. Дальнейшие трудности поджидали их у реки Гумбольдта в Неваде, которая к этому времени вышла из берегов. Болезни и ограниченный паек косили членов каравана, пока они продвигались к вершинам Сьерры. В результате они опоздали. Когда переселенцы пересекали горы, ударили снегопады, и караван заблудился на верхних перевалах. Изнуренные, испытывающие недостаток провизии люди достигли озера Траки, расположенного высоко в промерзших горах. Здесь три четверти каравана стали лагерем (озеро Траки теперь называется озером Доннера, поскольку Доннеры разбили свой лагерь в находящейся поблизости долине Олдер-Крик (Ольховый Ручей). Когда начались метели, 15 человек (10 мужчин и 5 женщин) решили двинуться в путь и искать помощи в форте Саттера на западных склонах гор, более чем в 100 милях от этих мест. Они отправились в путь через горы пешком, в снегоступах, но, поскольку снова налетели метели, вскоре заблудились и принялись блуждать по горным тропинкам, которым, казалось, конца-краю не было. Один из мужчин отстал и его поглотила буря, но остальные продолжали путь. Со временем у них кончились запасы пищи и, голодая, они набросились друг на друга, убив нескольких человек и приготовив мясо на костре. Затем тронулись дальше, но кое-кому из них понравился вкус человеческой плоти, и по дороге были убиты еще несколько человек. В недолгий период затишья между метелями семеро из отряда (двое мужчин и все пять женщин), бывшие на грани гибели, добрались до порта Саттера 18 января 1847 г.

Спасатели прибыли к озеру Траки и в Олдер-Крик четырьмя партиями: первая — 22

февраля, она забрала 21 переселенца. Когда прибыла следующая партия, то, к своему ужасу, спасатели обнаружили, что выжившие уже начали поедать мертвых и умирающих. Последние из оставшихся в живых пришли в форт Саттера 29 апреля 1847 г. Из отправившихся в путь 87 эмигрантов более половины умерло, причем часть из них была съедена попутчиками. Рассказы о караване Рида — Доннера стали расходиться по Америке, печатались в сенсационных газетных статьях и книгах в ряде городов и городков. Ужасный образ белого каннибала — человека, который может употребить в пищу ближнего своего, — набирал силу в общественном сознании.

* * *

Все эти элементы — мыслящий волк, врожденные уродства как результат греха, каннибализм — смешивались, чтобы сформировать в общественном сознании представление о хищном человеке-животном, скрывающемся где-то совсем рядом. Это сформировало основу образа оборотня-вервольфа, живущего среди людского общества, втайне выжидающего удобного момента, чтобы напасть на себе подобных. Хотя такое представление стало общим для всего Запада, именно во Франции это поверье особенно серьезно затронуло как общество, так и законы, — и в эту страну сейчас ведет наш путь.

Глава 4 Французский след

Они искажали свою природу, эту божественную форму, и превращали себя в нечистых, жестоких и диких зверей.

Бове де Шовинкур, «Трактат о ликантропии»

Анри Буге, генеральный судья города Доле, писал в своем «Трактате против колдунов» в 1610 г.: «Весьма спорным остается вопрос, возможно ли для людей превращение в животных. Некоторые отстаивают такую возможность, другие отрицают, и есть веские основания для обеих точек зрения». И хотя между французскими учеными, теологами и демонологами велись споры о том, случались ли в действительности подобные превращения, пугающий призрак волка и бродящего на свободе человекозверя по-прежнему маячил в глубине сознания французов.

Начало

Представление о вервольфах, тесно переплетенное с представлением о дикой жестокости, возможно, стало навязчивой идеей французов со времен избиения невинных в день св. Варфоломея (1572 г.) и «войны трех Генрихов», или так называемой восьмой религиозной войны (1584–1598 гг.). Первое из этих событий ознаменовалось тем, что французские власти при помощи французских католиков набросились «как волки» на гугенотов (французских же протестантов), которые приехали в Париж на празднование свадьбы гугенота Генриха Наваррского (впоследствии — короля Генриха IV) и Маргариты Валуа. Бойня, как считается, была задумана Екатериной Медичи, главой католического крыла в правительстве и матерью слабовольного французского монарха Карла IX. По некоторым сведениям, она дала карт-бланш армии, приказав убить столько французских протестантов, сколько окажется возможным. Военные, которым помогало преимущественно католическое население Парижа, вели себя как настоящие звери, в неистовом бешенстве разрывая празднующих протестантов на куски. После смерти Карла IX началась война между его младшим братом Генрихом III, главой католической лиги Генрихом де Гизом и протестантом Генрихом Наваррским — еще более кровавопролитная бойня, в ходе которой

тысячи мертвых тел оставались гнить на полях боев, а по стране победно шествовали голод и мор. Волки, почуяв поживу, выходили из лесов, устраивая настоящие пиршества. Казалось, что они рыщут буквально повсюду. Серый призрак преследовал воображение французов даже после того, как война окончилась.

ПЕТЕР ШТУББЕ

В 1590 г. во многих городах Франции появился памфлет, который еще более сгустил атмосферу страха. Хотя главной его фигурой был вовсе не француз, а немец, изложенные в тексте подробности подлили масла в огонь уже ходивших слухов. Памфлет был озаглавлен «Правдивый трактат о достойной осуждения жизни и смерти некоего Штуббе Петера», публиковался он без указания имени автора. Текст повествовал об одном жителе немецкого города Кельна по имени Петер Штуббе или Штумпф, описывая его как существо «сильное и могучее», с глазами настолько огромными, что по ночам они сверкали подобно горящим головням, со ртом большим и широким, полным острейших и хищных зубов, с мощным телом и огромными лапами. В таком облике он был подобен дикому зверю, в которого превращался с помощью надетого заколдованного пояса, который, по слухам, получил от самого дьявола. Снимая его, он приобретал более нормальные человеческие размеры, «как будто никогда и не менялся». Находясь же в измененном теле — как многие говорили, в теле волка, — Штуббе становился невероятно свиреп и нападал на людей, которым случалось перейти ему дорогу, а затем скрывался в лесах, окружавших город, с легкостью уходя от посланных за ним вдогонку гончих. По некоторым свидетельствам, охотиться он предпочитал на людей, но если такая «добыча» не попадалась, то нападал на крупный и мелкий рогатый скот. Говорили, что он убил не менее 13 маленьких детей и двух беременных женщин, вырвав из их утробы нерожденных младенцев и пожрав их. Нельзя было и представить себе более ужасных и чудовищных преступлений. В дополнение к этому он был еще обвинен и в инцесте — «подобно грубому животному» — с собственными сестрой и дочерью. Также ему было предъявлено обвинение в убийстве сына — причем это убийство Штуббе совершил, когда был в своей «более человеческой» форме, а потом съел его мозг для удовлетворения «зверского аппетита».

Наконец гончим удалось окружить Штуббе, пребывавшего в волчьем облике, на краю поля подле деревни Бедбур. Чтобы обмануть их, он сбросил свой волшебный пояс и предстал перед ними в облике обычного человека, который шел к деревне, опираясь на посох. Однако люди, что следовали за гончими, не отрывали взгляда от волка и видели превращение, которое описывали как «самую черную магию». Штуббе был схвачен и под ужасными пытками дал полный отчет о своей позорной жизни. Волшебный пояс, правда, так и не нашли — Штуббе утверждал, что бросил его «в одной долине», прежде чем его окончательно поймали. Однако тщательный обыск указанного им места не дал никаких результатов, поэтому был сделан вывод, что дьявол (у которого на службе, по общему мнению, Штуббе состоял) забрал назад свою собственность. Дело Штуббе получило такую огласку, что ему предстояло испытать на себе всю строгость закона. Такое нововведение как книгопечатание внесло свою лепту в распространение этой истории, поэтому рассказы о его преступлениях читали как по всей Германии, так и в других странах, в том числе во Франции. Назначенное ему наказание, в деталях описанное в памфлете, могло заставить некоторые из приписываемых ему преступлений выглядеть чуть ли не по-джентльменски. Штуббе был привязан к большому колесу, на котором его вращали, вырывая куски плоти раскаленными докрасна инструментами; его руки и ноги размозжили деревянным топором, затем отрубили голову, а тело публично сожгли на костре — как и одну из его дочерей и любовницу, которые были обвинены как пособницы его преступлений. После казни в Бедбуре был возведен довольно странный памятник, состоявший из длинного шеста, на котором было укреплено колесо палача с вырезанным на нем изображением волка. На самом

верху композиции находилась голова Штуббе — как грозное предупреждение остальным не заключать сделок с дьяволом и не принимать волчьего обличья.

Мог ли Штуббе полностью перевоплощаться в волка или становиться чем-то средним между человеком и волком — неизвестно (хотя литературные источники предполагали первый вариант), но памфлет о нем определенно сумел возбудить страх перед вервольфом или человекозверем по всей Европе. Ужасные подробности мертвой хваткой вцепились в воображение публики и стали питательной почвой для панических историй о по-волчьи жестоких убийствах, которые уже всюду гуляли по Франции, переходя из уст в уста.

ЖИЛЬ ГАРНЬЕ

Одной из таких историй была легенда о Жиле Гарнье, «отшельнике из Сен-Бонно». В 1570-х гг. он жил со своей женой в хижине в глубине лесистой части Арманжа, неподалеку от города Доля. Он не был уроженцем тех мест, предположительно являясь выходцем из Лиона, и его считали человеком странным и крайне воинственным. Примерно в то же время, как он облюбовал для жительства Арманж, огромный свирепый волк начал охотиться на стада местных пастухов, сея страх и тревогу во всей округе. К тому же он унес в лес нескольких маленьких детей, и некоторые свидетели утверждали, что бедняжки стали жертвой оборотня-вервольфа. Поползли слухи, и страх перед неким сверхъестественным существом, обитающим в лесах, начал неуклонно расти. Естественно, подозрения деревенских жителей пали на жившего в лесу по соседству отшельника, и, хотя эти подозрения неоднократно звучали во всеуслышание, у местных властей все еще не было достаточных доказательств против Гарнье. По мере того как тревога росла, местный парламент (высший судебный орган и областной орган управления) решил предпринять некоторые действия. Он опубликовал воззвание, призывавшее всех дееспособных мужчин, вооружившись пиками, аркебузами, палками и алебардами, собраться и загнать волка. Группа смельчаков принялась за дело, и вскоре они сумели выследить добычу. Маленькую девочку удалось спасти от волчьих челюстей на лугу Ла-Пуе, между Отюном и Шастенуа. Она была сильно испугана страшным животным, но, когда ее спасители отгоняли его прочь, они, по их утверждениям, были поражены жутким сходством между мордой твари и лицом отшельника-мизантропа из Сен-Бонно. Это и послужило недостающим доказательством, и парламент Доля постановил, что Гарнье должен быть арестован и подвергнут допросу в связи с нападением.

Отшельник, похоже, оказался не в своем уме. Он путался в показаниях и объяснениях, но, когда был «подвергнут допросу» (что в те времена означало применение пытки), признался, что на самом деле был вервольфом. Процесс по его делу проходил в самом начале 1573 г., общественным обвинителем был Анри Камю. Гарнье был признан виновным и 18 января казнен.

Гарнье признал себя виновным и дал долгие и изобилующие омерзительными подробностями показания о том времени, которое проводил в шкуре волка. Центральное место в его признании занимало убийство двух маленьких мальчиков, 10 и 12 лет, одного из которых он убил неподалеку от Доля, а второго (в августе 1570 г.) — в грушевом саду рядом с деревней Перруз в приходе Кромани. Когда он принялся поедать тело последнего, его спугнуло приближение поденщиков (он был в своем волчьем облике). В октябре того же года он убил маленькую девочку, игравшую в лесу Ла-Серр, примерно в миле от Доля. Гарнье заявил, что нашел ее мясо «особенно вкусным». Вернувшись в человеческий облик, он прихватил часть тела с собой, чтобы приготовить на ужин.

В отличие от Петра Штуббе, на вопрос о том, как он на самом деле превращался в волка, Гарнье отвечал весьма туманно. У него не было ни волшебного пояса, ни предполагаемого контакта с дьяволом. Вместо этого Гарнье попросту говорил, что становился волком «посредством колдовства», хотя как у него это получалось и какие методы он использовал, так и осталось неясным. По некоторым документам, он утверждал,

что встречался с призраком, или «призрачным человеком», глубоко в чаще леса Сен-Бонно, и этот человек обучил его разнообразным магическим умениям, включая превращение. В других отчетах Гарнье заявлял, что просто слышал голос «между деревьями», который указывал ему, что делать. Что интересно, он также говорит, что «удушал» свои жертвы.

Могло ли быть так, что слабоумный, помутившийся рассудком Гарнье попросту воображал себя волком, когда совершал свои подлые убийства? Могло ли его преступление состоять скорее в канибализме, чем в оборотничестве? Разумеется, такое предположение отбрасывает в сторону свидетельства тех, кто видел его в личине волка, потому что они настаивали на сходстве между ужасным зверем и отшельником. Могли ли они тоже ошибаться? Может быть, необразованный и жалкий Гарнье и его жена поддались неестественным желаниям, пытаясь выжить в чаще леса? А может быть, то был просто общий заговор с целью избавиться от странного и противопоставившего себя обществу отшельника? Такие социальные или психологические тонкости не были приняты в расчет чиновниками Доля, от которых требовалось лишь проведение суда и казни над мрачным мизантропом Гарнье.

После суда они отказали ему в «милости удушения» перед тем, как его тело будет полностью сожжено, — жестокое наказание, которое должно было напомнить о тех ужасных преступлениях, которые он якобы совершил. Тяжесть приговора также была отражением того страха, который испытывали цивилизованные французы перед мерзким чудовищем, прокрывшимся в самое сердце их общества.

ТРИ ВЕРВОЛЬФА

Дело Гарнье вновь пробудило в памяти французов отголоски другого суда над оборотнями-вервольфами, случившегося несколько ранее. В тот раз речь шла не об одном монстре, а о нескольких. Около 1520 г. были разоблачены три якобы вервольфа, жившие неподалеку от деревни Полиньи в регионе Юра, в предгорьях Швейцарских Альп. Это была глухая гористая местность, густо заросшая лесом и традиционно богатая дикими слухами о *лу-гару*, злом духе, близко ассоциировавшемся с дьяволом, который, творя зло, бродил по округе в образе гигантского пса-мастифа. Первым из этих разоблаченных «людей-волков» был Мишель Вердон (также известный под именем Мишель Удон): он был ранен путешественником, на которого напал. Отправившись в погоню по кровавому следу, несколько местных жителей отыскали хижину Вердона, где увидели женщину, хлопотавшую над его кровоточащими ранами. Дело было изложено главному инквизитору Безансона, который предпринял тщательное расследование, включая «допрос» самого Вердона. Под пыткой тот назвал еще одного человека — Пьера Бурго, известного в округе как Большой Пьер.

Этот человек славился своим скверным характером, гневливостью и странным образом жизни, так что его соседи ничуть не удивились тому, что он мог быть связан с таким сверхъестественным преступлением, как оборотничество. Под пыткой сам Большой Пьер признался, что был вервольфом, и описал, как это с ним случилось. Однажды, когда он разыскивал разбежавшихся после бури овец, к нему приблизились три черных всадника, которым он поведал о своих невзгодах. Один из них пообещал Бурго покой и довольство, если он станет подчиняться им троим как хозяевам и станет исполнять все, чего бы они ни потребовали. Бурго с готовностью согласился и вскоре после этого нашел своих потерявшихся овец. Несколькими днями позже три всадника объявились около его дома, и тот, что говорил с ним, открыл ему, что он — пособник дьявола. Черный всадник заставил Большого Пьера отречься от христианской веры и поклясться в верности князю зла, поцеловав его левую руку. Позже Бурго пожалел о том, что совершил, — ведь теперь он оказался в рабстве у Сатаны, — но как раз в тот момент, когда он собирался пойти к священнику и покаяться в содеянном, у его двери появился Мишель Вердон. Вердон заявил, что он тоже слуга дьявола, и пообещал Большому Пьеру золото и прочее богатство, если он

ничего не скажет священнику и повторит свою клятву нечистому. Он заставил Пьера раздеться и намазал его каким-то волшебным зельем, которое превратило его в подобие волка. Тоже обернувшись волком, Вердон сообщил ему, что они могут отправляться на дьявольский шабаш — великое сборище ведьм, на котором будет присутствовать сам дьявол, — а человеческий облик им вернет другое специальное снадобье, которым он, Вердон, обладал.

Находясь в образе волка, Бурго испытывал чудовищные вожделения и желания, которыми не мог управлять, в том числе и желание поедать человеческую плоть — особенно плоть детей. Он, например, пожрал тело четырехлетнего ребенка, которого забил до смерти, и нашел его мясо чрезвычайно сладким и вкусным. Он также свернул шею девятилетней девочке и тоже съел ее. Мишель Вердон также принимал облик волка и сопровождал его в ужасных экспедициях — и не только: они оба спаривались со многими волчицами, встреченными в лесу. Оказавшись лицом к лицу с таким списком ужасов и разврата, власти решили, что у них нет другого выхода, кроме как казнить обоих, а тела сжечь.

По мере того как рассказы о Жиле Гарнье и вервольфах Полиньи начали распространяться по Франции, образ человекозверя все более утверждался в массовом сознании. Люди поддавались панике и начинали видеть вервольфа в каждом встречном. Непокойное и враждебное настроение того времени способствовало общей атмосфере подозрений и недоверия. Случай Жака Руле — иллюстрация тогдашней общественной напряженности.

ЖАК РУЛЕ

В 1598 г. один солдат шел по полю недалеко от Анжера, что на северо-западе Франции, вместе с несколькими местными крестьянами, когда вдруг заметил диковатого на вид полуголого нищего, прячущегося в кустах. На руках и лице бродяжки были царапины и кровь, а вытащив его из убежища, они увидели, что под его длинными обломанными ногтями застряли куски чего-то похожего на человеческую плоть. Обыскав подлесок, они нашли тело пятнадцатилетнего подростка.

Имя нищего было Жак Руле, он был умственно отсталым и эпилептиком в придачу. Хотя прямых доказательств, указывающих на его связь с убийством, не было, он был схвачен для допроса и брошен в тюрьму в Анжере. Нет документальных упоминаний о том, был ли он допрошен (хотя пытка вполне могла иметь место), но в какой-то момент от него удалось добиться полного признания: он сознался в оборотничестве. Руле предстал перед местным магистратом³³ — судьей Пьером Эро, которому и признался в том, что у него есть волшебная мазь. Когда он втирал ее в кожу, то становился волком. Судья Эро, который отнесся к этому рассказу несколько скептически, приняв во внимание очевидную невменяемость заключенного, спросил его, не одевался ли он как волк. Руле это отрицал, заявив, что принимал телесный облик настоящего зверя с огромными мощными лапами. Однако относительно формы головы он был не так уверен, полагая, что мог все же сохранять человеческую голову, обретая тело волка. В таком виде он посетил несколько дьявольских шабашей, куда приходили и другие ему подобные.

Нет записей о том, что именно произошло с Жаком Руле после суда, но, вероятно, он был признан виновным, казнен и сожжен.³⁴ Считается, что суд нашел его признание

³³ Во Франции — чиновник судебной власти (судья, следователь, прокурор).

³⁴ На самом деле суд присяжных приговорил Руле к смерти, но он, что интересно, подал апелляцию в парижский парламент, который смягчил приговор, заменив его двухлетним пребыванием в лечебнице для умалишенных Сен-Жермен-де-Пре с обязательным наставлением в вере, «о которой он забыл по крайней скудости ума» (информация взята из книги Рассела Хоупа Робинса «Энциклопедия колдовства и демонологии»).

настолько отвратительным, что приказал сжечь фиксирующие его документы, поэтому до нас дошли лишь фрагменты этого дела.³⁵

ПОРТНОЙ ИЗ ШАЛОНА

1598 год, похоже, оказался весьма «урожайным» на оборотней, и человекозвери причиняли особенно много хлопот. Один из самых заметных и получивших наиболее широкое освещение случаев произошел в городе Шалоне в провинции Шампань, где местный портной был обвинен в совершении преступлений, связанных с людоедством. Он якобы совершил несколько нападений на детей, игравших поблизости от его лавки, стоявшей на самой окраине города. Он уносил их тела в окрестные леса и поля, где, по слухам, пожирал их, как дикий волк. Кости он припрятывал в ящиках и бочках на заднем дворе. Когда это случайно обнаружилось и ужасные преступления выплыли наружу, его отволокли в Шалонскую тюрьму, обвинив в оборотничестве.

Дальнейшая его судьба неизвестна, но, вероятно, он был сожжен, так же как и Жак Руле,³⁶ — хотя это не может быть подтверждено документально, поскольку распоряжения суда по этому случаю были уничтожены. Также не сохранилось записей о том, превращался ли портной в волка (или сам так считал) — или это были преступления, связанные с каннибализмом. Впрочем, какую бы форму такие действия ни принимали — они теперь неизбежно ассоциировались с идеей человекозверя.

Страсти по вервольфам

ГАНДИЙОНЫ

Ликантропы, или зверолюди, стали теперь одним из наиболее занимательных для французов сюжетов, и страсти по оборотням все больше накалялись. В регионе Франш-Конте вблизи Швейцарских Альп, недалеко от Полиньи, где были арестованы Мишель Вердон и Пьер Бурго, обнаружилась целая семья вервольфов. Это была очень глухая и почти недоступная местность, густо покрытая лесами и очень гористая. Летом 1598 г. двое детей собирали фрукты возле деревни Сен-Клод в Бургундии. Шестнадцатилетний Бенуа Бидель ненадолго оставил свою сестру внизу возле дерева и полез на верхние ветви, чтобы достать особенно сочные плоды. Пока он взбирался на дерево, случилась трагедия: бесхвостый волк выскочил из ближнего леса и напал на незащищенную девочку. Бенуа, вооружившись острым ножом, которым срезал фрукты, тут же спрыгнул на землю, чтобы защитить сестру. Однако волк, похоже, совершил превращение прямо у него на глазах, сделавшись чем-то вроде человекозверя — с человеческим лицом, но покрытыми шерстью руками. Он выхватил у мальчика нож и нанес ему смертельный удар в шею. Девочка закричала, чем привлекла внимание работавших на поле крестьян, которые подбежали и отогнали «волка». Бенуа был при смерти, но успел сообщить им о волкоподобном существе — и, вооружившись, они предприняли обыск ближайших окрестностей. В лесу неподалеку они обнаружили девушку по имени Пернетта Гандийон, бродившую среди деревьев. У нее на лице оказались царапины, а на платье — пятна крови, и одержимая страхом и яростью толпа растерзала ее на куски.

³⁵ Опять нет: это было сделано в деле Жана Гренье, речь о котором пойдет ниже, а не Руле. Руле обвинялся только в одном убийстве, да и то без достаточных доказательств, а его умственное расстройство было очевидно даже судье.

³⁶ См. примечание к предыдущей главе.

Семья Гандийонов жила поблизости, и все местные жители всерьез заинтересовались их жизнью. Гандийонов уже давно подозревали в ведовстве и почитании дьявола, считая это семейство нелюдимым и враждебным обществу, а теперь у властей появился повод для дальнейшего расследования. Остальные члены семьи были арестованы и подвергнуты допросам. Антуанетту, сестру Пернетты, обвинили в том, что она — оборотень, а также в вызове грозы с градом посредством черной магии. Также она была обвинена в посещении ведьмовского шабаша в горах и соитии с дьяволом в обличье огромного человека-козла.

Ее брат, Пьер Гандийон, также был обвинен.

Он был подвержен обморокам и эпилептическим припадкам. Как говорили, его видели лежащим у себя дома в состоянии кататонии (в оцепенении и с одеревеневшими мускулами), в то время как его дух рыскал по окрестностям в теле волка, нападая на каждого встречного. Его тоже обвинили в посещении шабаша, а также огромного сборища вервольфов. Под пыткой он открыл, как Сатана подарил ему и остальным Гандийонам одежды, сделанные из волчьих шкур, и заставлял бегать по округе на четвереньках, нападая на животных и людей,

чтобы удовлетворить свой дьявольский аппетит. Сын Пьера, Жорж, также признался в том, что обладает волшебным бальзамом, который превращает его в волка. Вместе с Пернеттой и Антуанеттой он напал на соседского козла и убил его, будучи под действием этого средства.

В дело вервольфов Сен-Клод вмешалась новая, более злобная фигура. Это был верховный судья региона Франш-Конте, Анри Буге (1550–1619 гг.), юрист с университетским образованием, который специализировался на случаях колдовства и демонологии. Его книга, посвященная этой теме, которая имела успех не только во Франции, но и за ее пределами, называлась «Трактат о колдунах» и представляла собой всестороннее (пусть и крайне пристрастное) исследование, остававшееся главным руководством для французских судей и охотников на ведьм еще долго после смерти автора. Ведьмы и создания тьмы, говорил он, рыщут повсюду, и власти должны быть постоянно настороже. В доказательство он указывал на собственный список дел, включающий суды и казни более чем 600 колдунов только во Франш-Конте и Юре между 1598 и 1616 г. Буге также был особенно искушен в отыскании случаев колдовства и дьяволопоклонства среди местных евреев. Когда стало известно о деле Сен-Клод, его книга по колдовству была уже отправлена в печать, а автор завоевал репутацию ведущего демонолога Франции. Однако, начав расследование дела семьи Гандийон, он решил выпустить второе издание книги, в которой содержалась бы особая и детальная статья по ликантропии. Он заявил, что любой, кто предан дьяволу, может быть превращен в дикое животное, и использовал случай семьи Гандийонов как пример подобной порочной практики. Буге утверждал, что видел, как члены семьи расхаживали по своим камерам на четвереньках, «как звери», — так же, как по полям вокруг своего дома, когда были на свободе. Он также отметил, что Пьер Гандийон был настолько обезображен, что на самом деле напоминал животное. Все перечисленные качества не могли не развить у семейства вкус к человеческой плоти. Слова Буге были восприняты чрезвычайно серьезно как церковниками, так и учеными. Они, несомненно, внесли свой вклад в растущую во Франции истерию по поводу вервольфов, тайно живущих в окружении нормального общества.

После того как Гандийонов сожгли на костре, Буге принялся за поиски других оборотней, которые могли скрываться в регионе Юры. Он удвоил усилия по выявлению лиц, подозреваемых в ликантропии, хотя и осталось неясным, удалось ли ему обнаружить еще кого-нибудь. Однако теперь, когда французы целыми толпами привлекались к суду, уже само по себе обвинение позволяло добиваться признания от людей, подобных Гандийонам. Самая знаменитая книга Буге по этой теме, «Демономания волшебников»³⁷ (переведенная на английский язык под заглавием «О колдовстве»), утверждала, что дьявол принимает множество обликов, с легкостью меняя их, будь то облик человека или животного. Соответственно и те, кто обладает способностями принимать чужие обличья, тайно живут среди детей Божьих — и эта зараза должна быть вырвана с корнем. Так Буге обрисовал главное предназначение охотника на ведьм — и «Демономания волшебников» придала законное обоснование тем ужасам, через которые местные французские судьи-магистраты заставили пройти множество предполагаемых ведьм.

ПЬЕР ДЕ РОСТЕНЬИ

Одним из таких магистратов был Пьер де Ростеньи (больше известный как Пьер де Ланкр, 1553–1631 гг.), судья Бордо, который вел яростное преследование ведьм в области Лабур в Бретани в 1609 г. На этой территории проживали в основном баски, народ, к которому предвзятый судья Ланкр питал крайнее презрение и ненависть, видя в них одновременно людей суеверных и безбожных. Став магистратом, он развязал против них

³⁷ На самом деле та книга принадлежит перу Жана Бодена; часто ее название переводят как «Демономания ведьм», что неверно.

планомерное преследование и сжег более 700 человек только за 1609–1610 гг. Баскских женщин он считал поголовно распутницами, а мужчин-басков — немногим лучше грубых зверей. Как и многие другие судьи, он написал книгу, получившую широкое распространение, под названием «О непостоянстве падших ангелов и демонов» (опубликована в 1613 г.), которая еще более утвердила у читателей представление о ведьмах и других зловещих тварях, живущих в самом сердце местных общин, и идею об их способности превращаться в животных.

В изобилии обеспеченные книгами о колдовстве и поклонении дьяволу, жители Франции к этому времени уже находились на грани истерии, вызванной мыслями о зловещих существах, живущих среди них. Зверолоуды рыскали повсюду, и любой, кто вел себя странно или подозрительно, вполне мог оказаться сторонником Сатаны. Непокойная политическая атмосфера того времени, когда протестанты, действуя против католиков и правительства, пытались вновь обрести контроль над ситуацией, лишь подливала масла в огонь. Дело явно близилось к взрыву.

ЖАН ГРЕНЬЕ

Процесс, который, по общему мнению, считается кульминационным моментом судов над вервольфами во Франции, — это случай Жана Гренье. Гренье, сын бедного поденщика из деревни в приходе Сан-Антуан-де-Пизон, находящемся под юрисдикцией суда низшей инстанции Сен-Севье парламента Бордо, считается одним из последних французских ликантропов. Судьей в его деле снова был Пьер де Ланкр. Ко времени этого судебного разбирательства он усиленно злоупотреблял властью, преследуя басков, и распространил свое влияние за пределы Франции — на часть территории Испании.

Жан Гренье был странным четырнадцатилетним подростком, возможно психически неполноценным; он любил пугать местных девушек и маленьких детей, утверждая, что он — оборотень. Чем дальше — тем более нелепыми и дикими становились его утверждения. Он заявлял, что в полях недалеко от его дома ему явился дьявол в образе таинственного незнакомца и подарил ему волшебный бальзам и плащ из волчьей шкуры, которые могли превращать его в волка на один час в определенные дни недели, всегда по ночам. Еще он утверждал, что является незаконнорожденным сыном священника (мол, все знают, что его отец ему не родной), — а во многих районах Франции бытовало поверье, что незаконные сыновья священников часто становятся вервольфами и служат дьяволу.

Гренье говорил, что, пребывая в личине волка, нападал на нескольких собак, но нашел вкус их крови отвратительным. Еще он порой говорил, что убил несколько маленьких детей, и их кровь показалась ему куда слаще — хотя ни разу не сказал точно, кто же были якобы съеденные им жертвы. Хотя все эти рассказы явно были фантазией болезненного подросткового воображения, соседи по деревне восприняли их всерьез. Однажды, пася овец вместе с тринадцатилетней Маргаритой Порье, Гренье опять принялся за свои басни о том, как был вервольфом. После этого перепуганная девочка обвинила его в том, что он у нее на глазах перекинулся в волка и напал на нее. Жан якобы скрылся среди деревьев и появился вновь уже в волчьем образе. Она сумела отбиться от монстра, но он только отбежал на несколько шагов, присел на задние лапы и рычал на нее, готовясь снова прыгнуть. Волк, по ее словам, был похож на Жана Гренье. После этого она бросилась бежать и сумела спастись. Она рассказала, что этот волк был мельче обычных и у него не было хвоста — верный признак вервольфа, по мнению местных жителей. Гренье был арестован и привлечен к суду.

Учитывая тяжесть выдвинутых против него обвинений, ожидали, что подросток станет все отрицать, — но, ко всеобщему удивлению, он признался во всем, с почти непристойным бахвальством рассказав о еще нескольких случаях своего оборотничества. В течение предшествующих месяцев в округе недосчитались нескольких детей, и Гренье, казалось, поставил себе целью дать суду понять, что именно он причастен к их исчезновению. Это придавало значительности его путаным и часто противоречивым показаниям. Расследуя

некоторые из описанных им случаев, власти стали проверять их детали, но не нашли ничего существенного: эти «признания» были всего-навсего лихорадочными видениями расстроенного рассудка и не имели под собой никаких оснований. Тогда Гренье изменил показания и принялся впутывать в дело других людей, с которыми был знаком и которые, по его словам, тоже были вервольфами. Несколько его соседей были арестованы и заключены в тюрьму. Был предпринят тщательный обыск дома Гренье с целью найти пресловутый волшебный бальзам, но отыскать его не удалось. Отец Жана был арестован и подвергнут пытке и в конце концов признался, что на самом деле тоже был вервольфом и приставал к маленьким девочкам. Однако он утверждал, что никогда их не ел — «только играл с ними».

Сегодня такие «признания» привели бы к выводу, что старший Гренье был педофилом, испытывавшим влечение к детям противоположного пола, и что его сын-подросток унаследовал от отца нездоровые склонности и фантазии. Однако во Франции XVII века рассудили, что оба — отец и сын — были сверхъестественными существами. Возможно, такое явление, как педофилия, находилось за гранью понимания тогдашнего французского суда, и дело велось на основании обвинений только в колдовстве и ликантропии. Воспользовавшись ситуацией, несколько местных девочек (на глазах некоторых из них волки действительно унесли их друзей) насладились «минутой славы», в свою очередь выдвинув обвинения против семьи Гренье, к которой никто в округе не питал особой любви. Отца Жана еще раз подвергли пытке, и он оговорил сына и вновь подтвердил свое участие в преступлениях, в которых сознался ранее. На основании этих шатких доказательств Жан был предан суду в Кутра в июне 1603 г. Французская Фемида с удивительной поспешностью признала его виновным в колдовстве и ликантропии и приговорила к повешению. Следствие завершилось, но закон с Жаном Гренье еще не покончил.

В сентябре следующего года дело рассматривалось высшей инстанцией — парламентом Бордо под председательством Пьера де Ланкра. Жан вновь пересказал свою историю о том, как становился волком, присовокупив к ней новые подробности и пытаясь впутать в дело тех, кто ополчился на него и давал враждебные показания. Жан поведал суду, что, когда ему было одиннадцать лет, один из соседей отвел его в лесную чащу, чтобы познакомить с «черным человеком», которого он называл «хозяином леса».

«Хозяин», который, по-видимому, был дьяволом, длинным ногтем оцарапал ему руку, оставив ясно различимую отметину, и дал Жану волшебный бальзам и плащ из волчьей шкуры, чтобы он мог менять облик. Далее Жан сознался, что в личине волка ворвался в один дом в деревне, название которой позабыл, вытащил из колыбели младенца и сожрал его. Вскоре после того он встретил в лесу настоящего волка, с которым поделился остатками своей «трапезы». Некоторое время спустя в приходе Сен-Антуан-де-Пизон он напал на маленькую девочку в черном платье, которая пасла овец в поле, и убил ее. Эта местность с тех пор стала его любимым охотничьим угодьем: двумя месяцами ранее он загрыз и почти

полностью съел маленького мальчика, который играл во дворе, а еще шестью неделями раньше он убил маленького мальчика, который переходил мост, и тоже съел. Он утверждал, что дрался с несколькими собаками, убив всех, кроме одной: последний случай произошел в городке Эпарон; внезапно появился хозяин пса и прогнал оборотня прочь, угрожая рапирой.

Жан снова подтвердил свои уверения (которые были произнесены с такой убежденностью, что их одно время принимали за чистую правду), что его отец ему не родной. Он объявил себя внебрачным сыном священника — именно поэтому «хозяин леса» обратил на него внимание и совратил на путь зла. Позже, противореча самому себе, он заявил, что его якобы незаконное рождение и родственная связь со священником сообщили ему «особые силы», что включало и способность превращаться в животное. На сей раз никакого упоминания о «черном человеке» не последовало. Однако в результате дальнейшего расследования все его рассказы были признаны выдумкой помраченного ума: его отец, местный поденщик, был арестован и вновь подвергнут пытке — и подтвердил, что Жан на самом деле его собственный сын. Между отцом и сыном были весьма сложные отношения: родная мать Жана умерла, и отец женился во второй раз. Жан и его мачеха не очень хорошо ладили, поскольку она находила его поведение крайне странным, а иногда и пугающим, а отец периодически выгонял его из дома и доводил до нищенства, вынуждая бродить по округе, выпрашивая еду. Парень пытался найти работу, но заслужил дурную славу человека ненадежного, поэтому немногие решались его нанять. Он отличался довольно живым воображением и во время своих скитаний терроризировал маленьких детей жуткими рассказами об оборотничестве и поклонении дьяволу.

Отношения его с отцом были настолько скверными, что нет ничего удивительного в том, что один старался переложить на другого всю вину в этом грязном деле. Однако когда Жан в суде встретился с отцом лицом к лицу, его свидетельские показания затрещали по швам: он запинался, противоречил сам себе и взял назад некоторые из своих прежних обвинений. Теперь Жан говорил суду, что это мачеха вышвырнула его на улицу, потому что увидела, как он бродит на четвереньках, подобно псу, и выблевывает пальцы маленьких детей. Это ее напугало, и она прогнала его прочь из дома. Он повторил истории о том, как съел маленькую девочку в черном платье и мальчика во дворе. Это тоже оказалось чистой фантазией, поскольку суд не нашел свидетельств того, чтобы такие дети вообще пропадали. Отец Жана был впоследствии освобожден из-под стражи без вынесения обвинений.

Несмотря на все эти явно безумные домыслы, апелляционный суд воспринял дело Жана Гренье совершенно серьезно. Оно во многих отношениях подтверждало теории де Ланкра относительно черной магии и злобных существ, скрывающихся в рядах цивилизованного общества, чтобы совращать слуг Божьих. Поэтому при пересмотре дела были зафиксированы все зловещие и леденящие душу детали. Однако к началу XVII века настроение французского общества стало постепенно меняться — и это отражено в приговоре, определенном апелляционным судом, который оказался менее жесток, чем приговор суда низшей инстанции. Суд принял во внимание «тупость» подростка, то, что он был нищим и постоянно недоедал, — а также то, что, будучи лишен родной матери, он был воспитан жестокой мачехой, которая предоставила ему самому заботиться о себе, и никто не проявлял к нему ни малейшего участия. Учитывая эти обстоятельства, удивительно ли, что Жан Гренье превратился в такое жалкое существо, легкую добычу дьявола и его приспешников? Хотя изначально он был приговорен к повешению и сожжению тела, суд высшей инстанции аннулировал это решение и постановил, что Гренье должен жить до конца дней своих в темнице в монастыре. Там, как надеялся суд, он со временем пересмотрел бы свою дурную жизнь и обратился на истинный путь Христа. После этого имя Жана Гренье исчезает со страниц исторических документов.

ЧУДОВИЩЕ ИЗ ГЕВОДОНА

Хотя случай Жана Гренье расценивается как один из последних подобных в стране,

Франция еще не до конца распрощалась со своими вервольфами. Страшилище, скрывающееся в глубине подсознания французов, не желало сдавать позиции. Оно вновь вернулось в 1764 году в образе мерзкого Чудовища из Геводона (Геводон — местность, находящаяся высоко в горах Центрального массива). Так же как и Юра, это был гористый и труднодоступный регион с разбросанными далеко друг от друга деревнями, затерянными среди густых лесов. В Геводоне, в деревне Лагонь, свирепое животное, похожее на волка, внезапно стало нападать на людей, подходивших слишком близко к опушке леса, и убивать их. Количество жертв вскоре достигло одиннадцати, в их числе оказались хорошо известные в округе труженики, и по деревне стала быстро распространяться паника. Хотя вполне возможно, что убийства совершила стая волков, живших в лесу, а не одно животное, давним страхам перед ликантропией — наследству прежних столетий — не потребовалось много времени, чтобы возродиться вновь. Разумеется, все знали о том, что в лесу может обитать большая волчья стая, но глубоко укоренившийся местный фольклор и народная мудрость намекали на нечто сверхъестественное, а именно на объявившегося поблизости оборотня-вервольфа. Старым сказкам помогло ожить и сравнительно недавно появившееся в этой местности новшество: печатное слово. Газеты и памфлеты были весьма популярны, они пересказывали древние легенды и постепенно смещали фокус внимания в сторону слухов о ликантропии. Большая доля этой периодики сопровождала текст отдающими дьявольщиной гравюрами и рисунками, изображающими жуткую фигуру: получеловека-полузверя, крадущегося под покровом леса и готового наброситься на ничего не подозревающую жертву. Такие картинки подкармливались местными страхами и раздували истерию среди населения. Свою лепту добавляли и путанные рассказы о странных звероподобных фигурах, замеченных кем-то когда-то краем глаза в лесу — в особенности в лесу у Мазель-ле-Грез. Если верить одному из них, некая женщина, направляясь к мессе, увидела человекозверя в образе волка с медными пуговицами вокруг шеи, как будто волчья шкура была верхней одеждой, надетой на человеческое тело. В другой истории лесник разглядел большую кудлатую тень, бегущую по лесу на четырех конечностях, — по его словам, тень напоминала человека. Еще одна женщина, также по пути в церковь, встретила косматого человека, покрытого темной шерстью, который пошел было рядом с ней вдоль дороги, но тут же исчез, как только она выкрикнула имя Христа. То был верный знак, как она сама сказала, что попутчиком ее оказался либо дьявол, либо кто-то из присных его. И она была убеждена, что это существо — не кто иной, как вервольф. Вскоре убийства прекратились (возможно, волчья стая откочевала куда-то дальше), а Чудовище из Геводона так и не поймали. Тем не менее навеянный им ужас еще долго витал над всей округой.

Не приходится сомневаться, что многие встречи с якобы оборотнями были ничем иным, как игрой воображения местных жителей, прищипоренного возрождением старых народных сказок и поверий. Эти случаи, однако, служат хорошей иллюстрацией того, что французская мысль хоть и продвинулась вперед со времен Жана Гренье и более или менее официально признала, что вервольфов не существует, некоторая неуверенность по этому поводу все же осталась — особенно в умах сельских жителей. Сказки и древние легенды о тех, кто мог превратиться в зверей или волков, разговаривающих человеческим голосом, по-прежнему оставались чем-то вроде главной «информации к размышлению» в некоторых сельских районах Франции. Хотя история о Чудовище из Геводона была самой известной из них, были и другие, родившиеся в иных местах французской глубинки, похожие по общему настроению и намекающие на то, что оборотни живут себе поживают среди нормальных людей.

МАЛЕНЬКАЯ КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Некоторые из этих историй привлекли внимание серьезных собирателей фольклора. Французский писатель, автор волшебных сказок и собиратель легенд Шарль Перро быстро распознал значимость старых рассказов о волках, в конце XVII века еще передававшихся из уст в уста. В 1697 г. он опубликовал собрание народных сказок, в число которых вошла волшебная история о говорящем волке, сеющем вокруг панику и хаос. Была ли в ее основе подлинная народная сказка — неясно, но содержащиеся в ней элементы обычны для многих

французских историй об оборотнях-вервольфах того времени. Она рассказывала о хорошенькой маленькой девочке, еще совсем крошке, которой пришлось отправиться в путь через темный лес, чтобы отнести пирожки своей больной бабушке. Образы маленькой девочки и темного леса были общими характерными чертами многих легенд о вервольфах и звучали как эхо процесса Жана Гренье, который отделяли от того времени всего 80 лет. Собираясь в путь через холодный промозглый лес, девочка надела свою любимую шапочку из красной материи.

Когда она шла по тропинке между деревьев, к ней приблизился волк, который неожиданно выскочил из подлеска. Он втянул малышку в беседу, настойчиво выпрашивая о том, куда и зачем она идет, и узнал от нее точное расположение домика бабушки, а также — что та больна и не может выходить из дома. Однако волк не напал на девочку, потому что где-то поблизости оказались егеря — зато выразил обеспокоенность здоровьем старушки и заявил, что тоже заглянет к ней в гости, сказав, что побежит другой дорогой. Его хитрый план был обставлен как игра из рода «кто первым добежит». Маленькая девочка пошла длинной дорогой, да по пути еще отвлекалась, собирая цветы и разглядывая лесных зверушек.

Тем временем волк уже добрался до домика и, подделав голосок девочки, убедил старушку открыть дверь и впустить его. Стоило ей это сделать, как он набросился на лежавшую в постели бабушку и проглотил ее. Забравшись в постель, он надел бабушкину ночную сорочку и принялся ждать прихода девочки. Когда она появилась, волк притворился прикованной к постели старушкой и пригласил ее в дом. Между ними состоялся разговор о том, почему у «бабушки» такие большие глаза, такой большой рот и такие острые зубы, и в конце концов волк раскрыл свою истинную сущность и, прыгнув на девочку, проглотил ее целиком. В этой истории нет счастливого конца. Однако в ней нетрудно узнать детскую сказку «Маленькая Красная Шапочка», которую все мы когда-то читали, хотя изложенная здесь версия, которую Перро услышал где-то на юге Франции, на испанской границе, напечатана под названием «Большой Злой Волк». Возможно, ее источником были истории о Жиле Гарнье, вервольфах Полиньи и Жане Гренье, пересказываемые уже более столетия. Волк нападает на маленькую девочку и прикованную к постели старушку, обе они — беззащитные жертвы. Оба злодейства напоминают об обвинениях, выдвинутых на судах над

вервольфами. Вполне возможно, во Франции «Маленькая Красная Шапочка» начинала свой путь как крайне мрачная «страшилка» об оборотне. В другой французской версии той же сказки девочка сначала встречает волка в человеческом теле — и поэтому не испытывает страха. (И действительно, странно, что в волшебной сказке говорящий волк не кажется девочке чем-то неестественным и пугающим!) Перро же постарался оставить волка в его собственной шкуре, а не сделал его двойственным созданием, чтобы добиться максимального драматического эффекта.

Французская сказка заканчивается трагически — смертью маленькой Красной Шапочки в челюстях волка. Другие ее варианты, однако, имеют более счастливый финал. Немецкая сказка, например, заканчивается гораздо более удовлетворительно с точки зрения человечности. Она была опубликована в знаменитом собрании народных сказок братьев Гримм (предназначенном в основном для детей) «Детские и домашние сказки» в 1812 году. Там она носит название «Красная Шапка», что близко и английскому варианту заглавия. Немецкая версия повторяет французскую, но только до определенной степени, поскольку в ней крики девочки привлекают внимание проходящего мимо охотника (или работающего неподалеку дровосека), который спешит на помощь. Ножом (или топором) он разрубает волку брюхо и таким образом освобождает Красную Шапочку и ее бабушку. Изложение истории здесь несколько путано: объевшийся волк, похоже, уснул — и таинственным образом не просыпается во время этой операции, поэтому охотник заменяет спасенных жертв большим камнем, который бабушка зашивает в волчьем животе. Когда волк просыпается, он пытается сбежать, но вес камня тянет его вниз и становится причиной его гибели. Концовка немецкой сказки, таким образом, с точки зрения рассказчика более оптимистична. Этот более «здоровый» вариант был доработан и расширен в Британии в эпоху королевы Виктории, когда многие старые, довольно жестокие европейские сказки были «облагорожены» и превращены в детские «сказки на ночь» для всеобщего пользования, и одна из этих версий — та, что сейчас знакома большинству из нас.

Основана ли она на настоящей народной сказке или нет, история о Красной Шапочке определенно отражает ряд черт, как явных, так и скрытых, характерных для старых сказок о вервольфах, многие из которых были созданы задолго до Перро. Цвет шапочки или плаща девочки — это цвет крови, заставляющий предположить в ней потенциальную жертву. Она должна быть крайне наивна, если позволяет себе поддаться на уловки говорящего волка (который в этой истории играет роль дьявола). И, разумеется, следует учесть само наличие демонической силы, сначала в облике человека, а потом — в разрушительном образе зверя. Все эти образы имеют давнюю традицию и ассоциации, уходящие далеко в прошлое, в доисторические времена.

Делались также предположения, что сказка о Красной Шапочке имела скрытый политический подтекст и вполне могла быть старой гугенотской сказкой. Хотя доказательств этого недостаточно, предположительно она появилась после резни в Варфоломеевскую ночь в 1572 г. как завуалированный намек на жестокость и дикость французской монархии: красный цвет шапочки при этом символизировал цвет свободы. Красные шапки иногда носили гугенотские патриоты — в качестве символа независимости от католицизма и государственной машины, которая в основном контролировалась католиками. Идея гугенотского движения, поглощенного католической монархией, а затем освободившегося, разорвав ее «плоть», могла послужить источником вдохновения и основой для создания этой сказки. И хотя такое идейное наполнение сказки выглядит несколько натянуто, не приходится сомневаться, что тень волка по-прежнему дремала в некоем уголке сознания французов, выжидая момента пробуждения.

Не только в галльских сказках, неважно — политически мотивированных или нет, появляется оборотень-вервольф. Множество судов во Франции привлекло общий интерес не только собирателей фольклора, но и рациональных мыслителей. Времена менялись, и новый дух научного естествознания становился в Европе общей нормой. Старые верования и суеверия, которые множество веков принимались как незыблемый факт, теперь попадали под

прожектор более пристрастного исследования. Встал вопрос: если такие люди, как Жиль Гарнье, вервольфы Полиньи и Жан Гренье, на самом деле вовсе не были вервольфами (а общее мнение было таково, что они вполне могли таковыми и не быть, что следует из более мягкого приговора Гренье, вынесенного апелляционным судом в Бордо) — тогда кем же они были? Несколько ведущих специалистов-медиков всерьез занялись этим вопросом в связи с французскими процессами.

Мнение медиков

Уже в начале XVI века, когда такие процессы только набирали силу, раздавались голоса, которые выражали сомнения относительно лежавших в их основе представлений о колдовстве и оборотничестве. Одним из первых скептиков был немецкий врач по имени Иоганн Вейер (или Вейр, 1515–1588 гг.), который предположил, что причиной необычного поведения и странных признаний несчастных «преступников» является некая форма физического или психического нездоровья. Вейер, по общему мнению, был первым, кто использовал термин «психически больной» при описании действий и откровенных выдумок так называемых ведьм и вервольфов. Он был врачом разумным и гуманным, ищущим истинное объяснение такого состояния. Анализируя некоторые суды над вервольфами (а также процессы над «ведьмами» в Германии), он настаивал, что эти люди находились в плену иллюзий и их признания в совершенных зверствах, смешанные с фантастическими историями о встречах с дьяволом и использовании волшебных зелий, были не чем иным, как потоком помраченного сознания. Такие люди, продолжал он, «становились животными» только в собственном воображении и нуждались более в помощи, нежели в наказании. Когда в Европе воцарилась эпоха Просвещения, на точку зрения Вейера встали и другие. Психические заболевания, тяжелые условия жизни, одиночество и изоляция в некоторых подобных случаях внесли свою лепту в отклонения в поведении, которые могли быть классифицированы как «оборотничество». И, разумеется, судьи были вынуждены понять это — как понял Пьер де Ланкр на примере случая Жана Гренье, когда говорил, что убожество существования Жана в немалой степени ответственно за его предполагаемые преступления. Начиная с Вейера (и в какой-то степени в результате французских процессов) взгляд на так называемых вервольфов стал постепенно меняться. И к этой сместившейся точке зрения мы теперь и обратимся.

Глава 5 Безумное полнолуние

*До крайности заразная болезнь, милорд.
Та, что зовут ликантропией.
Джон Уэбстер, «Герцогиня Мальфи»*

В своей прославленной книге *De praestigiis daemonum* («О демонических иллюзиях»,³⁸ опубликована в 1563 г.) немецкий врач Иоганн Вейер открыто нападает на суеверия и ошибочные убеждения, на которые опирались процессы над ведьмами и вервольфами в прошедшие годы. Он громит «Молот ведьм», написанный инквизиторами Шпренгером и Крамером, который стал официальным руководством церкви по выслеживанию и выявлению колдовских созданий. Преследование запутавшихся и легковнушаемых людей было инспирировано сверху — и вот теперь авторитетные медики начинали смотреть на них

³⁸ Существует несколько вариантов русского перевода названия этой книги, в т. ч. «О кознях нечистой силы», «О дьявольских наваждениях, наговорах и чародействах» и т. д.

скорее с сочувствием, чем с осуждением.

Иоганн Вейер

Вейер был учеником и последователем мудреца из Кельна, Генриха Корнелиуса Агриппы Неттесгеймского (1486–1535 гг.), который признавал широкое распространение черной магии, но также заявлял, что все на свете, включая оккультизм, философию и медицину, является частью всеобъемлющего и единого целого. По его мнению, сверхъестественный и реальный миры могли быть сведены воедино посредством тщательного исследования. В этом отношении книгу Вейера следует рассматривать как одну из первых работ, демонстрирующих просвещенный взгляд на неотделимость дьявольского мира от нашего, и фундаментальный вклад в современный психологический подход по отношению к так называемым колдовству и оборотничеству.

В этой работе он уделяет особое внимание оборотням, привлекая в качестве доказательств материалы французских процессов над ними. Обвиняемые и осужденные могли страдать от «дисбаланса меланхолической жидкости». Он приводит список медицинских симптомов, которые могли заставлять этих несчастных среди ночи подниматься с постели и блуждать по округе, воображая себя волками или какими-либо другими животными. Вейер предлагает ряд «целительных средств» при таких состояниях — например, кровопускание, чтобы восстановить баланс жидкостей (как предлагал римский врач Гален), или фруктовую диету, чтобы пресечь неутолимое стремление к поеданию мяса — и тем восстановить естественные склонности. Изменения в рационе и физические упражнения жизненно важны, настаивает он, для установления правильного «гуморального баланса». Вейер отдельно рассматривает случай вервольфов из Полиньи, которые признавались в поедании маленьких детей и посещении в облике волков шабашей, где присутствовали ведьмы и дьявол. Эти люди, предполагает Вейер, не были по-настоящему психически больны — просто находились в плену иллюзий.

Он проявил разумную осторожность, не исключая прямого участия нечистого; даже признавал, что эти люди действительно могли встречаться с дьяволом (хотя что или кого именно Вейер подразумевал под словом «дьявол» — вопрос открытый). Он высказывал предположение, что «отец лжи» способен запутать и одурманить их разум до такой степени, что в нем могли угнездиться всякого рода иллюзии и заблуждения. Поэтому они уверовали в некоторые свои особые свойства и качества, ни одно из которых не существовало на самом деле. Подобные иллюзии сочетались с применением определенных амулетов и мазей, в состав которых входили сомнительные растения, которые вполне могли обладать галлюциногенными свойствами, искажая восприятие и заставляя видеть несуществующее. Таким образом, разум этих людей запутывался еще более. Во многих отношениях Вейер далеко опередил свою эпоху; он проявил себя как один из первых специалистов в области медицины, объединивших зачатки психоанализа с рассмотрением возможности применения психотропных веществ. Он также одним из первых установил общепринятый взгляд на ликантропию как на результат работы злых сил — но в совершенно новом свете.

РЕДЖИНАЛЬД СКОТ

Менялись времена — менялось и восприятие людей. Старые, ранее незыблемые верования теперь открыто оспаривались, и многие образованные люди последовали примеру Вейера. Одним из них был англичанин, сквайр из Кента по имени Реджинальд Скот (1538—1599 гг.). Бывший мировой судья, он повидал множество людей, обвиненных в фантастических преступлениях, и слышал абсурдные домыслы, истинность которых стал позже подвергать сомнению. Он также был убежденным либералом — и в качестве такового пользовался любой возможностью, чтобы выставить на посмешище предрассудки и легковерность католической церкви.

Самая знаменитая из его работ, «Разоблачение колдовства»,³⁹ опубликованная в 1584 г., прямо высмеивала доверчивость тех, кто верил в колдовство и приписывал владение колдовскими силами несчастным, часто умственно неполноценным людям. Скот перечислял такие суеверия, как оборотничество и заклятия, заявляя, что для них нет оснований в реальности и что те, кто в них верит, часто совершают большее преступление, чем те, кого в них обвиняют. Такие «вопиющие ошибки» часто были свойственны католической церкви, которая старалась лишь усилить подобные предрассудки, чтобы поддержать свою власть. Скот цитировал Вейера и поддерживал убеждение немецкого врача в том, что обвиняемые по подобным делам могли иметь множество проблем как с обществом, так и с собственным душевным здоровьем. Его образованный скептицизм перекликался с предположениями Вейера и бросал тень сомнения на распространенную на заре XVII века точку зрения на колдовство и оборотничество.

Полнолуние

Существовала еще одна проблема, занимавшая ученых и образованных людей: предполагаемая связь между оборотнями и полной луной. Хотя эта идея появилась позднее выхода работ Вейера и Скота, не приходится сомневаться в том, что превращения оборотней рассматривались в XVII и XVIII веках как результат сверхъестественного воздействия растущей и убывающей луны. В XIX и XX веках это представление получило дальнейшее развитие, и зависимость превращений человека в волка от фаз луны считалась неопровержимым фактом, хотя подобные ассоциации ни разу не возникали во время процессов над вервольфами. Почему же трансформации стали увязывать с полнолунием?

Луна уже давно напрямую связывалась с душевным равновесием. В английском языке слова *lunacy* (безумие, безрассудство) и *lunatic* (сумасшедший, душевнобольной), означающие психическую болезнь или повреждение рассудка, имеют общий корень с французским названием луны *la lune*, происходящим от имени римской богини Луны. Но откуда берет начало такая ассоциация?

Греки придерживались научных взглядов на человеческое тело и его болезни и так же, как позднее римский врач Гален, считали определяющими для жизнедеятельности веществами различные «гуморы»⁴⁰ (жидкости) — такие как *флегма* (слизь), *сангвис* (кровь), *холе* (желчь), каждая из которых специфическим образом влияла на определенные части тела. Правильный баланс между ними позволял телу функционировать нормально и был залогом хорошего здоровья. Если порядок нарушался, то результатом являлась болезнь: например, избыток в теле крови провоцировал лихорадку. Мозг, как тогда считалось, содержит очень большое количество влаги, баланс которой ответствен за его нормальную жизнедеятельность. Это позволяло цивилизованному, рациональному и тренированному мышлению оставаться «у руля», в то время как другие, более темные побуждения подавлялись. Однако, как и другие части тела, внутренние органы могли испытывать влияние со стороны внешних факторов.

Наблюдая, как слабое гравитационное притяжение Луны влияет на морские приливы и отливы, греческие врачи пришли к выводу, что эта планета оказывает похожее воздействие на жидкость, содержащуюся в мозге, и может нарушить хрупкий «гуморальный баланс», позволяя диким и нездоровым вожделениям вырваться на свободу. «Цивилизованный человек» мог быть постепенно превращен под влиянием луны в яростное неразумное

³⁹ Также переводится на русский язык как «Словарь колдовства», «Обнаружение ведьм», «Открытие колдовства» и т. д.

⁴⁰ Слово «гумор» и его этимология встречаются в словарях А. Н. Чудинова (1910 г.) и А. Д. Михельсона (1865 г.)

животное — в лунатика-безумца. Многие греческие мыслители, такие как Аристотель и Гиппократ (460–370 гг. до н. э.), считали это непреложным фактом. Эта ассоциация была настолько сильна, что имя греческой богини Селены (одной из ипостасей тройственной лунной богини) стало синонимом дикого и непредсказуемого поведения, а ее саму описывали носящейся по лесам в разнузданной причудливой пляске. Принимая утверждения греческих авторов на веру, Плиний Старший (23–78 гг. н. э.) перенес эти медицинские воззрения на римскую почву.

МЕДИЦИНА

Мир средневековой медицины в основном опирался на представления древних греков и римлян. Врачи основывали свои способы лечения на «гуморальном балансе» тела — например, пускали пациентам кровь, чтобы утишить лихорадку, и назначали слабительное, чтобы восстановить равновесие слизи и желчи. Они некритично воспринимали представление о «влажности» мозга и том воздействии, которое могла оказывать на него луна. Агрессивное или дикое поведение происходило якобы от избытка жидкости, скопившейся внутри черепа, часто в результате действия на индивидуума внешних сил — таких как «магнетическое притяжение» луны. Слабовольные, грешные или физически неполноценные пациенты — больные, голодающие или ведущие убогое существование — были особенно подвержены подобным приступам. Та же концепция была распространена и на способ поведения оборотней — людей, отчетливо воображавших себя каким-либо зверем, и на обычных безумцев. Церковь, которая проявляла живой интерес к обыденной медицине, поскольку многие средневековые доктора были монахами, утверждала, что это — несомненный результат греха: грешники сознательно подвергают себя пагубному воздействию луны и ведут себя как дикари и варвары, полагая, что превратились в животных.

Со временем западная медицина стала испытывать влияние со стороны Ближнего Востока. Уже в XII–XIII веках крестоносцы, возвращавшиеся из Святой земли, привозили с собой новые взгляды и идеи, в особенности касающиеся методов лечения, применение которых они наблюдали у арабов. Наряду с этим на Западе стали распространяться работы некоторых ближневосточных авторов, излагающие новые взгляды на болезни. Арабские писатели, такие как Рашид ад-Дин Хамадани (1247–1318 гг.) и Хаким Мохаммед Амин из Лахиджана (XVII век), твердо придерживаясь учения Корана, тем не менее полагали, что причиной душевных болезней могут быть отнюдь не только сомнительное вмешательство демонов или груз грехов страдальца.

Несмотря на это, представление о «гуморальном дисбалансе» и воздействии луны продолжало оставаться ведущим. С целью восстановить естественные ритмы жизнедеятельности тела некоторые врачи рекомендовали операцию, известную сейчас как трепанация черепа. В черепе проделывали дырочку — трепанационное отверстие (среди врачей не было согласия по поводу того, где именно оно должно быть просверлено) — с целью позволить излишней жидкости выйти, а пациенту — вернуться к нормальному мироощущению. Старинные гравюры и иллюстрации, датированные начиная с XVI столетия, представляют набор инструментов, использовавшихся для этой цели, причем некоторые из них смотрелись бы уместнее в камере палача. Об эффективности подобных этому способов лечения много спорили. Некоторые врачи, такие как Моше бен Маймон (Моисей Маймонид, 1138–1204 гг.) и Андреас Везалий (1514–1564 гг.), сомневались в том, что единственный способ облегчить безумие пациента — это пустить ему кровь, чтобы предотвратить воспаление мозга «лихорадкой и возбуждением». Последнее средство считалось весьма действенным: считалось, что «возбуждение» у тех, кто считал себя животными и жаждал человеческой плоти, вызвано избытком крови, затуманивающей мозг. Облегчить неестественные вожделения, как говорили, нельзя было никак иначе, чем отворить пациенту кровь или применить гирудотерапию (прикладывание к кровеносным

сосудам кровососущих пиявок).

Любопытно, что и в старинных сицилийских легендах единственным способом «излечить» вервольфа было пустить ему кровь. По описаниям в этих легендах, кровь вервольфа была черной и имела консистенцию смолы; даже самого небольшого количества ее, вытекшего из вен зверя, было достаточно, чтобы избавить жертву от тяготившего над ней проклятия. Старинная сицилийская сказка, предположительно основанная на реальном событии, произошедшем в Палермо в 1889 г., иллюстрирует такую точку зрения.

СИЦИЛИЙСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Один богатый и знатный человек, который жил то ли в Палермо, то ли в Салапаруте, был подвержен влиянию полной луны. Когда она поднималась на небосклон, он сверхъестественным образом превращался в свирепого волка и поддавался волчьему вожделению, жаждая человеческой плоти. Свой секрет он доверил одному-единственному слуге, и когда совершал свое превращение, тот выводил господина на базарную площадь и отпускал. Там оборотень нападал на припозднившихся прохожих, убивая гуляк-полуночников. Однажды ночью, когда он бродил по городу, навстречу ему попался солдат, который оказался не робкого десятка. Он храбро встретил волка лицом к лицу, выхватил меч, ударил зверя наискось по морде и рассек шкуру на лбу. Из раны потекла черная липкая кровь. Ее было немного, потому что удар получился скользящим, но этого оказалось достаточно, чтобы снять проклятие. Скуля и подвывая, существо свалилось у ног солдата, постепенно изменяя свой облик на человеческий. Расколдованный аристократ был безумно счастлив и щедро наградил солдата за то, что тот освободил его от ужасного проклятия оборотничества, так долго тяготившего над ним.

Палермо

В сицилийском фольклоре есть еще две похожие истории — одна из Палермо, а другая из Иблы (Нижняя Рагуза). В обеих присутствует мотив кровопускания, необходимого для «исцеления» вервольфа, что доказывает устойчивость этого поверья в данной местности.

Следующая из рассматриваемых нами сказок рассказывает о чрезвычайно религиозной женщине из Палермо (по некоторым сведениям — сестре священника; во многих католических странах сестрам священников часто приписывали особые способности). Хотя она регулярно посещала мессу и тщательно соблюдала все обряды и читала молитвы, однажды ночью обычного благочестия оказалось недостаточно. Она случайно выглянула из окна и узрела свирепое на вид волкоподобное существо, крадущееся во мраке неподалеку от ее дома. Оно отдаленно напоминало человека, но было покрыто шерстью, а вместо лица имело оскаленную морду и широко раскрытую волчью пасть. Увидав, что женщина выглянула из окна, существо зарычало и попыталось залезть по виноградным лозам, оплетавшим дом, грозя ей длинными когтистыми лапами. В ужасе благочестивая женщина вознесла молитвы Богородице и святой Розалии, но, увы, безрезультатно, ибо вервольф уже добрался до ее балкона. Вбежав в комнату, женщина схватила стилет (небольшой кинжал) и повернулась к нему лицом. Не переставая молиться, она изо всей силы ударила надвигавшееся на нее существо, попав ему по лбу. Потекла густая черная кровь, похожая на смолу, и вервольф, завывая и скуля от боли, развернулся и убежал. Продолжения различных вариантов сказки противоречат друг другу: в одном говорится, что позже недалеко от дома женщины нашли полуобнаженным одного из ее соседей; другой сообщает, что оборотнем был местный аристократ, который вознаграждал женщину деньгами и драгоценными камнями за то, что она освободила его от проклятия оборотничества. Точное время возникновения этой легенды неизвестно, но считается, что она появилась во второй половине XIX века, как и предыдущая.

Ибла

Третья, несколько отличающаяся от предыдущих народная легенда из Иблы (Нижней Рагузы) повествует о священнике, который также вступил в схватку с вервольфом. Ибла — очень древний город, который был практически целиком заново отстроен после великого Сицилийского землетрясения 1693 г. и стал называться Ибла Рагуза.⁴¹ Одним из его самых старинных зданий является церковь Санта Мария делла Скала, отстроенная в начале XVIII века, и с этим святым местом связана история благочестивого священника.

Когда поздним вечером он переходил городскую площадь, возвращаясь после некоего

⁴¹ Ибла Рагуза, или «нижний город», где селилось простонародье, в отличие от Рагуза Супериоре — «города для богатых».

благотворительного дела, то столкнулся со странным созданием, рыскавшим в темноте. Оно обнажило клыки и зарычало на священника, и при лунном свете тот сумел разглядеть, что тело монстра отдаленно напоминало мужское, но было снабжено всеми атрибутами волка, включая удлиненную морду, с челюстей которой капала слюна. Священник вознес молитву — но безрезультатно; казалось, священные слова только разъярили зверя, который, похоже, собирался растерзать его. Священник бросился в церковь, но существо последовало за ним, явно не испытывая никаких неудобств от того, что оказалось на святой земле. Добежав до алтаря, священник схватил тяжелый крест и поднял его над головой. Вервольфа не смутила и святая реликвия, он продолжал надвигаться на священника, а из пасти его угрожающе текла слюна. Священник пятился, отступая, пока спина его не уперлась в алтарь. В отчаянной попытке спастись священник взмахнул крестом перед собой, сильно ударив вервольфа по лбу. Брызнула черная липкая кровь. Вервольф взвыл как пес и сбежал, оглашая воплями святой храм. Еще не добравшись до главного входа, он начал менять облик, а потом свалился на ступенях церкви, и когда священник подбежал, чтобы помочь ему, он обнаружил, что глядит не на волчью морду, а в лицо другого священнослужителя, своего знакомого.

Запинаясь, этот человек поведал свою историю. С самого детства он был подвержен пагубному влиянию лунного света, который превращал его в дикого зверя. В таком виде он рыскал по старому городу, нападая на встречаемых и иногда убивая их. И только кровь, брызнувшая от удара тяжелым крестом, освободила его от проклятия. По другой версии, оборотнем оказался видный гражданин, щедрый жертвователю на благо церкви, хотя имя его осталось в тайне. И вновь причиной трансформации были лучи луны.

ЛУННЫЕ БОГИНИ

Существовал и другой аспект лунного влияния. Мы уже упоминали, что полнолуние связывали с богиней Селеной, являющейся божественным воплощением полной луны. Однако Селена — только одна ипостась возшедшей луны, один лик тройственной лунной богини. Другим воплощением того же божества была богиня Артемида (у римлян известная как Диана), которая в античном мире была покровительницей охоты. Большая часть ее охотничьих прогулок, учитывая ее связь с луной, особенно полной, происходила по ночам, потому что именно ночью охотится целый ряд животных. Тех, кого коснулись лунные лучи, охватывал лихорадочный охотничий азарт, который был свойствен и самой богине.

Еще в древности было замечено, что лунный свет оказывает возбуждающее действие на собак (которые являются животными-охотниками), и это явление относили на счет влияния богини. Она усиливала охотничьи инстинкты животных, и они становились беспокойными. То же могло происходить и с некоторыми людьми, особенно слабавольными и много грешившими. Таким образом, убогие и грешники становились заложниками влияния лунного света, как и собаки.

Это вредоносное воздействие связывалось и с третьим аспектом богини, ее воплощением по имени Луна. Отсюда — слово «лунатик» как обозначение странного и непредсказуемого поведения. Но никакой связи между таким поведением и непосредственно полнолунием древние не проводили, отмечая только увеличение общего количества лунного света. Хотя мы не можем быть абсолютно уверены в этом, именно оно могло считаться ответственным за изменения поведения некоторых животных. Однако дикое и эксцентричное поведение безумцев в полнолуние стало ассоциироваться с дикостью вервольфа, и был сделан вывод, что лунный свет может оказывать влияние на человека и инициировать превращение в оборотня. Этой волнующей идее предстояло получить дальнейшее развитие, когда писатели и голливудские режиссеры обратили внимание на образ оборотня.

Слагаемые волчьей сути

По мере того как дух эпохи Просвещения набирал силу, росло число людей, усматривавших связи между безумием, оборотничеством и жалким греховным существованием. В конце XVII и XVIII веках ученые начали изучать идеи, которые формально были прерогативой церкви, — такие как одержимость демонами, чудеса, призраки, вампиры и вервольфы, — ища для них научного или просто разумного объяснения. Вместо того чтобы приписывать «оборотничество» одержимости человека зловредными сверхъестественными силами, последователи Вейера начали связывать его с безумием или, по крайней мере, некой формой психического отклонения. Они отрицали существование волшебных поясов, плащей из волчьих шкур, даже дьявольских зелий и мазей, пытаясь доискаться до более естественных причин того, почему вообще возникают подобные состояния. Что именно, спрашивали они, может заставить человека вообразить себя диким зверем?

РАСТЕНИЯ

Некоторые полагали, что дело в веществах, употребляемых внутрь, и их воздействии на человеческий мозг. В числе источников таких веществ могли быть грибы, входившие в рацион сельского населения некоторых местностей. Не исключалось и вдыхание аромата каких-либо лесных растений, который мог впоследствии вызвать галлюцинации. Одно из таких растений, прочно ассоциировавшееся с волками и другими животными, — *аконит* (или *борец*), который в изобилии растет во многих европейских лесах. Это растение было известно под многими названиями: *дьяволов шлем*, *монашій колпак*, *бабья погибель*, *дьяволова желчь* — и считалось атрибутом колдовства. Полагали, что это растение может быть повинно в галлюцинациях о превращении в волка. По убеждению многих, оно являлось одним из главных ингредиентов магических мазей и бальзамов, якобы использовавшихся для той же цели. Оно (точнее, его составляющая — аконитин) также применялось для приготовления ядов — занятия, которое имело прочную ассоциацию с колдовством (одно время понятия «зельеварение» и «колдовство» были практически синонимичны), а через него — с грехом, злыми намерениями и аберрантным поведением. В настоящее время известно, что аконитин действует на нервную систему, вызывая потоотделение, судороги, дрожание конечностей, фантомные боли и даже галлюцинации, которые могли включать и иллюзию превращения в животное. Считалось, что это растение эффективнее всего в период цветения и именно тогда происходит большинство превращений в волков. Позже, однако, был сделан вывод, что верно обратное, поскольку наблюдения показали, что волков оно отпугивает — отсюда и самое известное его название: *волкобойник*⁴² или *волкобой*.

Более всего восприимчивы к воздействию подобных растений были бедняки, часто живущие в глуши, вне пределов цивилизации. Основу их рациона составляли растения и грибы, и вполне естественно, что жуткие условия жизни в сочетании с употребляемыми в пищу некоторыми растениями могли «превращать их в волков» — точнее, заставляли воображать себя волками.

ПСИХОЛОГИЯ

Несмотря на ученые спекуляции XVII–XVIII веков на тему трав и грибов, главное сомнение — относительно того, что несчастные «вервольфы» попросту находились в плену иллюзий, — оставалось в силе. Хотя эта идея была причиной первых подвижек в воззрениях на душевное и психическое здоровье, подобные концепции были пока недоступны большинству мыслителей. Иллюзии же приписывались не столько дефектам психики, сколько вмешательству нечистого в жизнь убогих и нездоровых людей. Если люди верили,

⁴² В русском языке оно является не самым известным, но наиболее близким к английскому варианту.

что они были волками, и вели себя как волки, — то это потому, что дьявол пробудил животные страсти в их телах с целью лишить их возможности попасть в рай. Психиатрического понятия «истерии» в те далекие времена не существовало, и ему еще предстояло почти 200 лет «вызревания», прежде чем оно появилось в трудах ученого Зигмунда Фрейда, которого считают отцом психоанализа. В 1897 г. Фрейд, обративший внимание на ряд судебных процессов по делам оборотней, предложил свою теорию. По мысли Фрейда, истерия, которая теперь выдвигалась в качестве объяснения подобных случаев, может быть запоздалой эмоциональной реакцией на перенесенное в детстве сексуальное насилие или на подавленные детские сексуальные фантазии. Он уделил особое внимание делу Гренье 1603 г., которое отвечало некоторым его предположениям, так же как и дело Гандийонов.

Фрейд мог, конечно, испытывать влияние работ Вейера: нет никаких сомнений в том, что он читал книги немецкого ученого — он упоминал его работы в числе десяти книг, оказавших на него наибольшее воздействие, в интервью 1906 г. И, по его собственным словам, он лицом к лицу встречался с пациентом, который демонстрировал ряд тех же характерных черт, которые особенно выделялись во времена французских процессов над вервольфами.

Чтобы сохранить личность этого пациента в тайне, Фрейд в своих заметках и отчетах об этой встрече именуется его «человеком-волком». Пациент описан как довольно богатый отпрыск значительного русского семейства, который во время курса психоанализа пересказал Фрейду свой навязчивый детский сон о волках. Во сне он лежал в собственной кровати в спальне, когда внезапно распахнулось ближнее окно, и, поднявшись, он выглянул и увидел нескольких волков — шесть или семь, — лежащих у подножия орехового дерева на улице и очень пристально глядящих на него. Ни один из зверей не двинулся с места и не угрожал ему, но их присутствие все равно перепугало мальчика, который закричал и проснулся, и няне пришлось его утешать. В этой истории присутствовал также фольклорный элемент, о котором и Фрейд, и его пациент были хорошо осведомлены. Как в румынском, так и в русском фольклоре существует традиция относительно личности, известной как «хозяин волков» («царь волков», «повелитель волков» и т. д.), порой описываемой как нечто вроде гибрида человека и зверя, живущего в лесу и повелевающего волчьими стаями. Это существо было не вполне человеком и часто испытывало те же вожделения и желания, что и сами волки. В книге «Оборотни и вампиры в Румынии» (1982 г.) профессор Гарри Сенн описывает подобное существо как охотящееся в лесу вместе с волчьими стаями, причем волки относятся к нему примерно так же, как к своему вожаку. «Хозяин волков» обычно описывается сидящим на лесной поляне в окружении отдыхающих волков — и, возможно, пациент Фрейда скорее отождествлял себя именно с ним, чем с настоящим хищным оборотнем-вервольфом. Была и еще одна интересная деталь: пациент родился 25 декабря, в Рождество. Существовало также древнее христианское поверье, что те, кто посмел родиться в день рождения Христа, непременно станут чудовищами и прислужниками дьявола.⁴³ Этот пациент также родился «в рубашке» (водной оболочке, которая обычно прорывается во время родов) — что, тем не менее, считалось дурным предзнаменованием во многих местностях России.⁴⁴ Напротив, в других культурах это считается признаком удачи и

⁴³ Действительно, существует поверье, что родиться в Рождество — грех. Причина в том, что в таком случае ребенок должен быть зачат во время Великого поста — т. е. грешат в первую очередь родители. Ныне священнослужители считают, что «в том, чтобы родиться в Рождество, нет ничего плохого» (И. Пчелинцев, пресс-секретарь Нижегородской епархии).

⁴⁴ Автор (а возможно, и сам З. Фрейд — своим пациентом), похоже, введен в заблуждение: переводчику, по крайней мере, не удалось обнаружить ни малейших упоминаний о существовании такой плохой приметы. Единственным «правилом безопасности» для людей, родившихся «в рубашке», является сохранение «рубашки» в течение всей жизни — чтобы удача не отворачивалась.

гарантией того, что такой человек никогда не утонет и не погибнет в пожаре.

Фрейд также отмечает, что няня, ухаживавшая за мальчиком в первые годы его жизни, была особой крайне религиозной и суеверной и восприняла его рождение «в рубашке» как знак того, что ребенок вырастет оборотнем и станет прислужником дьявола. Она постоянно делилась этими опасениями со своим питомцем, да еще и рассказывала ему множество старинных легенд о «хозяине волков», живущем в чаще леса.⁴⁵ Таким образом, в сознании пациента образы волков приобрели дополнительную зловещую значительность. В заключение анализа Фрейд предположил, что пациент, скорее всего, страдал от врожденного желания вернуться в материнскую утробу, — и полностью отверг как несущественные сверхъестественные и фольклорные элементы, транслировавшиеся пациенту няней (хотя и признавал ту роль, которую они сыграли в формировании подсознательных образов его сна). Кстати, интересный факт: Фрейд и сам родился «в рубашке»!

ПОВЕДЕНИЕ

Фрейд был не единственным мыслителем, который относил так называемые превращения (и заявления тех, кто их якобы переживал) на счет ментальной «истерии». Французский врач Жан Мартен Шарко (1825–1893 гг.), которого иногда называют «отцом неврологии», также признавал такую связь. Хотя в своих работах он не делает никаких специальных ссылок на французские процессы над оборотнями, зато выдвигает предположение, что подобное состояние может быть результатом «обострения» наследственных нервных болезней. В качестве практикующего врача (а позже — профессора невропатологии) в госпитале Сальпетриер — парижской больнице для бедных женщин — Шарко имел дело с множеством случаев ярко выраженной истерии, причем часть его пациенток демонстрировали черты животного поведения. Некоторые истории болезней таких женщин вполне могли бы подойти под описание, если можно так сказать, «комплекса оборотня», и Шарко пытался помочь им, используя сравнительно новую медицинскую процедуру — гипнотерапию. Он был одним из первых врачей, использовавших гипноз для лечения психических заболеваний.

СТРАДАЛЬЦЫ

Исследования «комплекса оборотня» выдающимися учеными-медиками знаменовали изменения во взглядах на это состояние. Прежде оно рассматривалось как намеренное злое деяние, творимое колдунами и ведьмами ради удовлетворения своих темных нужд с помощью магических средств типа поясов, плащей из волчьих шкур или специальных мазей. Авторы «Молота ведьм» гремели проклятиями в адрес ведьм — прислужниц дьявола, нападавших на ближних своих в обличье волков или других животных. Эпоха Просвещения изменила этот взгляд и отвернулась от идеи преднамеренного акта колдовства или черной магии, которую так поддерживала церковь. Оборотничество более не рассматривалось как отрасль черной магии и обдуманый вызов Господу — скорее как невольное, непреднамеренное заболевание, которое проявлялось почти случайным образом. Вервольфа теперь описывали как страдальца, который борется с собственными превращениями, часто происходящими в ответ на восход луны или употребление растения — такого, как волкобой. Как и в случае с вампиром, одного укуса вервольфа достаточно, чтобы превратить его жертву в рыскающее чудовище, когда луна вновь наберет полную силу.

Такое представление о невольном и часто болезненном превращении позже будет подхвачено Голливудом и ляжет в основу ряда фильмов, которые, в свою очередь, усилят и упрочат его в массовом сознании. В большинстве таких картин герой — это несчастный, тем

⁴⁵ Вероятно, именно таким няням в первую очередь требуется психоаналитик!

или иным образом подпавший под «заклятие вервольфа» (понятие, синонимичное идее болезни) и принужденный становится волком или волкоподобным человеком в ходе драматичной и зрелищной трансформации. Столь разительное отличие обычно применяется для усиления драматического эффекта между цивилизованным, благородным человеком и свирепым ненасытным животным. Главная идея многих ранних фильмов на эту тему часто сводится к попыткам отсрочить превращение или избавиться от «заклятия» или «недуга» его носителя.

Когда XVIII век близился к концу, представление об оборотне более или менее преобразилось: от «злодея» к «несчастной жертве». По мере того как общество постепенно стало стараться понять своих отверженных, чудаков и инакомыслящих, образ оборотня представился в куда более сочувственном свете.

Дикие создания

Прежде чем анализировать идеи, воплощением которых являются кинематографические образы вервольфов, необходимо обратить внимание на другую породу людей, считающуюся столь же «чуждыми» обществу, как и безумцы-«лунатики». Речь идет о дикарях — о тех, кто вырос в дикой природе, часто будучи воспитан каким-то животным или группой животных. Такие феномены время от времени попадают в поле зрения цивилизованного общественного большинства.

ВОЖДИ

Как мы уже отмечали выше, существует популярная легенда о том, как братья Ромул и Рем (близнецы — основатели Рима) были выкормлены и воспитаны волчицей. Этот пример можно рассматривать как один из первых случаев возвращения детей-дикарей в лоно общества. Однако основатели Рима были не единственными детьми — героями древних легенд, которых вырастили волки. Очень старинная турецкая сказка повествует о том, как возник народ турок. Предки турок были поголовно уничтожены в великой битве — все, кроме одного маленького мальчика, который успел спрятаться на болоте. Все родственники его погибли, он остался в полном одиночестве, но его нашла волчица и забрала в свое логово, где растила вместе со своими щенками. Мальчик вырос, стал взрослым и вступил с ней в связь, от которой родились десять сыновей. Одним из них был Асена (или Ашина),⁴⁶ великий вождь туркестанских турок, которые избрали своей эмблемой волчью голову.

Великий воин и герой Персии, вождь Заль в младенчестве был унесен гигантской птицей, которая поначалу воспринимала мальчика как добычу, но потом взяла на себя заботы по его воспитанию. В Китае VII века⁴⁷ мудрый и хитрый Цзю Юань (министр при дворе царства Чу) был якобы брошен в детстве своей матерью, дочерью принца Юня, но его воспитала тигрица, а впоследствии принц забрал его назад к императорскому двору. Ребенку было дано прозвище Цзюй, «воспитанный тигром». Позже это прозвище было сокращено до его официального имени. Он считался очень умным и дальновидным политиком, но был подвержен внезапным вспышкам гнева; и то и другое считали результатом того, что он воспитывался на лоне дикой природы приемной матерью-тигрицей.

В других древних культурах также существуют легенды (правдивые или чисто мифологические) о королях и могучих воинах, воспитанных животными в дикой природе, которые в конечном счете возвратились, чтобы возглавить свой народ или основать могучую державу. Есть также ряд легенд, в которых такие вожди устраивают людоедские пиршества,

⁴⁶ По другим версиям, именно Асена, а не его сын и был тем самым выращенным волчицей мальчиком.

⁴⁷ Видимо, до н. э.

отдавая дань своему дикарскому происхождению. Асена, например, якобы поедал побежденных им в битве врагов. У таких героев древности, воспитанных в дикой природе, воинские таланты обычно сочетались с ярко выраженной жестокостью.

СВЯТЫЕ

Образ ребенка-дикаря проник даже в христианскую традицию: с ним связаны истории нескольких выдающихся святых. Святой Альбеус (Алби) был младенцем брошен в пустынной местности матерью, родившей его незаконно (возможно, в результате инцеста). Волчица, промышлявшая пропитанием, обнаружила дитя и воспитывала его как собственного детеныша, пока его не нашел пастух по имени Лохан, продавший мальчика бриттам. Позже Альбеус принял христианство, основал ряд храмов и монастырей (в том числе один — на Арранских островах) и в конце концов уехал в Рим.⁴⁸

Ему приписывают огромное количество совершенных чудес (в том числе несколько эпизодов, в которых фигурировали животные); он предположительно крестил св. Давида Уэльского. В Средние века св. Альбеус считался святым покровителем Манстера. Рассказывали также, что однажды выкормившая его волчица прибежала искать у него защиты, когда за ней гнались охотники из местной знати. Святой защитил ее, прогнав охотников, и до конца своей жизни волчица каждый день навещала его хижину, часто принося с собой волчат. На некоторых изображениях святого в образе епископа и покровителя Манстера он изображен с лежащей у его ног волчицей, что должно, по-видимому, означать его «дикарское» происхождение.

Провинция Манстер славилась своим волчьим поголовьем и в эпоху Средневековья была одним из излюбленных мест для охоты на черных и бурых волков. Охотничьи выезды организовывались по всей провинции и привлекали многих ирландских аристократов. Изображение святого покровителя Манстера в компании этих животных вполне могло отражать и эту особенность провинции.

В мифологии христианской Ирландии есть еще один подобный случай: отец святого Барра был якобы выращен волками, после того как его бросила мать, зачавшая ребенка в инцесте. Во Франции, в Бордо, святой V века Медок был, по преданию, воспитан волчицей-охотницей, которая украла его из колыбели и унесла в лес. Возможно, поначалу она намеревалась его съесть, но в конце концов стала выкармливать, как собственное дитя. Говорили, что даже в зрелые годы, давным-давно вернувшись к цивилизации, святой демонстрировал некоторые волчьи черты характера и поведения, напоминавшие о его жизни в дикой природе.

ДИКИЙ МАЛЬЧИК ИЗ АВЕЙРОНА

В более близкие к нам времена одним из самых известных и, наверное, самым детально документированным случаем среди «найденшей» был «дикий мальчик из Авейрона». Это произошло во Франции, в эпоху Просвещения. В 1797 г. в гористой местности региона Лакон видели мальчика, который нагишом бежал по лесу. В следующем году его поймали и держали взаперти, как диковинку, назвав «диким мальчиком из Авейрона», по имени местности, где он был пойман. Однако ему удалось бежать и вернуться в лес, и следующие 15 месяцев добровольцы пытались выследить его и снова изловить. Мальчика, живущего на воле в лесу, видели довольно часто и говорили, что он устроил себе несколько логовищ, которые позже были обнаружены уже покинутыми. Некоторое время ему удавалось сбивать с толку преследователей, но в 1799 г. он вновь был пойман в лесах возле Сен-Семэн-сюр-

⁴⁸ В другой версии жития — король воспрепятствовал его отъезду, и св. Алби умер «в разгар своих епископских трудов».

Ранс охотниками, которые из сострадания отдали его на попечение пожилой вдовы. Он не мог говорить, лишь издавал долгое хриплое рычание, поэтому определить его происхождение оказалось невозможно. Он не желал есть мясо, предпочитая сырые желуди, каштаны, грецкие орехи, ягоды и картофель.

Вскоре после того, как его поселили у вдовы, он снова сбежал в расположенные рядом горы. Однако голые скалы — это совсем не то же самое, что сравнительно уютный зеленый лес, и убежище в них найти трудно. Наступила чрезвычайно суровая зима, и мальчик был вынужден бродить от одной одинокой горной фермы к другой в поисках пищи и тепла. Он преодолел широкое плато, лежащее между Лаконом и Роксезьером, где жалостливые фермеры предлагали ему картофель и крышу над головой — от последнего он всегда отказывался. В январе 1800 г. его снова выследили и схватили и на этот раз отдали в местный сиротский приют. Осмотр, проведенный специалистами, определил, что ему было где-то между 12 и 15 годами, и более никаких результатов не дал. Мальчик отказывался носить одежду и сразу после поимки издавал негромкие звуки, напоминавшие человеческие возгласы, хотя, когда его привезли в приют, затворился в молчании. Некоторое время он отказывался и от еды, а когда пищу клали перед ним, подозрительно принимался к ней, как животное, прежде чем попробовать хотя бы крошку. Прослышав о его поимке и водворении в приют, множество людей потянулось поглядеть на него, но было совершенно очевидно, что большие толпы его пугают, и он частенько старался укусить каждого, кто отваживался подойти поближе.

То была «эра разума», когда всему, что прежде считалось необъяснимым, старались найти объяснение, — и, разумеется, поимка «дикого мальчика» пробудила живой интерес к нему в кругах образованных людей. И прежде появлялись работы о дикарях — например, книги Теодора⁴⁹ Руссо или Пьера Этьена де Кондийяка — но «дикий мальчик» представлял собой нечто особенное: возможность изучить такого индивидуума в стабильных условиях и в конкретном месте.

⁴⁹ По всей видимости, автор имеет в виду Жан-Жака Руссо и его «Рассуждение о происхождении неравенства» (1755 г.), а не Теодора Руссо, живописца и графика XIX века.

Одним из тех, кто принял особое участие в истории «дикого мальчика», был молодой врач Жан Итар, тесно сотрудничавший с аббатом Сикаром, директором Национального училища для глухих, и бывший учеником одного из первых психиатров — Филиппа Пинеля. Сам Пинель не особенно заинтересовался «диким мальчиком» и, будучи председателем комитета избранных, проводивших обследование, объявил мальчика «идиотом от рождения», подвергнув сомнению его дикарское происхождение. Комитет также пришел к выводу, что ребенок абсолютно глух; Итар с этим не согласился. В годы после Французской революции учреждение Сикара занималось лечением и образованием глухих, и Итар был уверен, что мальчик не просто отстал в развитии или безумен, как заявляли члены комитета. Он назвал мальчика Виктором и вызвался ухаживать за ним в соответствии с системой воспитания и обучения, разработанной в училище. Вскоре стало ясно, что Виктор отнюдь не глух, но в какой-то момент жизни был серьезно ранен (случайно или намеренно): поперек его горла был виден большой горизонтальный шрам. Итар пришел к выводу, что ранение было нанесено человеком, оставившим ребенка в лесу, чтобы тот не плакал и не привлек к

себе внимания. Однако если это было действительно так, то порез был нанесен неловкой рукой и не повредил глотку, что означало, что теоретически Виктор был способен говорить. Итар с воодушевлением принялся учить его речи и упорствовал в своих попытках в течение нескольких лет. Вначале казалось, что они окажутся успешными, но постепенно Виктор потерял к занятиям интерес, и продвижение застопорилось.

Мальчик жил в доме вместе с Итаром и его экономкой мадам Герен и, хотя начал приобретать кое-какие привычки цивилизованного человека, время от времени возвращался к поведению, более свойственному животному. Например, пищу он по-прежнему брал руками и временами дрался с собаками за кость. Однако когда он увидел, как мадам Герен плачет после кончины мужа, Виктор явно проникся к ней состраданием и сочувствием. Итар считал это долгожданным прорывом, решив, что Виктор проявил свою истинную человеческую сущность, и удвоил усилия, пытаясь развивать и обучать мальчика — хотя, следует сказать, без особого успеха. Виктор, «дикий мальчик из Авейрона», умер в Париже в 1828 г., унеся свою тайну с собой. Несмотря на все старания Итара, он так и не научился по-настоящему говорить, и о происхождении его ничего не известно.

Сколь бы ни были малы достижения Виктора, один подвиг ему точно удался: он пробудил и стимулировал интерес к дикарям и споры на тему того, что именно отличает людей от диких животных. Его история легла в основу многочисленных книг, фильмов (таких, например, как классическая лента Франсуа Трюффо «Маленький дикарь», 1970 г.) и научных работ, включая и написанную американским ученым, доктором Гарланом Лейном из Бостонского университета, психотерапевтом, занимавшимся проблемами языка, речи и обучения. В 1977 г. Лейн пришел к заключению, что, хотя Виктор до самой смерти не сумел научиться говорить, в этом повинны определенные пробелы в методе Итара (некоторые из них позже были исправлены в работе с глухонемыми пациентами). Немецкий невролог Ута Фрит даже предположила, что Виктор мог страдать от некой формы аутизма.

С точки зрения многих мыслителей и врачей, в том числе Пинеля, именно дар разумной речи отличает людей от животных, поскольку речь демонстрирует логические и рациональные когнитивные процессы. Таким образом, несмотря на то, что Виктор выглядел как человек, он был умственно отсталым и стоял ближе к животным, поскольку к разумной речи оказался неспособен. Тот факт, что Виктор рычал и ворчал, вкупе с его почти животным поведением, по мнению многих, ясно это демонстрировал. В истории «дикого мальчика» граница между животным и человеком — или между безумцем и животным — оказалась практически стертой.

ДРУГИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Хотя случай «дикого мальчика» Виктора — наиболее хорошо документированный пример того, что происходит с ребенком, выросшим вне человеческого общества, были и другие — и немало. Французский философ Жан-Жак Руссо приводил несколько истории детей, воспитанных дикими зверями, таких как «волчий найденыш», выросший в Гессе (Германия) и обнаруженный в 1344 г., и «медвежий найденыш» в Литве в 1694 г. К тому же был еще знаменитый случай с Петером из Ганновера, ребенком-дикарем лет 15 от роду, пойманным в 1724 г. неподалеку от немецкого города Гаммельна (того самого, который прославился своим Крысоловом). Также как и Виктор, он не умел разговаривать и жил в лесу «как белка», питаясь ягодами и орехами. Этот мальчик-дикарь вызвал в свое время огромный интерес и привлек внимание английского короля Георга I, когда тот приезжал с визитом в Ганновер. Петера привезли в Лондон, где он сделался объектом всеобщего любопытства — и едкой сатиры Джонатана Свифта. Он умер в 1785 г., дожив до сравнительно преклонного возраста, и был похоронен на кладбище церкви Св. Марии в Хертфордшире.

Петер и Виктор были самыми знаменитыми дикарями — но время от времени продолжали появляться и другие. Самым противоречивым был случай Камалы и Амалы, девочек, воспитанных волками, найденных подле индийского селения Годамури в начале XX

столетия.

КАМАЛА И АМАЛА

В 1926 г. в Индии местный священнослужитель и глава сиротского приюта преподобный Джозеф Амрита Лал Сингх написал письмо в газету «Калькутта Стейтсмен», рассказав невероятную историю о двух индийских девочках, находившихся на его, попечении. Преподобный Сингх утверждал, что однажды к нему подошел человек из Годамури, деревни в округе Миднапур, который сказал, что хочет показать ему кое-что любопытное. Когда Сингх пришел к нему домой, его подвели к клетке, выстроенной рядом с домом, в которой сидели две маленькие, совершенно дикие на вид девочки; хозяин утверждал, что изловил их в окрестных лесах. Позже Сингх заявил, что сам поймал их в октябре 1920 г., вытащив из волчьего логова, где они, судя по всему, воспитывались волками. Он забрал девочек в свой приют, где попытался вырастить. Все время, что они провели там, он вел дневник (не более чем ворох разрозненных страниц), в котором запечатлены его попытки «очеловечить» детей. Он пишет, что девочки вели себя как волчата: отказывались носить одежду, царапали и кусали всякого, кто набирался смелости к ним подойти, не желали есть приготовленную пищу, равно как ягоды и фрукты, по-собачьи лакали молоко из поставленной на пол миски, с аппетитом поедали сырое мясо и ходили на четвереньках, как животные. От этого у них были грубые мозоли на ступнях и ладонях, так что, похоже, они передвигались таким образом уже длительное время — если не всю жизнь. Сингх назвал старшую девочку, которая выглядела лет на восемь, Камалой. Младшая получила имя Амала, ей было от полутора до двух лет. Ни одна из них не умела говорить, поэтому они не могли указать, откуда они или каким образом они стали жить вместе с волками.

По словам Сингха, у обеих девочек был необычный режим сна: они просыпались около полуночи, чтобы пройтись, время от времени издавая звуки, которые Сингх описывает как «вой, похожий на волчий». В физическом отношении они не отличались от коренных жителей этого региона Индии, для которых характерны темная кожа, широкие лица и носы, но обе были низкорослые, а передвигались скачками, согнув корпус. Они не имели ни малейшего понятия о личной гигиене, отправляли естественные надобности, не смущаясь присутствия людей, при первой потребности, иногда вытирая ягодицы о землю, как делают после дефекации собаки. Сингх полагал, что это были скорее попытки избавиться от глистов, как и у собак, чем желание очиститься.

Девочки почти не проявляли интереса к человеческому обществу, но больше привязались к животным, жившим в окрестностях приюта, особенно к собакам. По словам Сингха, они также жевали траву, мелкие камешки и комки земли, как иногда делают собаки. Однако когда им давали сырое мясо на кости, они счищали его руками, а не глодали кость, как делают плотоядные животные.

В 1921 г. Амала заболела и умерла, предположительно от почечной инфекции. Камала, по словам Сингха, явно печалилась, а впоследствии стала несколько более общительной, подружившись с некоторыми приютскими детьми, а также с кошкой и щенком гиены, которого растили на территории приюта. Она в большей степени свылась и с обществом взрослых людей, приучилась соблюдать гигиену в доме и могла пройти небольшое расстояние выпрямившись, хотя часто возвращалась к прежнему способу передвижения на четвереньках. Время от времени Сингх отмечал, что в ней снова берет верх дикарская природа. Например, когда неподалеку от приюта пала корова и ее окружили стервятники, девочка прогнала птиц и принялась поедать сырое мясо, отрывая его от костяка руками и грызя кости. Она умерла в 1929 г., предположительно от уремии (почечной недостаточности).

Случай этих двух девочек породил огромное количество споров, в основном из-за того, что единственные документальные свидетельства содержались в заметках Сингха, часто противоречивых. Большая часть «доказательств», касающихся их «волчьего» поведения, состояла из его ничем и никем не подтвержденных наблюдений; это натолкнуло ряд врачей и психиатров на мысль, что многие из них фальсифицированы. Некоторые из отчетов, принадлежащих перу Сингха, настолько противоречили данным медицинской науки, что большинство ученых вообще не верили, что девочки воспитывались волками, считая, что это была легенда, придуманная Сингхом ради повышения интереса к его приюту. Высказывалось предположение, что девочки могли страдать умственным расстройством и были брошены родителями — вполне обычное дело для той части Индии. Помимо того что в части заметок были неточности с научной точки зрения, никто не смог подтвердить факт

существования того логова, где Сингх, по его заявлению, нашел детей.

Последующее развитие бихевиористского направления в психологии привело некоторых современных авторитетов в этой области к предположению, что девочки не были волчьими приемышами — скорее, несчастными, страдавшими от психического отклонения и проблем в поведенческой сфере. Хотя никто и не отрицал, что эти дети действительно существовали, идея о том, что их вырастили волки, была поставлена под серьезное сомнение. Однако время от времени даже сейчас, в наши дни, дикари — в основном юные — продолжают обнаруживаться.

СВЯЗЬ С ВОЛКОМ

Хотя данная работа и не предлагает детального изучения проблем, связанных с детьми-дикарями, нельзя не отметить, что само представление о подобных «найденых» сильно повлияло на восприятие образа оборотня. Процесс шел в двух направлениях. Во-первых, стали еще более трудноопределимыми различия между человеком и животным. Продолжает ли первобытный зверь скрываться где-то под тонким «культурным слоем», покрывающим подсознание, даже если речь идет о самом цивилизованном человеке? Может ли он высвободиться из плена благодаря неким обстоятельствам или окружению? В XIX веке такое представление было поводом для бурных дебатов в обществе. Работы Чарлза Дарвина бросали вызов — и продолжают это делать по сей день — ведущим доктринам церковного учения, утверждая, что человек, которого полагали целиком и полностью творением Божьим, на самом деле не так уж далеко ушел от шимпанзе. Даже в конце XVII и в XVIII веке исследователи таких мест, как Борнео, описывали покрытых шерстью и похожих на обезьян «людей», живших в лесах, — возможно, они говорили об орангутанах. Возможно ли, чтобы человек вернулся к своим животным истокам под действием определенных обстоятельств?

Во-вторых, существование «найденшей-дикарей» повлияло на «концепцию вервольфа» в том отношении, что усилило представление о таком состоянии как о результате «заклятия» или «несчастья». Вполне возможно, что многие из «найденшей-дикарей» были психически больными или отсталыми, и это приводило к тому, что родители бросали их в лесу. Их поведение в человеческом обществе было результатом умственной неполноценности и дикости обстановки, в которой они росли. Они не несут за это ответственности: они всего лишь жертвы обстоятельств.

Это до некоторой степени укрепило ассоциации между дикарским поведением и «безумием» — связи, которые уже просматривались ранее. Теперь же эти ассоциации нарастали со скоростью «эффекта домино». Вместо того чтобы становиться оборотнем или дикарем ради дурных целей или по велению дьявола, человек делался жертвой заклęcia оборотничества против своей воли. Деформация, происходящая при превращении оборотня, постепенно начинала ассоциироваться с сумасшествием. Свет полнолуния, говорили люди, действует на безумцев — но также превращает больных людей в свирепых животных, поэтому они не могут нести ответственность за свои действия. Их превращение из человека в зверя и нежеланно, и трагично.

Вервольфы в кинематографе

Идея «жертвы» и ее драматического превращения (обычно под губительным влиянием луны) полностью созрела для коммерческого использования и была быстро подхвачена Голливудом. В 1930-х годах кинематограф быстро завоевывал позиции одной из наиболее популярных форм развлечений, а одним из его самых излюбленных жанров был фильм ужасов. Классическая лента «Дракула», со зловещим Белой Лугоши в главной роли, наряду с «Франкенштейном», где снимался англичанин Уильям Генри Пратт, были одними из самых финансово успешных фильмов своего времени. В целях дальнейшего развития жанра (а также из денежных соображений) киностудии вели поиски нового героя для «ужастиков» —

и нашли его в лице вервольфа. В течение всех 1930-х и в начале 1940-х одной из лидирующих компаний кинорынка была студия «Юниверсал», представившая на суд критики в 1931 г. и «Дракулу», и «Франкенштейна». Твердо решившись повторить триумф этих фильмов о монстрах, в 1935 г. студия выпустила «Лондонского оборотня», но успех на долю фильма выпал весьма средний. Владельцы «Юниверсал» решили, что для повторения прежних достижений им необходим настоящий блокбастер.

В 1941 г. на экраны вышел снятый на весьма скромные средства «Человек-волк» — фильм, который представил зрительской аудитории всего мира нового героя — оборотня. С этой лентой возник ряд проблем. Студия планировала на главную роль Лугоши или Карлоффа, чьи имена стали визитной карточкой фильмов ужасов, но оба актера были на тот момент заняты в других фильмах. Актер, на котором остановилась «Юниверсал», несколько отличался от общепринятого образа: не массивный устрашающий гигант и не зловещая мрачная фигура. К тому же он был обладателем сравнительно меньшего по масштабам дарования. Его имя — Крейтон Чейни, он был сыном легендарной звезды немого кино Лона Чейни. Возможно, сознавая ограниченность дара сына, Лон отговаривал его от выбора актерской профессии. Тем не менее, Крейтон был полон решимости делать карьеру в кинематографе и, будучи не из тех, кто отказывается от семейных связей, после смерти отца в 1931 г. избрал себе псевдоним Лон Чейни-младший. Пусть Лон и не был знаковой фигурой для фильмов ужасов, как Лугоши или Карлофф, зато обладал суровой, грубоватой внешностью, которую дополняла почти детская наивность, — такая комбинация подходила к основной идее фильма как нельзя лучше и сделала его настоящим хитом. Он идеально подошел на роль центрального персонажа фильма — человека, подвергнувшегося заклятию.

Однако «Человек-волк» страдал одним серьезным недостатком. Другие два блокбастера студии, «Дракула» и «Франкенштейн», были сняты по классическим книгам Брэма Стокера и Мери Шелли, с которыми была знакома по крайней мере часть зрительской аудитории. А те, кто их еще не читал, могли пойти в магазин и купить книгу, чтобы продлить удовольствие, насладившись ею дома. Образ же вервольфа не имел никакого конкретного литературного воплощения, поэтому фильму пришлось рассчитывать только на собственный сценарий и на актерское мастерство Чейни. Автором сценария был Курт Сьодмак, брат знаменитого режиссера Роберта Сьодмака, снимавшего фильмы ужасов. Чтобы как-то «подкрепить» сценарий, «Юниверсал» включила в него фольклорные элементы — как традиционные, так и вымышленные. Хотя большая часть случаев оборотничества была «засвидетельствована» во Франции, вервольфа сделали обитателем Германии и Восточной Европы — с целью связать сюжет фильма с другими успешными лентами «Юниверсал». В фильме постулировалась идея о том, что человек может стать оборотнем под влиянием полной луны, но только если он был укушен другим таким же существом. Это, разумеется, не имело ничего общего с фольклором, зато отлично соответствовало аналогичному представлению о вампиризме, утверждаемому в «Дракуле».

Сьодмак также ввел еще один мотив: вервольфа можно убить только серебряной пулей. Эта идея якобы была взята из фольклора румынских цыган — на самом деле ничего подобного в нем нет. Хотя оборотни действительно существовали в легендах румынских и российских цыган, они не были каким-то особенным воплощением ужаса. Более того, даже обычных волков цыгане воспринимали с несколько меньшими опасениями, поскольку считалось, что вервольф по-прежнему обладает человеческой душой, которая в основе своей добра. Французская же традиция, как уже отмечалось ранее, относилась к идее оборотня с гораздо большим неприятием, чем цыганское сообщество, — и, конечно, это никак не вязалось с идеологической программой фильмов «Юниверсал».

Сьодмак также предложил идею о том, что вервольфа, как и вампира, можно отпугнуть с помощью распятия — или нарисовав защитную пентаграмму, такую же, как румынский талисман. Опять-таки, никакого основания для этого в настоящем румынском фольклоре не было, но эти детали внесли значительный вклад в драматическую атмосферу фильма, придав сюжетной линии некую мистическую окантовку.

В «Человеке-волке» наличествовали два элемента, которым предстояло стать составной частью позднейшей «вервольф-традиции». Во-первых, фильм утвердил мысль о том, что оборотень зачастую является жертвой некоего фатального заклятия, которое вступает в силу при восходе полной луны (или в новолуние). Почти детская невинность внешности Чейни способствовала тому, что его герой выглядел человеком, живущим в постоянном ужасе перед страшной трансформацией, но неспособным ничего с этим поделать.

Во-вторых, «жертва» в процессе превращения не становилась волком полностью, а скорее делалась чем-то вроде гибрида, получеловеком-полуволком. Сущность этого создания состояла в невероятной свирепости и дикости, ничем не напоминая изначальную, человеческую, и полностью отражая только звериный элемент. В более поздних фильмах герой часто даже не сохраняет никаких воспоминаний о том, что происходило с ним после превращения.

Такой подход, разумеется, ставил некоторое количество вопросов, разрешение которых осуществилось при помощи драматических эффектов в последующих фильмах. Это были вопросы, например, такого рода: что представляет собой само превращение — одержимость духом волка в стиле вуду или верований американских коренных племен? Что произойдет, если луч луны не коснется оборотня: помешает ли это превращению — или оно совершится в любом случае, как только взойдет луна? Может ли священник на самом деле воспрепятствовать превращению? Все подобные вопросы легли в основу фильмов, продолживших линию «Человека-волка».

Хотя фильмы о вампирах продолжали лидировать в жанре ужасов, общее число лент о вервольфах также достаточно велико. В 1940—1950-х они время от времени выходили на экран, но к 1960-м, ознаменованным появлением Кристофера Ли в роли Дракулы, такие ленты стали редкостью. В 1957 г. студия «Америкэн Интернэшнл Пикчерз» выпустила фильм «Я был подростком-оборотнем», снятый Германом Коэном, с Майклом Лэндонем в главной роли «трудного подростка», пытающегося справиться с ликантропией. Фильм пользовался успехом у молодежной аудитории, но не у кинозрителей постарше, поскольку давящая на психику подростковая агрессивность Лэндона в то время рождала тревожные ассоциации, предполагавшие, что воинствующей молодежью движут звериные инстинкты.

Тем не менее фильмы об оборотнях продолжали снимать, поддерживая образ вервольфа в сознании публики. Наверное, одним из самых знаменитых стал фильм Джона Лэндиса «Американский оборотень в Лондоне», который некоторые критики громкогласно объявили «шедевром». Хорошо написанная и снятая, эта история включает многие компоненты, пришедшие из 1930-х, подавая их в захватывающей, свежей и волнующей манере, способствовавшей несомненному кассовому успеху картины. В 1994 г. эстафету подхватил фильм «Волк» с Джеком Николсоном в главной роли, продемонстрировав тем самым, что картины об оборотнях могут привлекать и серьезных актеров-звезд. Эта лента также оказалась финансово успешной.

Другой сферой, где развивался этот жанр, была порнографическая киноиндустрия. Сексуальный элемент, присутствовавший как в «Американском оборотне», так и в «Волке», доказал свою привлекательность для любителей кино, и порнопродюсеры взяли его на вооружение. Эта тема получила и другой аспект. В 1945 г., в последние дни Второй мировой войны, Адольф Гитлер приказал создать бригаду «Вервольф» — формирование фашистских партизан, которые безуспешно пытались помешать продвижению советских войск в Германии. Некоторые порнорежиссеры подхватили эту тему, воплотив «вервольфов» в образе девушек в нацистской военной форме. Так на рынке порнографических фильмов стали появляться ленты типа «Нацистских девушек-волчиц» и «Сексуальных волчиц Третьего рейха», многие из которых были сняты американскими и итальянскими режиссерами.

С пышногрудыми девицами в нацистской форме или без оных, кинофильмы поддерживали образ вервольфа в массовой культуре. Такие ленты, как «Американский оборотень», разумеется, породили ряд подражаний в других культурных сферах, и в

середине — конце 1980-х комиксы вроде «Ночного оборотня» (выпущен компанией «Марвел Комикс») пользовались определенным успехом. Первую скрипку, однако, продолжали играть вампиры, и выходили фильмы типа «Баффи, истребительницы вампиров» (полнометражный вариант и телесериал) или «Сумерек». Вербольфы до некоторой степени были оттеснены на второй план, поскольку того требовали вкусы публики. Кровавое безумие, характерное для многих лент об оборотнях, переключалось в жанр «слэшера», где жестокость и кровопролитие стали прерогативой безумных маньяков, а не гибридных звероподобных чудовищ.

Тем не менее образ рыщущего в лесах существа по-прежнему преследует человеческое воображение, и высокий пронзительный волчий вой, отдающийся эхом в дальних холмах, по-прежнему способен заморозить кровь в жилах. Тень волка здесь, она никуда не делась...

Заключение

Клыки уже не те, что были прежде...

*Даже тот, кто и чист, и невинен душой,
Кто молитвой святой осенил свои сны,
Станет волком, когда расцветет волкобой
В страшном свете осенней луны.*
«Человек-волк», 1935 г.

От древних пещерных росписей в Пиренеях до сегодняшней голливудской «фабрики грез» идея оборотня проделала немалый путь. Это существо было отодвинуто на периферию жанра ужасов. Тогда как предпочтение было отдано вампирам и мумиям — детищу компьютерной графики. Оборотень, однако, по-прежнему прячется в потаенных уголках фольклора, и желающим вполне по силам его выследить. Предки его жили в верованиях и воображении первобытных охотников, смотревших на свирепость и охотничьи таланты волка с ужасом и завистью. Они думали, что, подражая повадкам животного и надевая его шкуру и прочие связанные с ним атрибуты, смогут приобрести похожие навыки и боевую ярость. Возможно, они даже верили, что на них снизойдет дух волка и, овладев их телами, сделает их столь же неистовыми, как и сам зверь, — вполне логичное предположение, надо сказать. Так сформировалась идея об одержимости, оборотничестве и превращении человека в животное.

Оборотень, или человекозверь, воплощал целый комплекс эмоций и восприятий древнего человеческого сообщества: обычный человек, член своей общины, под влиянием дикого зверя становился устрашающим и свирепым охотником. Он заслуживал восхищения, даже благоговения, но также и страха, поскольку в образе яростного, не рассуждающего зверя мог обратить свою злобу на ближних. И в те времена, когда род людской начинал проводить различие между собой и царством животных, из которого он вышел, человекозверь служил откровенным и беспощадным напоминанием о животном прошлом человечества. Для многих возникающих цивилизаций это было довольно неприятным воспоминанием, и по мере того, как люди становились все более организованным обществом, рассказы о диких существах, полулюдях-полузверях, живущих где-то в дальних странах, вгрызались в сознание образованного современного человека, порождая худшие ночные кошмары.

Но был в образе человекозверя и другой элемент, противоположный, — он олицетворял свободу: азарт охоты и отсутствие ограничительных рамок, свойственных более организованной культуре. То была дикая природа; то было радостное возбуждение, которое цивилизованный человек воображал неотъемлемой частью животного мира; они соответствовали скрытым страстям и подавленным эмоциям, сбрасывая все силки и капканы, которые делили общество «цивилизованным». Такие глубоко укоренившиеся вожеления часто заметны в изображениях и скульптурах богинь-охотниц, обычно сопровождаемых волками или волкоподобными существами — как напоминание о сущности охотничьей погони. В этом идеале присутствовал также и элемент силы и власти, поскольку звериная ярость была зачастую залогом победы в битве и сеяла ужас в рядах врагов — соответственно многие герои былых времен ассоциировались с такими вспышками «волчьей ярости», которые стали частью их легендарного образа. Как мы имели возможность убедиться, существовали целые сообщества древних воинов, практиковавших подобные образцы поведения, — например, берсерки скандинавской традиции (носившие «медвежьи рубахи» и

совершавшие с их помощью превращение). Мотив человека-животного, в особенности человека, превращающегося в волка, стал центральным образом многих средневековых баллад и лэ. Однако представление о дикости и непредсказуемости, освобожденной и не поддающейся контролю ярости по-прежнему оставалось в центре этой идеи, оставляя оборотней далеко за пределами сферы добра и порядка.

Неудивительно поэтому, что организации с выраженной иерархией, такие как церковь, рассматривали образ человекозверя со смесью ужаса и отвращения. Для священнослужителей это существо представляло все, что было в человеческой душе темного и дикого, что служило могучим напоминанием о языческом прошлом. Человекозверь был приспешником дьявола, и подобные существа были поселены нечистым в дальних странах, дабы совращать чад Божьих с пути праведного. Более того, продолжали свою мысль священники, были и такие, кто жил совсем рядом, занимаясь тем же делом; кто мог восстать на праведников, убивая их. То были ведьмы и колдуны, жившие внутри общества, замаскировавшиеся твари, жаждавшие творить зло ближним своим по заветам самого дьявола. Они позволяли своей животной стороне брать верх, говорила церковь, либо благодаря действию волшебного артефакта (врученного им дьяволом или присными его), либо посредством заклинаний, чар, зелий или мазей, втайне используемых ими против окружающих.

Такие учения оказали глубокое воздействие на развивающееся общество, ибо они означали, что те, кто был одинок, стар, или отличался от большинства, или попросту был этим большинством нелюбим, немедленно попадал под подозрение. Они также сместили фокус представления о человекозвере, заменив героическую фигуру охотника или воина рыскающей тварью, скрывающейся в лесах и с неистовым бешенством нападающей на праведников по собственной злой воле. То было воплощение греха и тьмы — или, по крайней мере, так говорило христианское духовенство.

Эти два образа — одинокие и чудаковатые личности, живущие на границе нормального общества или вне его пределов, с одной стороны, и демонические косматые волкоподобные существа, с другой — с готовностью были слиты воедино в массовом воображении, в особенности благодаря судебным процессам над вервольфами, как это происходило во Франции. Как и в случае с ведьмами, тех, кто был «чужд» или вел необычный образ жизни, воображение их соседей возводило в ранг вервольфов, способных по желанию принимать волчий облик для неких демонических целей. Их также связывали с представлениями о людоедстве (которое, вероятно, и впрямь существовало в глуши) и сексуальной распущенности, которые, по мнению общества, характеризовали его изгоев.

Жестокость процессов над вервольфами во Франции, происходивших на пороге эпохи Просвещения, наряду с убогим существованием, которое вели большинство осужденных, вызвали горячие споры и глубокие раздумья в среде медиков и людей образованных. Они даже стали причиной появления серьезных научных работ и некоторого сочувствия, подводя к мысли о том, что те, кто становились вервольфами, совсем не обязательно были слугами дьявола, а скорее жертвами некой случайности, сверхъестественной либо медицинской по природе. И по мере того как Просвещение продолжало свое победное шествие, эта идея постепенно становилась ведущей и дожила до нашего времени. На вервольфа теперь смотрели не как на зловредного колдуна, а как на жертву неких трагических обстоятельств.

Рассматривалась также и связь с психическими отклонениями. Это неизбежно привело к мысли о луне, свет которой возбуждает как слабоумных, так и настоящих безумцев (термин «лунатик» как синоним душевнобольного получил особое распространение). Наиболее драматичные превращения в животных, как считалось, происходят под действием тех же губительных лучей. Драма подобных превращений, конечно, искусно разыгрывалась авторами литературных произведений, а позднее — деятелями американской киноиндустрии. Многие книги и фильмы были посвящены попыткам предполагаемой жертвы отсрочить или даже остановить действие «заклятия вервольфа».

И все же под тонким флером понимания и общественного сочувствия по-прежнему

таился страх перед «созданием тьмы». Возможно, во всех нас, спрятанное глубоко под утонченной внешностью, живет желание вернуться к разнузданной дикости наших предков — желание, проявляющееся в виде легенд и сказок об оборотнях, часть которых, как уже было упомянуто, в конце концов превратилась в облагороженные цензурой детские сказки. Появлялись также и отдельные романы о вервольфах, пробившие себе дорогу в большую литературу, которые, хотя и не добились такого эффекта, как произведения о вампирах, все же позволили образу вервольфа не умереть.

Одной из самых замечательных книг о вервольфах стал роман, написанный американским автором, печатавшимся под псевдонимом Сэмюэл Гай Эндор (настоящее имя Сэмюэл Голдстейн, 1900–1970 гг.). Его изданную в 1933 г. книгу «Парижский оборотень» некоторые критики называли «ответом „Дракуле“». В ней много сексуальных страстей, поедания человеческой плоти и всех прочих элементов, характерных для истории про оборотней. Сюжет описывает жизнь главного героя, Бертрана Колле, который родился в результате того, что его мать изнасиловал священник (как отмечалось ранее, дети священников неизменно считались обреченными на оборотничество). Родился он с волосатыми ладонями. Колле живет во времена Парижской коммуны 1871 г. Он влюбляется в девушку и отчаянно пытается ограничить или даже сбросить силу «заклятия», которое, как он чувствует, тяготеет над ним, и роман состоит из описания таких попыток и его любовной истории. Роман, в некотором отношении написанный как противовес «Дракуле» Стокера и «Франкенштейну» Мери Шелли, развивается довольно медленно и, по мнению некоторых обозревателей, написан чересчур слезливо. Тем не менее книга (по которой Энтони Хайндс написал сценарий) легла в основу снятого в 1961 г. фильма «Проклятие оборотня», снятого режиссером Теренсом Фишером, с Оливером Ридом и Ивонной Ромейн в главных ролях. Фильм был работой знаменитой студии «Хаммер-филм», снятой на студии «Брей» в Беркшире. Хотя сценарий только отдаленно напоминал книгу, Хайндс немедленно объявил роман «современной классикой». Фильм оказался довольно успешным, и в начале 1960-х образ вервольфа вновь вышел на первое место в воображении публики.

В 1979 г. сборник рассказов под общим названием «Кровавая комната» снова обратил на оборотня внимание публики. Написанные английской писательницей и журналисткой Анжелой Картер, эти рассказы стали современной переработкой ряда общеизвестных детских сказок; название сборнику дал одноименный пересказ истории о Синей Бороде. В него также вошло несколько легенд о вервольфах, в частности сказка о Красной Шапочке. Один из рассказов, «Волчье братство» (пожалуй, наиболее узнаваемая переработка), привлек внимание прославленного режиссера Нейла Джордана, который превратил его в готическую ленту, пользовавшуюся оглушительным успехом после премьеры в 1984 г. Сара Паттерсон снялась в главной роли невинной девушки, чья несколько неадекватная бабушка рассказывает ей страшные истории о низколобых незнакомцах, которые порой нападали на юных беззащитных деревенских девушек и уносили их в лес, и как иногда после того, как исчезали невинные жертвы, из темноты появлялись волки. Конечно, многие из этих красивых молодчиков на самом деле были свирепыми волками, только в другом обличье; они портили молоденьких девушек и пожирали старух. Это отдаленно напоминает мотив сказки о Красной Шапочке, но фильм был на самом деле посвящен потере невинности и девственности. Он буквально сочился сексуальными намеками и подтекстами, с которыми ассоциируются волки. Фильм роскошно снят, а хорошо написанный и вызывающий зловещие ассоциации сценарий позволял развить всевозможные тонкие нюансы, привлекая еще больший интерес. Некоторые критики отзывались о нем как о «готическом шедевре». Прием, который встретил ленту (и, по ассоциации, книгу Картер), способствовал тому, что образ вервольфа — теперь окрашенный бьющей через край сексуальностью — опять на некоторое время овладел воображением аудитории.

Решающий успех «Волчьего братства» (и, 10 лет спустя, «Волка») и способность темы оборотней привлекать хорошо известных режиссеров и актеров возбудили воображение публики и сделали этот жанр поистине популярным в 1980-х и начале 1990-х гг. Однако с

подъемом «вампирских» телепрограмм и фильмов наподобие «Баффи» и «Сумерек» интерес к диким гуманоидным существам, похоже, снова пришел в упадок. Но скрытый призрак зверя никуда не делся. Он остался где-то в наших воспоминаниях, готовый с рыком появиться из мрака. Время от времени слово «оборотень» употребляется применительно к садистам-убийцам, которые расчлениют, а иногда даже съедают свои жертвы, — таким, например, как Джеффри Дамер. В прежние времена к таким убийцам, вероятно, отнеслись бы так же, как к осужденным по делам об оборотничестве в XVI веке во Франции.

В июле 1990 г. в тюрьму был посажен серийный маньяк, который совершил целый ряд изнасилований по всему юго-востоку Англии. Газета «Индепендент» от 3 июля 1990 г. приклеила ему ярлык «оборотня-насилъника», поскольку несколько нападений он совершил во время новолуния. Судя по отчетам, во внешности преступника не было ничего волчьего — напротив, по мнению свидетелей, он казался личностью довольно жалкой, но мысль о бешеной твари, одержимой животными побуждениями, приклеилась к его преступлениям сама собой. Убийца был пойман — и опять же, он и близко не был похож на волка, но его прозвище так основательно закрепилось в массовом сознании, что теперь его порой используют для описания жестоких убийц и бешеных сексуальных хищников.

В 1991 г., примерно год спустя после ареста «оборотня-насилъника», другой осужденный за сексуальные преступления (теперь под кличкой «человек-волк») бежал из Бродмурской психиатрической больницы и терроризировал населенные пункты на юге Англии несколько дней, пока его не поймали возле одного паба в Девоне. С момента побега он жил дикарем на вересковых пустошах, как животное, — этот образ оказался просто подарком для газет. Идея о хищнике, рыскающем по всему югу Англии, обладала могучей силой воздействия и возродила старые страхи перед зверем, скрывающимся во мраке, в потаенных уголках сознания многих обычных людей. Термин «оборотень», таким образом, стал чем-то большим, чем условное обозначение для описания таких личностей и их антиобщественного поведения. Он взывал непосредственно к древним и глубоко упрятанным страхам, которые до сих пор остаются с нами.

А что же насчет предполагаемых связей между ликантропией и сумасшествием? Хотя Иоганн Вейер не высказывал этого открыто, он намекал на такую связь еще в XVI веке. Однако изыскания в этом направлении удивительно скудны, их можно едва ли не по пальцам перечислить. В 1975 г. два американских врача, Фрида Суравиц и Ричард Банта, изучали два случая ликантропии. Первым пациентом был двадцатилетний мужчина из Аппалачей с длительным стажем злоупотребления наркотиками (в работе назван Х.). Однажды, во время службы в армии в Европе, после приема ЛСД он в одиночку убежал в лес, где вообразил, что превращается в волка, и увидел, как растут пучки шерсти на его лице и руках, которые стали у него на глазах «превращаться» в лапы. Как только «трансформация» завершилась, он почувствовал желание охотиться и убивать других животных. Вернувшись на базу войск США, Х. пребывал в полной уверенности, что он — оборотень, и боялся, что может напасть на кого-нибудь из сослуживцев. Он утверждал, что знает какой-то дьявольский секрет, который был показан ему, когда он пребывал в волчьем облике, хотя идея о демонической одержимости могла возникнуть у него в результате просмотра фильма по книге Уильяма Блатти «Экзорцист».⁵⁰

Конечно, можно сказать, что коктейль из галлюциногенов, которым Х. буквально взорвал свой мозг, повредил его чувству реальности — и похожее объяснение можно дать второму случаю, который касается пациента В. Тридцатилетний фермер, он отпустил себе необыкновенно длинные волосы, завел привычку спать на кладбищах и выть на луну, полагая себя либо волком, либо каким-то другим животным из рода собачьих. Он также мог улечься прямо на улице и уснуть, как собака. После обследования и сравнения результатов с заметками, детально излагавшими результаты тестов, которые он проходил во время службы

⁵⁰ В России и книга, и фильм больше известны под названием «Изгоняющий дьявола».

в военно-морском флоте США, выяснилось, что мозг В. постепенно разрушился почти до состояния умственной отсталости в результате какой-то болезни. Это, возможно, и было причиной его галлюцинаций.

Вскоре после того, как Суравиц и Банта опубликовали свою работу, появился еще один хорошо документированный случай. Дело касалось 49-летней американки, которая не верила, что на самом деле перевоплощается в волчицу, но начала ощущать побуждения к разврату, лесбиянству и супружеской измене (она уже довольно долгое время была замужем). Однажды она дала им выход, сорвав с себя одежду на каком-то семейном сборище, и разгуливала в таком виде, завывая по-волчьи. На следующий день она в припадке сексуального бешенства набросилась на своего мужа, изгрызла и исцарапала супружескую постель, опорожнив в процессе мочевого пузыря и кишечника. Ее положили в больницу и поставили диагноз: одна из форм шизофрении. Однако во время обострений она утверждала, что у нее есть когти и клыки и что она — животное, похожее на волка: она одержима дьяволом, который сделал ее такой. Даже эта женщина, с ее крайне расстроенной психикой, недалеко ушла от идеи волка.

В свете этих работ было предпринято исследование некоторых более ранних по времени случаев, относящихся к началу 1980-х гг., в больнице Мак-Лин в штате Массачусетс. Были пересмотрены истории болезней пациентов, которым был поставлен диагноз «шизофрения». Врачи обнаружили общим счетом двенадцать случаев, классифицированных ими как «ликантропия». Не все пациенты страдали фиксацией на волках, хотя таких было значительное число, и все такие больные рычали, выли и пытались искушать медсестер. Некоторые считали себя другими животными, в их числе оказались птица, мышь-песчанка и кролик, который целыми днями скакал по палате и наотрез отказывался есть мясо. Один пациент воображал себя тигром, одевался в полосатую одежду и отрастил ногти на руках до невероятной длины. Причина таких состояний, используя фрейдистскую терминологию, лежала в подавленных сексуальных желаниях. Идея о безумии и оборотничестве теперь отдалялась от прямой идеи сумасшествия, вызванного светом луны.

Волк прожил с нами долгие годы и оказал глубинное воздействие на наш выбор мировосприятия. Давным-давно появилась идея о том, что мы можем каким-либо образом превратиться в нашего старейшего врага. Но что это за идея — всего лишь мечта охотника, который жаждет азарта погони и успешной охоты? Или темная сила какого-нибудь злонамеренного чародея, желающего обрушить несчастья на своих ближних? А может быть, всего лишь галлюцинации сознания, поврежденного наркотиками или болезнью? Каков бы ни был ответ, волк по-прежнему остается ужасающим и могучим существом, которое до сих пор заставляет вставать дыбом волосы на голове любого человека. Остерегайтесь темной тени в конце улицы при свете луны!

Об авторе

Боб Курран родился в малолюдной местности графства Даун, в Северной Ирландии. Его родные места были богаты фольклором — особенно в той его части, которая касается мира сверхъестественного. Это пробудило в нем интерес к народному творчеству и научило прислушиваться к сказкам и людским поверьям. До поступления в университет, где Боб Курран получил докторскую степень по детской психологии, он сменил несколько профессий. Несмотря на это, интерес к фольклору и народной культуре всегда оставался для него на первом плане, и это побудило его написать несколько книг по этой теме, в том числе «Кельтские властители и легенды», «Вампиры», «Утраченные земли, забытые королевства». Защитив еще одну диссертацию, на сей раз по истории, он читает лекции и ведет телепрограммы по темам, связанным с историей, а также выступает в качестве консультанта ряда культурных организаций Северной Ирландии. В настоящее время он сотрудничает с консультативными органами, занимающимися культурными связями между Северной

Ирландией и Южной Шотландией. Живет в Северной Ирландии вместе с женой и детьми.